

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 4 (52)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

Рябов В. В.

заместитель председателя

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

Алмазова Н. И.

Аминова В. Р.

Афанасьева О. В.

Беляева И. А.

Богданова Л. И.

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

Бубнова И. А.

Геймбух Е. Ю.

Гиллеси Д. Ч.

Джумайло О. А.

Журавлева Е. А.

Колесников А. А.

Колмогорова А. В.

Курдюмов В. А.

Лесневская Д. С.

Матвеева И. И.

секретарь

Меркулова М. Г.

Романова Г. И.

Серебренникова Е. Ф.

Собянина В. А.

Сулейманова О. А.

Тивьяева И. В.

Чернявская В. Е.

Чупрына О. Г.

Шафранская Э. Ф.

Якушев И. В.

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

кандидат педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)

доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)

доктор педагогических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Житенев А. А.</i> Флоросемантика стихотворений «Сцена: человеко-цветень» и «Другу — о где-то жасминах» Г. Айги	7
<i>Васильев С. А., Макарова Е. С.</i> Роль образов водной стихии в главах о Вёшенском восстании в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».....	20
<i>Иванова Е. Р.</i> Романтические аллюзии в творчестве А. Штифтера.....	29
<i>Казмирчук О. Ю.</i> Особенности интерпретации образа Снегурочки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна».....	38

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Гришаева Л. И.</i> Эвфемизация как причина и следствие вариативности соотношения в коммуникации объективируемых и со-активируемых сведений о мире.....	47
<i>Боева-Омелечко Н. Б., Ленец А. В.</i> Лингвостилистическая репрезентация феномена «депрессия» в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним	73
<i>Деятова Н. М.</i> Природные объекты в пространстве русского синтаксиса: реки, моря и океаны.....	94
<i>Огольцева Е. В.</i> Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира	104
<i>Якушевич И. В., Бурмина В. И.</i> Соматический код русской печи в русских народных говорах	118

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Алексеева Е. А.</i> Номинация культурного мероприятия как комплексный маркер региональной идентичности.....	128
--	-----

<i>Тивьяева И. В., Нерсесова Э. В.</i> Развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследованиях отечественных лингвистов (на материале защит кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете Д 850.007.08)	149
<i>Матюшина Н. В.</i> Концептология в МГПУ: наукометрический обзор	158
<i>Алексеев А. Б.</i> Агрессивизация и людизация политического дискурса в свете изучения политеймента	170

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Прошина З. Г.</i> Новый взгляд на обучение плюрицентричному языку	186
<i>Дашинимаева П. П.</i> Методическая школа Бурятского государственного университета: итоги методологического (пере)осмысления Н. В. Языковой	197
<i>Ситдикова В. В., Тарева Е. Г., Федянина В. А.</i> Комплексный анализ учебных пособий по японскому языку для дополнительного школьного образования	206
Требования к оформлению статей	215

CONTENTS

Literary Science

- Zhitenev A. A.* Floral Semantics of the Poems «Scene: Human Blooming» and «To a Friend — About Jasmines Somewhere» by Gennadiy Aigi..... 7
- Vasilyev S. A., Makarova E. S.* The Role of Images of the Water Element in the Chapters about the Veshenskoye Uprising in M. A. Sholokhov's Novel «And Quiet Flows the Don». 20
- Ivanova E. R.* Romantic Allusions in A. Stifter's Novels 29
- Kazmirchuk O. Yu.* Features of the Interpretation of the Image of the Snow Maiden in the Poem by B. L. Pasternak «Spring Again»..... 38

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Grishaewa L. I.* Euphemization as a Cause and Consequence of the Variability of the Ratio in the Communication of Objectified and Co-activated Information about the World. 47
- Boeva-Omelechko N. B., Lenets A. V.* Linguistic and Stylistic Representation of the Phenomenon of «Depression» in English-language Media Texts and Comments to them 73
- Devyatova N. M.* Natural Objects in the Space of Russian Syntax: Rivers, Seas and Oceans 94
- Ogoltseva E. V.* Cornflowers and Bells in the Russian Language Picture of the World 104
- Yakushevich I. V., Burmina V. I.* Somatic Code of Russian Stove in Russian Vernacular Dialects 118

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Alekseeva E. A.* Cultural Event Nomination as a Complex Marker of Regional Identity 128

<i>Tivyaeva I. V., Nersesova E. B. Cognitive-Discursive Paradigm in Works of Russian Linguists (Evidence from MCU Thesis Committee Records).....</i>	149
<i>Matyushina N. V. Conceptology in MCU: Scientific Review.....</i>	158
<i>Alekseyev A. B. Aggressivization and Ludization of Political Discourse in the Light of Politainment Studies.....</i>	170

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Proshina Z. G. A New Perspective on Teaching a Pluricentric Language.....</i>	186
<i>Dashinimaeva P. P. Buryat State University Methodology School: N. V. Yazykova's Methodological (Re)interpretation.....</i>	197
<i>Sitdikova V. V., Tareva E. G., Fedyanina V. A. A Comprehensive Analysis of Japanese Language Textbooks for Secondary Schools.....</i>	206
Requirements for the Style of Articles.....	215

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.01

ФЛОРОСЕМАНТИКА СТИХОТВОРЕНИЙ «СЦЕНА: ЧЕЛОВЕКО-ЦВЕТЕНЬЕ» И «ДРУГУ — О ГДЕ-ТО ЖАСМИНАХ» Г. АЙГИ

Житенев Александр Анатольевич

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия,

superbia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Аннотация. Цель работы — исследовать в сопоставительном ключе семантику флоксов и жасминов в поэзии Геннадия Айги, реконструировать на материале архива поэта историю его стихотворений «Сцена: человеко-цветенье» и «Другу — о где-то жасминах». Актуальность исследования обусловлена неизученностью черновиков поэта; в статье этот материал впервые вводится в научный оборот. В работе используются методы, принятые в российской текстологии и французской генетической критике, для прояснения историко-литературного контекста стихотворений привлекаются сравнительно-исторический и биографический методы. Выборка исследования включает в себя наиболее репрезентативные тексты, в которых особенно полно раскрывается художественная семантика флоксов и жасминов. Результаты исследования позволяют отметить черты сходства в семантике цветов у Айги. Флоксы и жасмины обнаруживают связь с сакральным, репрезентацию Божественного порядка, играют роль медиатора между мирами, обращены к сущностной основе мира. Различия скорее нюансируют оттенки, чем намечают несовпадения: жасмины обращены к идее ранения и жертвы, флоксы связаны с субъективностью; жасмины топологичны, соотносены с центром, тогда как флоксы репрезентируют движение времени. Флоксы скорее указывают на сакральное, нежели являются пространством его пребывания, в то время как жасмины выступают именно как его средоточие. Оба произведения, что нередко бывает с «цветочными» стихотворениями Г. Айги, представляют собой адресованные тексты. Одно из них («Сцена: человеко-цветенье») посвящено французскому театральному актеру и режиссеру, педагогу, переводчику Антуану Витезу, другое («Другу — о где-то жасминах») — композитору и музыканту Андрею Волконскому. Практическая значимость результатов изыскания состоит в возможности их использования при дальнейшем изучении поэтики черновика в разных контекстах, а также в исследованиях цветочной семантики в русской лирике.

Ключевые слова: флоросемантика, поэтика черновика, флоксы, жасмины, современная поэзия.

Для цитирования: Житенев, А. А. (2023). Флоросемантика стихотворений «Сцена: человекоцветень» и «Другу — о где-то жасминах» Г. Айги. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 7–19. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.01>

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19–18–00205.

Original article

UDC 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.01

**FLORAL SEMANTICS OF THE POEMS
«SCENE: HUMAN BLOOMING» AND «TO A FRIEND —
ABOUT JASMINES SOMEWHERE» BY GENNADIY AIGI**

Alexander A. Zhitenev

Voronezh State University,

Voronezh, Russia,

superbia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Abstract. The paper aims to explore and compare the semantics of phloxes and jasmines in Gennady Aigi's poetry, to reconstruct the history of the poems «Scene: Human Blooming» and «To a Friend — About Jasmines Somewhere» relying on the poet's archive. The research is relevant due to the poet's drafts being introduced into scholarly discourse for the first time. The work employs the research methods typical for the Russian textual criticism and French genetic criticism; comparative historical and biographical methods are used to clarify the historical and literary context of the poems. The research relied on the most illustrative samples to elaborate on the artistic semantics of both phlox and jasmine. The research results emphasize obvious similarities in the semantics of flowers in Aigi's texts, both phlox and jasmine are marked against any natural background; they reveal a close connection with the sacred, serve as mediators between worlds; appeal to the world's essential basis and represent the divine order. The differences would hint on the shades rather than outline any discrepancies, jasmines are more 'intense' and are therefore associated with the idea of wounding and sacrifice, while phlox is phenomenological and they are associated with subjectivity. Jasmines are topological, correlated with the centre, while phloxes represent the flow of time. Phloxes would indicate the sacred rather than marking the space, while jasmines work precisely as space determinants. Both poems, which is a typical feature of G. Aigi's 'flowery' texts, have their addressees. The poem «Scene: Human Blooming» is dedicated to Antoine Vitez, a French theatre actor and director, teacher, translator, while the poem «To a Friend — About Jasmines Somewhere» is dedicated to composer and musician Andrey Volkonsky. The practical relevance of the research outcomes lies in the possibility of using them in further research into the poetics of the draft in different contexts, as well as in studying flower semantics in the Russian lyrics.

Keywords: floral semantics, draft poetics, phloxes, jasmines, modern poetry.

For citation: Zhitenev, A. A. (2023). Floral semantics of the poems «Scene: Human Blooming» and «To a Friend — About Jasmines Somewhere» by Gennadiy Aigi. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 7–19. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.01>

Financial Support: Research was funded by the grant from Russian Science Foundation (Project No. 19–18–00205).

Введение

В поэзии Г. Айги распространены цветочные мотивы, что объясняется и особым чувством вписанности человека в природный мир, и стремлением освоить данный мир как пространство сакральных значений. Комментируя произведения подобного типа, А. Хузангай справедливо говорит о текстах-локусах и свойственной им у-топичности (Хузангай, 2009, с. 13). Он же отмечает: «В простых и насущных вещах (явлениях) — поле, лес, деревья (культ деревьев и цветов у Айги), ребенок, свет, ветер — Айги пытается обнаружить духовную силу, энергию, неявленное присутствие Бога-Творца» (Хузангай, 2006).

Стоит подчеркнуть, что способ создания образа-топоса у Айги весьма специфичен: это вовсе не знак, созданный шлейфом культурных ассоциаций, но и не реалья, прямо перенесенная в текст. Поэта интересует *аура* объекта/состояния, именно она определяет то, что будет в тексте отражено, и круг ситуативных значений этого «нечто». Об ауратичности поэзии Г. Айги писала Х. Шталь: «Поэзия создает опыт, о котором она говорит, и в силу которого она возникает; стихи приобретают текучий характер. Тем самым они реализуют фикцию перформативности в ее чистейшей форме — они конституируют свой объект посредством речи. <...> Поэзия становится процессом восприятия, в котором воображение адресанта создает, так сказать, само природное явление» (Stahl, 2019, p. 133). Как следствие, поэтическая семантика Айги, и в частности флоросемантика, в значительной мере носит авторский характер: значения вещей нередко задаются ситуативно и лишь отчасти — с учетом их бытования в культурной традиции.

Примеры с контекстуализацией значений флокса и жасмина здесь особенно показательны, поскольку и тот и другой цветок очень часто встречаются в текстах поэта, а их значения не вполне совпадают с известными контекстами русской поэзии XX–XXI веков.

Впрочем, говоря о контекстах, стоит уточнить, что для флоксов и жасмина они принципиально разные по культурной емкости: жасмин входит в европейский обиход в Средневековье, флокс — в эпоху Просвещения (в России еще позже (Беляева и др., 2012, с. 86)); очевидно, что круг символических значений флокса, если о нем вообще можно говорить, будет несравнимо уже. Мы не найдем этих растений и в книгах о языке цветов XIX столетия, хотя о ясминах в них, конечно, упоминается.

В сборнике «Селам, или Язык цветов» (1830) Д. Ознобишин повествует о том, что посредством белого жасмина говорят: «Будь доволен и моею дружбою», с желтым жасмином признаются: «Я люблю, но молчу о любви моей» (Ознобишин, 1830, с. 111). В анонимном сборнике «Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений» (1849) поясняется, что ямину присуще «эмблематическое значение любовь», «страсть», при этом «желтый ямин означает счастье, а испанский — чувственность» (Язык цветов, 1849, с. 82). Очерченный круг трактований немного нюансируется в популярном справочнике Джилл Дэвис и Джилл Сондерс, согласно которому жасмин белого цвета помогает выразить дружелюбие, желтого — подчеркнуть элегантность и грацию, индийский жасмин указывает на привязанность, а крупноцветковый жасмин символизирует чувственность (Дэвис, Сондерс, 2021, с. 123). В поэзии Г. Айги ни одно из этих значений не актуализируется.

Результаты и дискуссия

В текстовом корпусе Айги стихотворений о флоксах ощутимо больше, чем о жасминах: о первых — 11 текстов («Флоксы в начале» (1976), «Еще на флоксы взгляд» (1976), «Флоксы: безветрие» (1977), «Вечер: флоксы: отсутствие» (1977), «Снова: флоксы в безветрии» (1977), «Завершение: флоксы» (1979), «Флоксы — мельком» (1983), «Флоксы в городе» (1983), «Вдруг — от флоксов» (1986), «Флоксы ночью в Берлине» (1992), «Флоксы — после “всего”» (1982)); о вторых — пять («Поле: цветет жасмин», (1971), «Триптих с жасмином (после гибели друга)» (1976), «Страничка с жасминами» (1979), «С утра кусты жасмина» (1976), «Другу — о где-то жасминах» (1970), сюда же стоит отнести и стихотворение «Сцена. Человеко-цветень» (1977), в котором образ жасмина, хотя и не вынесен в заглавие, является определяющим).

Появление прямых номинаций цветов в заглавиях почти полностью ограничено небольшим временным отрезком: серединой — второй половиной 1970-х годов: из 14 стихотворений девять — относятся к этому периоду, причем семь из них — к 1976–1977 годам. Обилие цветочных текстов в данный промежуток времени не осталось без внимания первых рецензентов поэта, в частности Н. Горбаневской: «И если книга стихов Айги уставлена цветами, то его розы, гвоздики, жасмин, флоксы, боярышник не выпевают ликующий пантеистический гимн, а “ограничиваются” строгостью крюковых распевов, и истории их, сквозные из стихотворения в стихотворение сюжеты, воспринимаются житийно. Эта книга уставлена цветами, как храм в праздник» (Горбаневская, 1982, с. 390).

Наблюдение Горбаневской о сквозном сюжете поддерживается уже типологией заглавий. Во-первых, заглавия выстраивают тексты в некую умозрительную последовательность: «Флоксы в начале», «Снова: флоксы в безветрии», «Завершение: флоксы». Во-вторых, в заглавиях подчеркивается связь впечатления с модусами рецепции: «Флоксы — мельком», «Триптих с жасмином», «Еще на флоксы взгляд». В-третьих, в цветочных сюжетах акцентируется «остановленность» мира, отделенность цветов от бытового фона: «Флоксы: безветрие», «Вечер: флоксы: отсутствие». В-четвертых, в некоторых заглавиях отмечается время перехода, смены состояний: «Вечер: флоксы: отсутствие», «С утра кусты жасмина». Флоксы и жасмины тем самым образуют особый замкнутый мир (мир «завершения»), в который лирический субъект время от времени возвращается («еще», «снова») и встреча с которым помогает ему подвести черту под рядом событий и оценить масштаб собственных личностных изменений («после всего»).

Такая выделенность жасминов и флоксов в цветочном тексте Г. Айги имеет простое объяснение: в его стихах они исключительно *белые* и вызывают устойчивые сакральные ассоциации. Об этом пишет А. Хузангай: «в тексте “Заморская птица” (1962) <...> он откровенно говорит: “слава белому цвету — присутствию бога”. Это важное признание. В других текстах это будет *бинт, гипс, кость, розы, белизна, снег* и другие лексемы, которые так или иначе выражали тему белизны. <...> Момент жертвы, жертвоприношения, которое в чувашской обрядовой практике обозначается животными белого цвета. Истинная чувашская вера <...> подтверждает, что *б е л ы й* — это любимый цвет Торá (Бога)» (курсив и разрядка А. Хузангай. — А. Ж.) (Хузангай, 2006).

Выступая системообразующим элементом поэтической семантики как для флоксов, так и для жасминов, белизна не предопределяет всего круга их значений. Частично значения этих растений пересекаются, но можно выделить и своеобразные компоненты. Попробуем типологизировать флоросемантику в сравнительной перспективе, а затем

обратимся к истории ее изменений в черновиках стихотворений «Другу — о где-то жасминах» (1979) и «Сцена: Человеко-цветень» (1977).

Характеризуя семантику флоксов в поэзии Г. Айги, оговоримся, что эта характеристика — лишь первое приближение, более внимательное прочтение, которое, возможно, позволит уточнить значения данных цветов и яснее описать поэтические контексты.

Прежде всего флоксы четко связаны с ощущением присутствия сакрального в мире, точнее, с эффектом его временного проникновения в профанный мир. Флоксы — это «сосуды открытые», «место их пребывания» «жречески празднуется» («Флоксы в начале»); флоксы — это то, что «не-скрыто-не-раскрыто» («Флоксы: безветрие»); их белизна — «молитва посвященных», и она помогает глубоко пережить красоту цветов как «Евхаристию» («Завершение — флоксы»).

Флоксы также связаны с ощущением гармонии, равновесия, покоя, тишины, неуязвимости, о чем говорят эпитеты «остановленная белизна», «остановленный ветер», «свет», «покой», та чистота, «что-только-чистота»; выражения «в толпе святого тихо сердце», «младенца в доме целомудрие» («Флоксы: безветрие»), близкая «Простота-Страна» («Снова: флоксы в безветрии»), «сердца тишь» («Снова: флоксы в безветрии») и т. п.

Очевидно, что явленность сакрального при всей замедленности течения времени («вы долго-белое») воспринимается как утрачиваемая. В этом смысле флоксы оказываются сопряжены с исчезновением, «пустотой»; в них сквозит «само “прощай” огромное спокойное» («Еще на флоксы взгляд»), «холод ясный отсутствия», они всегда как «будто далеко-белеющее» («Вечер: флоксы: отсутствие»); флоксам не чужда семантика смерти, траура («Флоксы — после “всего”»).

Наконец, с флоксами связывается представление об эфемерности как того состояния, которое ассоциируется не с прикосновением, а с веянием: «довеивают флоксы до дыханья» («Вдруг — от флоксов»), «до памяти» («Вечер: флоксы: отсутствие»). Флоксы — цветы истаивания, обессиливания, иногда — ностальгии: «как будто с головы незримом силы тают» («Флоксы ночью в Берлине»), «ты так внезапно вспомнилась» («Вдруг — от флоксов»).

Как уже было сказано ранее, текстов о жасминах у Айги несравнимо меньше, поэтому не удастся воссоздать столь же детализированную структуру значений. Образные доминанты можно только наметить.

Итак, жасмин, во-первых, обладает семантикой отдельности, отъединенности, «острова» — и «собранности» частного в единое целое: «сквозь острова белого: в поле: все более белого» («Поле: цветет жасмин»), «а зарей собирали / из мглы островки» («С утра кусты жасмина»), «ряды их ряды!... — / их общность: / соборование» («Поле: цветет жасмин»).

Во-вторых, жасмин неизменно предполагает центрированность, обоснованность, это локус упорядоченности: «словно идут к центру-жасмину» («Появление жасмина»), «А как же / не быть / Основанью тому что для мысли присутствует / всюду», «словно душ основание» («Поле: цветет жасмин»).

В-третьих, с жасмином связывается предельность впечатления; жасмин сияет, и, сияя, ослепляет, ранит, напоминает о телесной растерзанности: «Жасмин — / как удары ножом» («Триптих с жасмином»); «Входя в его горницу в плотничко-русском сиянии» («С утра кусты жасмина»); «Сиянье-Отечество» («Триптих с жасмином»), «Жасмин / в ранах кровоточащих / Ангел Мозга» («Запись № 5»).

В-четвертых, жасмин имеет эпифанические смыслы. Он выступает знаком близости Божественного бытия: видится «распахнутым настезь» («Запись № 5»); является центром, попав в который, субъект «тает будто — “во Боге”» («Появление жасмина»); его восприятие — «как Бого-Присутствие» («Поле: цветет жасмин»), как «Отчий дом» («С утра кусты жасмина»).

Очевидны общие черты флоксов и жасмина: отмеченность, выделенность на любом природном фоне; связь с сакральным присутствием, роль медиатора между мирами; обращенность к сущностной основе мира, репрезентация Божественного порядка. Различия скорее нюансируют оттенки, чем намечают несовпадения: жасмины обращены к идее ранения и жертвы, флоксы связаны с субъективностью; жасмины топологичны, соотносятся с центром, тогда как флоксы репрезентируют движение времени; флоксы скорее указывают на сакральное, нежели являются пространством его пребывания, в то время как жасмины выступают именно как его средоточие.

Один из самых значимых «жасминовых» текстов Г. Айги — стихотворение «Другу — о где-то жасминах», посвященное композитору А. Волконскому. Это исключительная по своей важности фигура в творческом окружении поэта: носитель культуры, арбитр изящества, центр притяжения; в интервью «Российской музыкальной газете» (1989) Айги давал ему чрезвычайно высокую оценку: «Мы чувствовали потребность в том, чтобы над нами возвышался некий абсолютный вкус — “абсолют” в кантианском выражении. Такой личности в нашем кругу не было <...> до появления Волконского. Его скальпельный ум сочетался с очень глубоким чувством человечности и высокой одухотворенностью. <...> Часами мог переводить поэзию — просто для друзей. <...> Во всех устремлениях московских поэтов и художников конца 1950-х – начала 1960-х годов главной личностью, объединявшей всех и расширявшей горизонты, был именно Андрей» (Айги, 2022, с. 385).

У Г. Айги несколько стихов, в которых есть прямое посвящение А. Волконскому: «Заморская птица» (1962), «Место: пивной бар» (1965) и «Другу — о где-то жасминах» (1979). Главная тема крайнего из упомянутых произведений — эмиграция и ее последствия для культурного пространства неподцензурной художественной среды. В поэтическом тексте, обращенном А. Волконскому, особое значение имеет эпиграф: «Tout à jamais prit fin» («Кончилось все навсегда»). Он повторяет заключительную строку из короткого стихотворения «Le loriot» («Иволга») Рене Шара, датированного 3 сентября 1939 года: в этот день Франция и Великобритания объявили войну Германии — политика умиротворения потерпела окончательный крах, а Вторая мировая война стала реальностью. Р. Шар был мобилизован и ожидал отправки на фронт. В переводе Е. А. Калегиной данное трехстишие звучит следующим образом:

Иволга в город зари влетела.
Мечом своей песни закрыла скорбное ложе.
Кончилось все навсегда.

(Калегина, 2017, с. 56)

Финальная строка прочитывается как апокалиптическая формула, где «все» — это знакомая мирная жизнь, а «навсегда» — указание на необратимость перемены. В соответствии со смыслами стихотворения Айги строка «Кончилось все навсегда» выглядит как попытка подвести черту под историей дружеских сообществ, распавшихся с массовым отъездом за рубеж представителей «второй культуры» в 1970-е годы. При этом птичьи ассоциации, вероятно, перекликаются со статусом адресата — музыканта.

Точкой отсчета в стихотворении Айги оказывается воспоминание о совместном путешествии по Дагестану («о белое-просто-и-горы-и-я-и-любимое»), который и в творчестве поэта, и в творчестве композитора оставил заметный след. Сообщение об этом путешествии можно найти у Л. Робеля: «В 1961 году, последовав за Андреем Волконским, Айги впервые отправляется в высокогорные долины Кавказа <...>. Он очарован, семь раз сюда возвращается, проходит пешком все районы Дагестана. Он обрел здесь невероятный покой, почувствовал, как душу охватывают умиротворение и радость» (Робель, 2003, с. 46).

Стихотворение строится на простых контрастах: сакрального и профанного («помню как храм» – «стало забвеньем»), важного и забытого («помню» – «не помню»), сущего и уничтоженного («веянье», «распыленность», «пепел»). Айги описывает состояние разрушающейся культуры как единство замедлившегося времени («долгое долго»), превращения вещей в следы самих себя («отсутствие веяньем длится») и утраты центра («пепел пустой “вокруг”»).

Не названные и не описанные в стихотворении жасмины являют реальность из утраченного центра, закавыченного «где-то». Их главная характеристика — сакральное белое, которое противостоит по разным основаниям ставшими новой реальностью пожарищу, пеплу, пустоте. Все сказанное в тексте указывает на это белое, которое оживает только в общей приватной памяти. Десять листов черновиков позволяют детально описать историю данного стихотворения.

Самое примечательное на начальном этапе работы — условность цветочного мотива. В первых листах цветок предстает как образ-аллюзия, он появляется внутри цитаты из стихотворения И. Анненского «Невозможно» («дыханье, что цвет» (Анненский, 1990, с. 146)). При этом у Анненского речь идет о белых хризантемах, отнюдь не о флоксах, а в первом черновом наброске у Айги вообще присутствует вычеркнутый заголовок «Зарожденье полыни»¹:

Зарожденье полыни
О где-то жасминах

А. Волконскому

веет пожарищем
(это страна-и-душа-и-судьба)

где-то-ведь-боль (это видится: да:
будьте как боль
это видится:
(а она и — как сиянье последнее):

«что-то»-из-я — сквозь сиянье! проходит —
(дышал бы — как жабрами):
вздохом последним
криком вздохом — «о — вы!» (и безмолвную вашей есть «дыханье что цвет»:
вот и бело! и достаточно)
в-тайне душою

¹ Архив Айги в Институте Восточной Европы на момент нашей работы с ним (2013 г.) не был разобран, в связи с чем сделать корректное библиографическое описание источника не представляется возможным; здесь и далее все цитаты приводятся по рукописям в личном фонде поэта: Archiv Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, FSO 01–218.

(в мыслях немного
и в воздух-пожарище) тайне-душою
(в-тайне-немного-душою
(пальцы — в порезах — жалел бы?):
(уже без «странь») и (прошептать)
молчаливою вашей.

1 июня 1979

В первом наброске точкой отсчета оказывается состояние-катастрофа, которое скорее осознается, чем воспринимается («веет пожарищем»); оно связано с пониманием губительной неразделимости личного и общего («это страна-и-душа-и-судьба»), которая разом и травмирует, и ослепляет («боль» и «сияние»). Это состояние-катастрофа заставляет оглянуться и увидеть альтернативу состоявшейся эмиграции: невозможность оставаться собой-музыкантом («пальцы — в порезах — жалел бы?») и искусственность подпольного существования («дышал бы — как жабрами»). Неназванное, но предполагаемое цитатой слово — «цвет» «невозможно» заставляет оправдать выбор, хотя он и предполагает рассыпание дружеского круга («уже без “страны”»).

В нескольких последующих листах варьируются отдельные мотивы первого наброска. «Пожарище» субъективируется, связывается с ракурсом («пожарищем / видится (где-то ведь боль): / освещаю лишь так: / невозможно иначе») и личным взглядом («в мыслях немного»). Возникает вопрос, в какой мере и зачем память о нем надо хранить («что — сохранять? вспоминать? будто слышать еще? — пеньем: судьба?»). Выдвигается на первый план мотив сияния, («²что-то”-из-“я”=сквозь сиянье!»), «где-то сиянье / о Боже-сиянье!»), уступающий далее месту мотиву белого («теперь уже “белое” просто»). Вводятся мотивы прощания («в-тайне-немного: уже-на-прощанье!») и умолкания («да (прошептать) молчаливою их (ты же знаешь такое молчанье!»). На отдельных листах появляются даты: 1 июня 1979 4 ч. утра, 22 июня 1979, 24 июня 1979.

В то же время промежуточные этапы работы не создают у поэта ощущения проговоренности всех смыслов, в связи с чем возникают все новые и новые попытки нюансировать детали. Так появляется вариант, в котором ситуация прощания актуализирует мысль о приватном характере разговора («лишь между мной и тобою»), стихотворении как даре («и достаточно дар мой последний»), а пожарище предстает как место, которое может иметь много условных конкретизаций («на лугу», «на горе», «в холмах»):

Другу — о где-то-жасминах

А. Волконскому

друг мой
теперь уже «белое» просто
(просто
достаточно):

и — надо ли: «где-то»? —
«там»-на-лугу-на-горе-в-горах-холмах-да-хотя-бы-«в-России»: не все ли равно! —
распыляется тысячью душ это некое место: такая-то некая! —
«белое» просто: «дыханье что цвет» — и достаточно:
(долго: лишь между тобою и мною как долгое — долго):
да (прошептать) молчаливою их (ты же знаешь такое молчанье!) —

в мыслях немного
и в воздух-пожарище (вот и страна-и-душа-и-судьба!):

в-тайне-немного: уже-на-прощанье!-душою у
прощальной уже белизною

и достаточно дар мой последний

1979

Условное «где-то» в какой-то момент приобретает отчетливую горную прописку, в связи с чем в черновик проникает мотив холода («невиданная стужа», «рассеянная стужа»), который на короткое время даже получает статус субъекта («словно холод глядится вокруг», «словно идеею холода с гор»; «взором взглядом невиданной рассеянной стужи чистое: с гор»). Параллельно с этим белый у-топос «где-то» связывается с «пробелом», выгоревшим пространством («“где-то” идеею пепла пустого: “вокруг”»). Искомый завершающий смысл найден, и текст получает свой окончательный вид.

Сложная и нелинейная логика оформления текстового целого повторяется и в «жасминово-флоксовом» стихотворении Г. Айги, посвященном А. Витезу. Обстоятельства знакомства Г. Айги с А. Витезом и ключевые эпизоды их творческого взаимодействия описаны Л. Робелем: «В 1977 году мой старый друг Антуан Витез, который <...> был совершенно влюблен в поэзию Айги, побывал в Москве для того, чтобы осуществить в театре Сатиры постановку “Мизантропа” Мольера. Я был счастлив устроить ему встречу с Айги. Между ними возникла крепкая дружба. В 1982 году Антуан Витез <...> решил организовать в нем вечер поэзии Айги. Айги не получил разрешения приехать в Париж, и стихи читали перед многочисленной аудиторией я и Витез. В декабре 1988 года Айги был приглашен на фестиваль “Русская поэзия”, который проходил в Гренобле и Париже. Витез <...> организовал памятный вечер в театре Одеон, где Айги, Витез и я читали стихи на французском и русском языках» (Робель, 2006).

Как следует из примечания к книге «Разговор на расстоянии», конкретным мотивом к созданию стихотворения «Сцена: человеко-цветенье» послужила премьера спектакля «Тартюф» в Московском театре сатиры (Айги, 2001, с. 299). История этого «жасминового» текста очень короткая и ясная; самое примечательное в ней — финальный твист с заменой флоксов на жасмины на последней стадии работы.

В первых листах тематизируется событие встречи («восхищеньем-молчанием / в драму вступаю») с освобождающим искусством («мольеро-дыханьем / и взглядом глаза очищающим»). В этой встрече подчеркивается глубина и непосредственность эмоционального контакта («как хрупко человеко-взгляд»), резкий контраст с внетеатральной культурной средой («костистостью окружающей»). Сила этого контакта такова, что уже сама атмосфера спектакля, его предвосхищение несут раскрепощающий эффект (преображение происходит «до» — «до сцены», «до яви», «до снего-цветенья»). Флоксы здесь — это и артисты («человеко-цветенье» «как флоксы»), и, по всей видимости, театральные букеты:

СЦЕНА: ЧЕЛОВЕКО-ЦВЕТЕНЬЕ
(Антуан Витез)

как хрупко человеко-взгляд
и в костистости окружающей
в-не-бережении зренья

сквозь сжатость-Себя-же
 словно — сквозь страх-Магазинный
 Города-Строящего
 (будто в без-зреньи) —

взгляд-и-жест — Человеко-Цветенье
 веет — до-веется — веет
 белизною-сияньем: до сцены!... —

мольеро-дыханьем-и-взглядом
 (глаза очищающим...) —

Человеко-Цветенье!.. —
 все в бликах самоизлучения и:
 взглядов и жестов

(как флоксы — с исхода — до яви!..
 до снего-цветенья!...) —

дарю (восхищеньем-молчанием
 в драму вступая).

27 апреля 1977

Первый лист черновика строится на нескольких простых контрастах: уязвимости («как хрупок человеко-взгляд») и уязвления («костистости окружающей»), неполноценного восприятия («в-не-береженьи зренья», «ярком, железном и многом»; «будто в без-зреньи») и преображенного зренья («взгляд и жест», «взгляд, глаза очищающий», «человеко-взгляд»). Событием здесь является не спектакль, а сама сцена («человеко-цветенье»). Развитие первоначальной наброска, как это нередко бывает в черновиках, предполагает нюансирование замысла:

СЦЕНА: ЧЕЛОВЕКО-ЦВЕТЕНЬЕ (Антуан Витез)

а участие есть восхищенье-молчание
 (в драме):

в не-Бережении зренья
 ярком — железном — и многом —
 сквозь сжатость-Себя-же — сквозь-страх-Магазинный-ослепляющий
 (будто в без-зреньи) —
 Города-Строящего

веет — до-веется — веет
 огнем-белизною: до сцены —

Человеко-Цветеньи!.. — все в бликах
 самоизлучения в трепете в муке-сиянии в пытке-сиянии
 взглядов и жестов...
 в опасности-Городе для хрупкости взгляда

(как флоксы — с исхода — до яви...
 до снего-цветенья) ...

судьбою — мои... (и дарю я

в драму вступаю —

восхищеньем-безмолвием):

и в драме —

участие взгляда-безмолвия —

взгляд — человек.

В новом варианте смещены акценты: вместо «без-зрения» — «ослепленность»; вместо «белизны-сияния» — «огонь-белизна» («мука-сияние, «пытка-сияние»); вместо «бликов самоизлучения» — «трепет самоизлучения»; вместо дистантного «восхищения-молчания» — «участие взгляда-безмолвия» (и «судьба»); вместо «человеко-взгляда» — «взгляд-человек». Логика всех замен вполне очевидна: речь идет об интенсификации впечатления («огонь», «мука», «пытка», связанные со светом-«сиянием»), его персонализации («взгляд-человек»), о глубине личной затронутости («судьба»), об остроте контраста сценического пространства и повседневности («опасность-город»).

На этом основные сюжетные акценты фиксируются, далее идет работа только с формулировками, которые способны передать исключительность зрительского опыта. Именно на данном этапе в соответствии с различием описанной ранее семантики цветов флоксы заменяются жасминами, обладающими более выраженным значением интенсивности. Сравним две концовки стихотворения из двух последних листов черновика:

как флоксы — с исхода до яви
в мерцание-памяти всюющие!.. —

(как излучение флоксов мерцанье —
(с исхода до яви) —
до снего-мерцанья)

а участие в том свето-круге
есть восхищенья-молчанья:

(роль неожиданная) —
очищенный взгляд-человек

3 мая 1977

* * *

веет-лучится-и-веет
огнем-белизною — до сцены:

в пытке-сиянии
взглядов-и-жестов —

Человеко-Цветенье!

(как с исхода до яви — до снего-мерцанья — ~~всянье флоксов~~
жасмина мерцание — свето-толчками)

а участие в том свето-круге- Сиянии
есть восхищенья-молчанья:

роль неожиданная:
освобождение-взгляд: человеко-свобода.

3–4 мая 1977

Здесь больше всего уделено внимания персонализации впечатления, его наделянию статусом самостоятельного субъекта: «взгляд-человек», «освобождение-взгляд», «человеко-свобода». На данном этапе «участие» окончательно становится «ролью», позиция зрителя превращается в позицию артиста, вошедшего в «круг-сияние». Сравнивая варианты, Айги останавливается на формуле «освобожденный / взгляд-человек». Именно он отражен в итоговом стихотворении, опубликованном в сборнике «Отмеченная зима».

Заключение

Таким образом, сравнение историй двух «цветочных» стихотворений позволяет отметить следующее:

во-первых, выбор цветка в поэтическом тексте совершенно необязательно продиктован тем, что увидено, но и готовый круг символических значений не имеет здесь роли: вокруг некоторых ключевых образов семантика создается ситуативно;

во-вторых, между текстом и реальностью вполне может стоять какой-то опосредующий фактор (например, поэтическая цитата), который может определять логику развертывания ассоциаций;

в-третьих, смысловые концы, поясняющие движение смыслов, часто оказываются спрятаны в черновике, и опубликованный текст предьявляет читателю вариант с опущенными мотивами-объяснениями.

Список источников

1. Айги, Г. (2000). *Разговор на расстоянии: статьи, эссе, беседы, стихи*. Лимбус Пресс.
2. Айги, Г. (2022). Судьба Андрея Волконского. *Узелки времени. Эпоха Андрея Волконского: воспоминания, письма, исследования* (с. 385–392). Jaromir Hladik press.
3. Айги, Г. (2009). *Собр. соч.*: в 7 т. Т. 5. Гилея.
4. Анненский, И. (1990). *Стихотворения и трагедии*. Советский писатель.
5. Беляева, Т. Н., Бутенкова, А. Н., Чикин, Ю. А., & Гайворонских, О. А. (2012). Сравнительная оценка сортов флокса (*Phlox L.*) при интродукции на юге Томской области. *Вестник Томского государственного университета. Биология*, 4(20), 68–76.
6. Горбаневская, Н. (1982). Благодарение за поэта. *Континент*, 33, 382–390.
7. Дэвис, Дж., & Сондерс, Дж. (2021). *Тайный язык цветов*. КоЛибри, Азбука-Аттикус.
8. Калегина, Е. А. (2017). *Поэзия Рене Шара: проблемы интерпретации и перевода (на материале сборника «Fureur et mystère»)* [Магистерская диссертация. Екатеринбург].
9. Ознобишин, Д. (1830). *Селам, или Язык цветов*. Типография департамента народного просвещения.
10. Робель, Л. (2003). *Айги*. Аграф.
11. Робель, Л. (2006). Почерк Айги. (2023, 13 октября). *Свежий Номер*, 11(25). <http://detira.ru/arhiv/publication.php?id=1501>
12. Хузангай, А. (2009). У-топия Геннадия Айги. В Г. Айги. *Собр. соч.*: в 7 т. Т. 6, 3–9.
13. Хузангай, А. (2006). *Вопрошание о Боге*. (2023, 13 октября). <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/3/voproskanie-o-boge.html?ysclid=lkguijw293536890813>
14. *Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений*. (1849). Типография И. Фишона.
15. Stahl, H. (2019). Lyrik als Medium auratischer Naturerkenntnis: Eine Antwort auf die Herausforderungen des Anthropozäns (Gennadij Ajgi, Keijiro Suga, Christian Lehnert). *Internationale Zeitschrift für Kulturkomparatistik*, 1, 119–161.

References

1. Aigi, G. (2000). *Conversation at a distance: articles, essays, conversations, poems*. Limbus Press. (In Russ.).
2. Aigi, G. (2022). The fate of Andrei Volkonsky. *Knots of time. The era of Andrei Volkonsky: memories, letters, research* (pp. 385–392). Jaromir Hladik press. (In Russ.).
3. Aigi, G. (2009). *Collected works: in 7 vol. Vol. 5*. Gileya. (In Russ.).
4. Annenskiy, I. (1990). *Poems and tragedies*. Sovetskiy pisatel. (In Russ.).
5. Belyaeva, T. N., Butenkova, A. N., Chikin, Yu. A., & Gaivoronskikh, O. A. (2012). Comparative estimation of Phlox sorts (Phlox L.) in culture in the south of Tomsk region. *Tomsk State University Journal of Biology*, 4(20), 68–76. (In Russ.).
6. Gorbanevskaya, N. (1982). Thanksgiving for the poet. *Continent*, 33, 382–390. (In Russ.).
7. Davis, Gill, & Saunders, Jill. (2021). *Secret language of flowers*. KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russ.).
8. Kalegina, E. A. (2017). *Poetry of Rene Char: problems of interpretation and translation (based on the book «Fureur et mystère»)* [Master's dissertation. Ekaterinburg]. (In Russ.).
9. Oznobishin, D. (1830). *Selam, or The Language of Flowers*. Tipografiya departamenta narodnogo prosveshcheniya. (In Russ.).
10. Robel, L. (2003). *Aigi*. Agraf. (In Russ.).
11. Robel, L. (2006). *Aigi's handwriting*. (2023, October 13). <http://detira.ru/arhiv/publication.php?id=1501> (In Russ.).
12. Khuzangay, A. (2009). U-topia by Gennady Aigi. In G. Aigi. *Collected works: in 7 vol. Vol. 6*, 3–9. (In Russ.).
13. Khuzangay, A. (2006). *Questioning about God*. (2023, October 13). <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/3/voproskanie-o-boge.html?ysclid=lkguijw293536890813> (In Russ.).
14. *The Language of Flowers, or A description of the emblematic meanings, symbols and mythological origins of flowers and plants*. (1849). Tipografiya I. Fishona. (In Russ.).
15. Stahl, H. (2019). Lyrik als Medium auratischer Naturerkenntnis: Eine Antwort auf die Herausforderungen des Anthropozäns (Gennadij Aigi, Keiji Suga, Christian Lehnert). *Internationale Zeitschrift für Kulturkomparatistik*, 1, 119–161. (In German).

Информация об авторе

Александр Анатольевич Житенев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры издательского дела Воронежского государственного университета.

Information about the author

Alexander A. Zhitenev — Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Publishing, Voronezh State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.02

РОЛЬ ОБРАЗОВ ВОДНОЙ СТИХИИ В ГЛАВАХ О ВЁШЕНСКОМ ВОССТАНИИ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Васильев Сергей Анатольевич¹,
Макарова Елена Сергеевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ vasilvsa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6985-5002>

² elenamakarova605@gmail.com

Аннотация. Вёшенское восстание в событийном и содержательном аспектах представляет собой центр романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон». Посвященные ему главы входят в шестую и начало седьмой частей произведения, относительно автономны в тексте и имеют собственную внутреннюю форму, важные грани которой создаются за счет образов водной стихии и близких ей многочисленных ассоциативных планов. Вслед за А. А. Потебней, Ю. И. Минераловым, другими учеными, продолжающими отечественную академическую традицию, авторы статьи понимают внутреннюю форму как образы образов и идеи идей, представления, объединяющие ранее никак не соотносимые в смысловом плане явления. Заглавие, эпиграфы, пейзажи, портреты, художественные детали системно включают в себя сопоставления с водой и ее восприятием миром казачества. Недовольство войной распространяется в среде казачества вначале мелкими ручейками, а позже — сплошным водным потоком, сносящим все на своем пути. Этот образ рядом ассоциативных нитей связывается с последующими картинами назревания и все большего усиления Верхне-Донского восстания. Завязка этой сюжетной линии соотносится с образом коловерти (водоворота) и встречаемых, сшибающихся речных течений, в то время как на уровне персонажей реализуется через слова Мирона Григорьевича Коршунова, призывающего казаков к вооруженному выступлению. Образы ломающегося льда, половодья, водного потока связывают мир природы и психологическую и социальную жизнь человека, в значительной степени формируют художественное содержание глав о Вёшенском восстании.

Ключевые слова: роман «Тихий Дон», Вёшенское восстание, внутренняя форма, водная стихия, ассоциативные планы.

Для цитирования: Васильев С. А., Макарова Е. С. (2023). Роль образов водной стихии в главах о Вёшенском восстании в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 20–28. <https://orcid.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.02>

Original article

UDC 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.02

**THE ROLE OF IMAGES OF THE WATER ELEMENT
IN THE CHAPTERS ABOUT THE VESHENSKOYE UPRISING
IN M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL «AND QUIET FLOWS THE DON»****Sergey A. Vasilyev¹,
Elena S. Makarova²**^{1,2} Moscow City University
Moscow, Russia¹ vasilyeva@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6985-5002>² elenamakarova605@gmail.com

Abstract. The Vyoshenskoye Uprising in its eventful and substantive aspects is the center of the epic novel ««And Quiet Flows the Don»» by M. A. Sholokhov. The chapters dedicated to it are included in the 6th and the beginning of the 7th parts of the literary work. They are relatively autonomous and have their own rich inner form, important facets of which are created due to water images and numerous associative perspectives. Following A. A. Potebney, Yu. I. Mineralov, and other scientists who continue the Russian academic tradition, the authors of the article understands the inner form as images of images and ideas of ideas, representations that connect previously unrelated phenomena in semantic terms. The title, epigraphs, landscapes, portraits, artistic details systematically include comparisons containing water elements and their perception by the Cossacks. The discontent with the war spreads among the Cossacks at first in «small streams», and later — in a continuous stream of water, demolishing everything in its path. This image is connected by a number of associative threads with subsequent pictures of the Upper Don Uprising brewing and gaining momentum. The plot of this storyline correlates with the image of a swirl (whirlpool) and the oncoming, colliding river currents, while at the level of characters it is realized through the words of Miron Grigoryevich Korshunov, calling the Cossacks to arms. The images of ice breaking, high water, continuous water flow and others give rise to ideas common to the natural world and the psychological and social life of a person, largely form the artistic content of the chapters on the Vyoshenskoye Uprising.

Keywords: novel «And Quiet Flows the Don» by M. A. Sholokhov, Vyoshenskoye Uprising, inner form, water element, associative perspectives.

For citation: Vasilyev S. A., Makarova, E. S. (2023). The role of images of the water element in the chapters about the Veshenskoye Uprising in M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 20–28. <https://orcid.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.02>

Введение

В любой работе, имеющей научный характер, первостепенным является вопрос методологии, в нашем случае — концепция стиля в общехудожественном значении термина и внутренней формы, одного из базовых понятий филологической науки. А. А. Потebня, один из ведущих теоретиков русской академической филологической науки, чье наследие имеет высокую степень актуальности и для современного литературоведения, видел заслугу писателя «в силе внутренней формы» (Потebня, 1990, с. 28). Понятие внутренней формы в применении к произведению ученый проиллюстрировал путем анализа сравнения образа воды

и человеческого чувства в народной песне: «Чистая вода течет в чистой речке, а верная любовь в верном сердце» (Потебня, 1990, с. 25). Комментируя смысловую связь, устанавливающуюся между внешне никак не связанными явлениями (водой и любовью), ученый отметил следующее: «Связь между водою и любовью установится только тогда, когда... в сознании будет находиться связь света, как одного из эпитетов воды, с любовью. Это третье звено <...> есть именно внутренняя форма, иначе — символическое значение <...> образа воды» (Потебня, 1990, с. 25).

Высказанные ученым мысли теоретического и практического характера, проиллюстрированные на примере анализа фольклорного образа воды, можно с полным основанием применить при осмыслении исключительно гибкой внутренней формы шолоховского образа Вёшенского восстания, а значит, важнейших содержательных аспектов произведения и роли водной стихии в ее создании.

О воде в изображении Шолохова ученые писали многократно (Акиньшина, 2007; Муравьева, 2007; Диброва, 2013; «Алмазные россыпи...», 2015; Ширина, 2017), и это закономерно, так как уже само название романа и эпитафия из народных песен к нему прямо указывают на центральную роль образа реки в произведении и, в частности, в раскрытии исторической составляющей его тематики. Так, Н. Н. Есипович выделяет стихию воды в «Тихом Доне» в разряд основополагающих. Продолжая традицию шолоховедения, литературовед пишет о многозначности этого образа, когда водная «стихия сродни роковой переменчивости жизни донцов в годы “великого передела”» (Есипович, 1996, с. 45). Среди часто отмечаемых функций изображения водной стихии — близкие к стилистике народнопоэтических произведений параллелизмы между состоянием природы и состоянием человека, психологизм (Костин, 2020, с. 389–417).

Задача данной статьи — выявить роли водной стихии в главах о Вёшенском восстании в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Подчеркнем, что речь в работе пойдет не только о персонажах, пейзажах и мифопоэтике писателя, но и о Вёшенском восстании в изображении Шолохова как целом, об определенной грани его воплощения.

Как было сказано ранее, А. А. Потебня писал о внутренней форме, образующей и структурирующей фольклорную песню. Важно подчеркнуть, что о внутренней форме можно говорить не только в применении к слову или сравнению, но и на материале фрагмента или глав, целых частей объемного произведения. В учебном пособии «Теория литературы» под редакцией Н. Д. Тмарченко отмечается такая характерная черта эпических произведений, как фрагментарность, когда «текст состоит из фрагментов, вычлняемых на разном уровне и по разным критериям» (Теория литературы, 2004, с. 287). При этом фрагментарность «коррелирует с <...> самостоятельностью частей или элементов самого изображенного мира» (Там же). Эти суждения вполне применимы к главам о Вёшенском восстании. Как отмечается в «Шолоховской энциклопедии», в основу третьей и отчасти четвертой книги романа были положены события Вёшенского восстания, в частности, XXVIII–LXV главы шестой части (3-я кн.) и I–V главы седьмой части (4-я кн.) (Воронцова, 2012, с. 128). О соотношении частей романа «Тихий Дон» и произведения как целого существуют недавние работы, опубликованные в журнале «Мир Шолохова» (см., в частности: Ванюков, 2021).

Для нашей работы принципиально значимым является также понимание внутренней формы, содержащееся в трудах Ю. И. Минералова, который вслед за В. фон Гумбольдтом и А. А. Потебней интерпретирует это ключевое для филологии понятие как «образ идеи (или образ идей), образ образа (или образ образов)»,

на котором «базируются взаимные отличия стилей» (Минералов, 1999, с. 31) (здесь и далее курсив наш. — С. В., Е. М.).

Основная часть

Изображение Вёшенского восстания в «Тихом Доне» М. А. Шолохова обычно рассматривается в соотнесении с историческими документами об этом важнейшем, но некоторое время замалчиваемом событии Гражданской войны, и это вполне естественно и закономерно. Однако дело не только в правдивости и часто документальной точности созданной Шолоховым картины (Венков, 2012). С нашей точки зрения, не менее важно, особенно когда речь идет именно о филологическом анализе этого выдающегося произведения мировой литературы XX века, выявить художественные особенности этого изображения, те способы и приемы, с помощью которых формируются содержательные планы романа и авторский взгляд на Вёшенское восстание — в аспекте литературы, а не истории. В этой связи значительную роль в осмыслении глав о восстании играют не только сюжет и архитектура (Сухих, 2009), герой (Муравьева, 2007) и деталь (Трофимова, 2009), другие планы, раскрывающие стиль произведения, но и образы природы и, в частности, водной стихии (об этой проблематике см.: Символика воды..., 2022).

Как известно, восстанию предшествовало другое крупное событие — отказ казаков держать фронт против красных. Характерно, что воплощен этот важный содержательный план через развернутый пейзаж, причем весенний, связанный с таянием снега и постепенно, но неумолимо усиливающейся и берущей полную власть водной стихией. Хотя описываемые события относятся к ноябрю, кануну зимы, в тексте возникает образ проснувшейся воды: «Недовольство войной, вначале *журчившееся* по сотням и полкам *мельчайшими ручейками*, неприметно слилось в *могущественный поток*» (Шолохов, 2017, с. 85).

Далее Шолохов создает основанный на параллелизме развернутый образ путешествия по весенней степи, который имеет не только самостоятельную художественную ценность как блестящее описание природы, но и символическое значение — стихийное, неподвластное ни строгому анализу, ни чьей-либо воле оставление казаками фронта, проявление глубинной сущности человеческой природы, ее «раскрепощение»: «Кругом — непечатый лиловый снег. А под ним, невидимая глазу, творится извечная прекрасная работа — раскрепощение земли. Съедает солнце снег, червоточит его, наливает из-под исподу влагой» (Шолохов, 2017, с. 85–86). В сюжетном плане данной картины соответствует самовольное оставление Григорием, уверенным в скором падении фронта, своей части.

Приведенный в сокращенном виде развернутый фрагмент не просто «пейзаж-предварение» (Сухих, 2009, с. 283), которых много у Шолохова. Образ обладает большой ассоциативностью и создает значимые планы внутренней формы произведения в целом — как предшествующих, так и последующих его фрагментов. Как замечено (Акиньшина, 2007, с. 140), он соотнесен с изображением оставления казаками германского фронта, когда они «*буйной, поволодной лавиной* катились на родину» (Шолохов, 2017, с. 512).

Спустя время, уже в реальный весенний период, седьмого марта, когда восстание набирало все большую силу и повстанцами была взята станица Каргинская, Шолохов

дает короткий и, казалось бы, проходной пейзаж, однако тесными ассоциативными нитями связанный с предыдущим: «Дороги стали непроездны: что ни ложок — ловушка. Напитанный водой снег проваливался до земли» (Шолохов, 2017, с. 190). Одна из деталей, объединяющих оба пейзажа, — буераки. Они в первом случае «мощно ревут», а во втором — «заиграли». Другая, финальная для обеих картин деталь (что является важной особенностью шолоховского пейзажа, сконцентрированного в конечном счете на мире людей), — это состояние персонажей. В первом случае путешествующий в весеннее половодье человек растерян, «ищет глазами места поменьше», во втором, как бы в продолжение и развитие намеченной ранее мысли, падает «от усталости», с огромным трудом преодолевая непроездные, залитые водой дороги.

Параллель *восстание – половодье*, закрепляющая прежние, данные намеком указания, прямо проведена писателем в начале XXXVIII главы шестой части (Ширина, 2017, с. 17): «*Полой водой взбурлилось и разлилось* восстание, затопило все Обдонье, задонские степные края на четыреста верст в окружности» (Шолохов, 2017, с. 201).

На трагическую сущность событий Гражданской войны указывает и символическое, в частности оксюморонное (Муравьева, 2007, с. 63), название романа и эпиграфы, прежде всего к третьей книге романа, в котором изображено, как Дон «помутился весь, сверху донизу» (Шолохов, 2017, с. 5).

Завязка сюжетной линии глав о восстании (первым о необходимости вооруженного выступления говорит Мирон Григорьевич Коршунов) образно соотносится с описанием донских омутов и коловерти, емко и эмоционально прокомментированным повествователем: «*Из глубоких затишных омутов сваливается Дон на россыпь*. <...> взятый в неволю Дон прогрызает в теклине глубокую прорезь, <...> стремительно гонит одетую пеной белогривую волну. За мысами уступов, в котловинах *течение образует коловерть*» (Шолохов, 2017, с. 149).

Образ, семантически соединяющий природное явление с миром людей, строится через отмеченные ранее выражения: свалиться (о воде), россыпь (ассоциативно — омут) встречные течения, коловерть: «*С россыпи* спокойных дней свалилась жизнь в прорезь. *Закипел* Верхне-Донской округ. *Толкнулись два течения*, <...> и понесла, *завертела коловерть*» (Шолохов, 2017, с. 149). Так, природное явление раскрытия реки образно влечет за собой страшные события Гражданской войны на Дону (см. об этом подробнее: Муравьева, 2007, с. 63).

Характерные слова-образы из приведенных описаний — прежде всего *червоточит*, *коловерть*, ставшие символами времени, позволяют соотнести главы о Вёшенском восстании с также содержащими воплощение темы Гражданской войны «Донскими рассказами», причем не только узко тематически, но и конкретно, художественно, через соответствующую внутреннюю форму (рассказы «Червоточина», «Коловерть» и др.). Согласно «Словарю языка Михаила Шолохова», слово *коловерть* имеет два основных значения: «1. Водоворот, сильное вращательное движение воды... 2. Перен. Круговорот, быстрое, увлекающее за собой движение чего-л.» (Словарь..., 2005, с. 455–456).

Еще одна ассоциативная нить, грань созданной писателем внутренней формы глав о Вёшенском восстании, связывает содержащий сюжетную перспекцию образ с собственно изображением восстания. Она реализуется через упоминание и описание ломающегося в Доне льда (Ширина, 2017, с. 17). Эта характерная деталь приведена в контексте прямого призыва к прячущемуся от красных Григорию взять в руки оружие: «Вставай! Дон поломало!.. <...> Восстали еланские и вешенские с этой стороны»

(Шолохов, 2017, с. 164). И уже с иным настроением, в сомнениях о верности выбранного пути соединения с Добровольческой армией, будет сообщено это известие позже: «— А примут нас кадеты?» — «Скоро поломает Дон, — покашливая, сказал Кудинов» (Шолохов, 2017, с. 209).

Еще раз ломающийся лед Дона упоминается в связи с описанием неудачного боя красных за хутор Антоновский, в котором участвовали Штокман и Михаил Кошевой и где разрывы гранат сопровождается звук лопнувшего льда: «Сзади, на Дону с треском лопнул лед» (Шолохов, 2017, с. 220). В этом случае ломающийся на реке лед, возможно, является зловещим предзнаменованием падения власти красных и трагической гибели Ивана Алексеевича и Штокмана: лед лопается сзади, как бы в тылу отряда.

Образ освобождающихся ото льда рек, воплощенный метафорически, может иметь в романе и зловещее символическое значение. Так, весенняя природа воплощается следующей яркой характеристикой: «Весна *отворяла жилы рек*» (Шолохов, 2017, с. 195). Отворяла — значит открывала, надрезала, выпускала изначально кровь, возможно, убивала, а в данном случае — выпускала воду, вышедшую из-под ломающегося льда. О перерезанных «жилушках» Григорий говорит, высказываясь о судьбе восстания, которое обречено на то, чтобы пристать к одной из противоборствующих сторон — белым («кадетам») или красным: «...куда же подадимся? Пути нам — все жилушки перерезаны!» (Шолохов, 2017, с. 232).

Трагическая судьба восстания воплощается через еще один характерный образ водной стихии. Командующий одной из повстанческих дивизий Кондрат Медведев сравнивает участь мятежников с положением ужей в половодье: «Собьют нас в кучу, и очутимся мы <...> как ужаки в половодье где-нибудь на островке» (Шолохов, 2017, с. 208).

Ассоциативная линия, идущая от метафорического образа, соединяющего через общий признак талую воду и восстание, проводится писателем и в портрете восставшего. Это проявилось в описании гонца из станицы Алексеевской, пытавшегося склонить вёшенцев к походу в этот юрт с тем, чтобы поддержать и поднять к выступлению колеблющихся казаков. Этот «казачина», носивший «пламенно-рыжий с черными ворсинками лисий малахай» (Шолохов, 2017, с. 204), как всегда у Шолохова, даже в случае описания эпизодического персонажа, изображен ярко индивидуально, с внутренней формой, связывающей портрет через общие детали, по Потебне, «представления», с воплощенным через водную стихию образом восстания (о портрете у Шолохова см.: Гоффеншефер, 1938; Жандарова, 2013; Кукса, 2019, и др.). Так, у «казачины» «по морщинам лба, как *по ерикам вешняя вода*, стремительно сыпал пот...» (Шолохов, 2017, с. 204). Напомним, что восстание предвлялось «мельчайшими ручейками» недовольства войной. Ерик и есть такого рода «мельчайший ручеек», точнее, «ручей, проточная вода, обычно текущая по дну лощины, оврага» (Словарь языка, 2005, с. 350).

Лицо казака в огромном и теплом малахае, который он не снял в теплом помещении штаба, все более покрывается потом. Образно говоря, ерики превращаются в полноценные реки: «пот *омывал его так обильно*, что даже борода и пониклые рыжие усы были осыпаны, будто мелким бисером» (Шолохов, 2017, с. 204). Восстание же, как было отмечено ранее, «*полой водой взбурилось и разлилось*». Сравнение «как по ерикам» и дальнейшее его развитие — обильный пот, омывающий лицо, а также контекст восстания позволяют фиксировать такого рода образно-ассоциативные

связи: наполненные талой водой реки и ерики — расширяющееся и усиливающееся восстание — портрет мятежного или готовящегося к мятежу казака.

Относящиеся к водной стихии представления под пером Шолохова включаются в воплощение образа боя, в частности, характеризуют действия казачьих сотен у хутора Свиридова, где Григорию Мелехову обманным маневром удалось заманить красных в ловушку: «*Слитная струя* казачьих сотен, как стремя реки, наткнувшись на утес, плавно *разлилась на два рукава*, обнажив красноармейскую лаву» (Шолохов, 2017, с. 200). Накал борьбы передан здесь не только с помощью водных образов, но и путем уподобления разлившейся народной массы вулканической лаве.

Заключение

Итак, главы о Вёшенском восстании в романе «Тихий Дон», занимающие ключевое место в произведении, почти всю шестую и начало седьмой части, воплощающие центральное событие казачьей эпопеи, могут и должны рассматриваться как относительно автономные, имеющие особую внутреннюю форму, определяющую исключительную содержательную глубину как названных глав и частей, так и всего произведения в целом. Ключевую роль здесь играют описания водной стихии и связанные с ними художественные ассоциации, строящиеся на основе параллелизма, контраста, образно-символического единства мира природы и жизни человека и общества. Особое место в этой связи принадлежит заглавию произведения, эпиграфу, пейзажу, портрету, включающим в себя сопоставления с водой и ее восприятием миром казачества, авторской индивидуальностью М. А. Шолохова. Образы ломающегося льда, половодья, коловерты и другие порождают представления, общие для мира природы и психологической и социальной жизни человека, осуществляют свойственное искусству, по выражению А. А. Потебни, «сгущение мысли», компактными средствами позволяют передать неисчерпаемое художественное содержание, всякий раз формирующееся заново и непредсказуемое в своих частностях в воспринимающем читательском сознании.

Список источников

1. Акиньшина, Т. В. (2007). Топос реки в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Филологос*, 1–2(3), 132–142.
2. «Алмазные россыпи русской речи»: языковое мастерство М. А. Шолохова. Коллективная монография. (2015). Издательство Южного федерального университета.
3. Ванюков, А. И. (2021). Часть как мера целого в романной структуре «Тихого Дона»: части первая, вторая, третья. *Мир Шолохова*, 2, 18–30.
4. Венков, А. В. (2012). *Вёшенское восстание*. Вече.
5. Воронцова, Г. Н. (2012). Восстание Вёшенское. *Шолоховская энциклопедия* (с. 127–129). Синергия.
6. Гоффеншефер, В. (1938). Шолоховский пейзаж. *Литературный критик*, 8, 121–135.
7. Диброва, Е. И. (2013). Река Дон в композиции романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Известия Южного федерального университета. Серия «Филологические науки»*, 3, 64–70.
8. Есипович, Н. Н. (1996). «Тихий Дон»: онтология общечеловеческого в авторских описаниях войны. *Войны России в изображении М. А. Шолохова* (с. 43–46). Ростовский государственный университет.

9. Жандарова, Т. А. (2013). Функции портрета в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. А. Лобачевского*, 4(1), 338–344.
10. Костин, Е. А. (2020). *Шолохов: эстетика и мировоззрение*. Алетейя.
11. Куksа, П. В. (2019). Поэтика портрета в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Наука России: цели и задачи* (ч. 4, с. 56–60). Сборник научных трудов по итогам XV научной конференции 10 июня 2019 года.
12. Минералов, Ю. И. (1999). *Теория художественной словесности*. Владос.
13. Муравьева, Н. М. (2007). *Проза М. А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика*. Борисоглебск.
14. Потебня, А. А. (1990). *Теоретическая поэтика*. Высшая школа.
15. *Символика воды в русской словесности и мировой культуре*. Коллективная монография. (2022). А. И. Смирнова (Ред.). Книгодел.
16. *Словарь языка Михаила Шолохова*. (2005). Азбуковник.
17. Сухих, С. И. (2006). «Тихий Дон» М. А. Шолохова. Лекции к спецкурсу. Поволжье.
18. *Теория литературы*. Учебное пособие: в 2 т. (2004). Н. Д. Тамарченко (Ред.). Т. 1. Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Академия.
19. Трофимова, П. В. (2009). Своеобразие художественной детали в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва].
20. Ширина, Е. А. (2017). Образ природы как ключ к осмыслению войны и мира в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». *Литература в школе*, 2, 11–17.
21. Шолохов, М. А. (2017). *Тихий Дон*. Научное издание: в 2 т. Т. 2. ИМЛИ РАН.

References

1. Akinshina, T. V. (2007). The river topos in the artistic space of M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *Phylogos*, 1–2(3), 132–142. (In Russ.).
2. «*Diamond placers of Russian Speech*»: M. A. Sholokhov's linguistic mastery. A collective monograph. (2015). Southern Federal University Press. (In Russ.).
3. Vanyukov, A. I. (2021). The part as a measure of the whole in the novel structure of the «And Quiet Flows the Don»: parts one, two, three. *Mir Sholokhova*, 2, 18–30. (In Russ.).
4. Venkov, A. V. (2012). The Vyoshenskoye Uprising. *Veche*. (In Russ.).
5. Vorontsova, G. N. (2012). The Vyoshenskoye Uprising. *Sholokhov Encyclopedia* (pp. 127–129). Sinergiya. (In Russ.).
6. Goffenschefer, V. (1938). Sholokhov landscape. *Literary critic*, 8, 121–135. (In Russ.).
7. Dibrova, E. I. The Don River in the composition of M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». (2013). *Proceedings of the Southern Federal University. Series «Philological Sciences»*, 3, 64–70. (In Russ.).
8. Esipovich, N. N. (1996). «And Quiet Flows the Don»: the ontology of the universal in the author's descriptions of the war. *The Wars of Russia in the Image of M. A. Sholokhov* (pp. 43–46). Rostov State University. (In Russ.).
9. Zhandarova, T. A. (2013). The functions of the portrait in M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 4(1), 338–344. (In Russ.).
10. Kostin, E. A. (2020). *Sholokhov: aesthetics and worldview*. Aleteya. (In Russ.).
11. Kuksa, P. V. (2019). The poetics of the portrait in M. A. Sholokhov's novel «And Quiet Flows the Don». *Russian Science: goals and objectives* (Part 4, 56–60). Collection of scientific papers on the results of the XV scientific conference on June 10. (In Russ.).
12. Mineralov, Yu. I. (1999). *Theory of artistic literature*. Vlados. (In Russ.).
13. Muravyeva, N. M. (2007). *M. A. Sholokhov's prose: ontology, epic strategy of characters, poetics*. Borisoglebsk. (In Russ.).

14. Potebnya, A. A. (1990). *Theoretical poetics*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
15. *The symbolism of water in Russian literature and world culture*. A collective monograph. (2022). Knigodel. (In Russ.).
16. *Dictionary of the Mikhail Sholokhov's Language*. (2005). Azbukovnik. (In Russ.).
17. Sukhikh, S. I. (2006). «*And Quiet Flows the Don*» by M. A. Sholokhov. Lectures for a special course. Volga region. (In Russ.).
18. *Theory of literature*. Textbook: in 2 vol. (2004). N. D. Tamarchenko (Ed.). Vol. 1. N. D. Tamarchenko, V. I. Тура, S. N. Broitman. Theory of artistic discourse. Theoretical poetics. Academy. (In Russ.).
19. Trofimova, P. V. (2009). *The originality of the artistic detail in the novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don»* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
20. Shirina, E. A. (2017). The Image of Nature as the key to Understanding War and Peace in the epic novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don». *Literature at school*, 2, 11–17. (In Russ.).
21. Sholokhov, M. A. (2017). *And Quiet Flows the Don*. Scientific publication: in 2 vol. Vol. 2. IWL RAS. (In Russ.).

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Васильев — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Елена Сергеевна Макарова — аспирантка департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Sergey An. Vasilyev — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Elena S. Makarova — Postgraduate Student of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Вклад авторов:

Сергей Анатольевич Васильев — разработка концепции исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Елена Сергеевна Макарова — сбор, анализ, обработка материала; написание исходного текста; выводы.

Contribution of the authors:

Sergey A. Vasilyev — research concept; text revision; final conclusions.

Elena S. Makarova — collecting, analysing, processing the material; text; completing, conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 821.112.2.01

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.03

РОМАНТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. ШТИФТЕРА

Иванова Елена Радифовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,iva17051@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Аннотация. Творчество австрийского писателя, педагога, художника и политического деятеля А. Штифтера (1805–1868) отражает главные направления исканий немецкоязычной литературы постромантического времени. Традиционно наследие писателя рассматривается в рамках бидермейера — течения в немецкой культуре и литературе XIX века. При этом исследователи по-разному оценивают процесс взаимодействия романтизма и бидермейера, что определяет актуальность данной статьи. Цель исследования — доказать, что традиции литературного бидермейера во многом сформировались на основе романтической эстетики и литературы, однако романтический материал в произведениях писателей и поэтов бидермейера был ими переосмыслен и интерпретирован в ином формате, а не отвергнут. На основе культурологического, функционального и типологического подходов к анализу художественного текста автор доказывает, что романтизм в рамках бидермейера меняет свои прежние масштабы, становится камерным, обретает приметы обывательского мира, но не отказывается от его художественного материала. Анализ малоизвестного произведения А. Штифтера «Полевые цветы» показал, что оно в полной мере воплощает черты литературного бидермейера. При этом особенностью художественного мира автора в этом тексте стали отсылки к образам, сюжетным ходам, идеям известных романтических произведений, к романтической эстетике в целом. Автор приходит к выводу о том, что такая двойственность произведения А. Штифтера показывает характерные черты бидермейера при переходе от романтизма к реализму в немецкоязычном культурном пространстве.

Ключевые слова: бидермейер, романтизм, А. Штифтер, австрийская литература, аллюзия, постромантизм.

Для цитирования: Иванова, Е. Р. (2023). Романтические аллюзии в творчестве А. Штифтера. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 29–37. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.03>

Original article

UDC 821.112.2.01

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.03

**ROMANTIC ALLUSIONS
IN ADALBERT STIFTER'S NOVELS****Elena R. Ivanova**Moscow City University,
Moscow, Russia,iva17051@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Abstract. The works of an Austrian writer, teacher, artist and politician Adalbert Stifter (1805–1868) reflect the main tendencies in German-language literature of the post-Romantic period. Traditionally, writer's legacy is considered within the framework of the Biedermeier current in German culture and literature of the XIX century. At the same time, researchers tend to evaluate the interaction process between Romanticism and Biedermeier in different ways, which determines the relevance of this article. The purpose of the study is to prove that Biedermeier literary traditions were largely formed on the basis of romantic aesthetics and literature, while the romantic material in the works of Biedermeier's writers and poets was reinterpreted and represented in a different format instead of rejecting. Culturological, functional and typological approaches to the analysis of a literary text prompted the author to prove that romanticism within the framework of Biedermeier changes its former scales, becomes chamber, acquires the signs of the philistine world, but does not abandon its artistic material. The analysis of A. Stifter «Wildflowers», which is lesser known, shows that it fully embodies the features of the literary Biedermeier. Moreover, the typical feature of the author's artistic world in this text is its references to images, plot moves, ideas of famous romantic works, to romantic aesthetics in general. The author comes to the conclusion that such a duality of A. Stifter's work emphasizes the typology of Biedermeier during the transition from Romanticism to realism in the German-speaking cultural space.

Keywords: Biedermeier, Romanticism, A. Stifter, Austrian literature, allusion, post-Romanticism.

For citation: Ivanova, E. R. (2023). Romantic allusions in Adalbert Stifter's novels. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 29–37. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.03>

Введение / Introduction

Романтизм как масштабное культурное явление оказал огромное влияние на живопись, литературу и музыку Западной Европы. Пережив подъем в первой трети XIX века, романтическая эстетика и литература на протяжении всего столетия вдохновляли писателей и поэтов, которые интерпретировали материал исходя из иных культурно-эстетических условий.

Вопрос о соотношении романтизма и бидермейера, в рамках которого развивалось творчество А. Штифтера, в литературоведении окончательно не решен. Отталкиваясь от романтизма, «феномен бидермейера транслирует нам стремление исправить дисгармонию мира, используя опыт культурной традиции» (Шабатура, 2023, с. 82). Исследователь М. И. Бент утверждал: «Романтизм и бидермайер тесно прилегают друг к другу хронологически, а эстетически бидермайер вырабатывается

в творчестве самих романтиков» (Бент, 1984, с. 25). В. Денева писала: «Бидермейер... отнюдь не новое явление, это романтизм, который на исходе становится обуржуазившимся ("verbürgerlicht") и опускается на своем пути к реализму с высоты романтических небес к земле» (перевод цитат здесь и далее наш. — *Е. И.*) (Denewa, 1940, S. 20). Литературовед Ф. Сенгле призывает при изучении литературы бидермейера учитывать постоянное «присутствие традиций романтизма и активную борьбу с романтизмом» ("den heftigen Kampf um die Romantik") (Sengle, 1972, S. 244). Очевидно, что одни ученые считают бидермейера некой производной от романтизма, другие — противопоставляют эти два явления. Следует отметить, что появление в литературе бидермейера отдельных романтических сюжетов, тем и образов, данных в иной интерпретации, вполне закономерно, поскольку «эволюция литературы... совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции» (Тынянов, 1974, с. 293). Такое разногласие в понимании отношения бидермейера к романтизму заставляет вновь обратиться к этой проблеме.

Изучение произведений авторов, вошедших в круг литературы бидермейера, позволило утверждать, что это довольно разнообразное литературное течение. Оно включает в себя литературу «высокого» и тривиального бидермейера. В контексте немецкого литературного процесса бидермейер сыграл роль перехода от романтизма к реализму, в его недрах были сформированы и затем трансформированы основные тенденции литературы «Heimatkunst» и реализма. При этом органическая связь бидермейера с романтизмом не прерывалась.

Методология исследования / Methodology

Австрийский писатель, поэт, художник А. Штифтер, воспитанный на произведениях немецкоязычной литературы, органично вобрал в свою эстетическую программу наработки романтиков. Поэтизация природы, интерес к Античности и другие аспекты творчества писателя, во многом связанные с идеями романтиков, уже стали предметом исследования российских ученых (Полубояринова, 1990; Лошакова, 2005; Лошакова, 2014; Геллер, 2023). Малоизвестное российскому читателю произведение Штифтера «Полевые цветы» представляет вариант авторской переработки романтических образов, тем, сюжетов. Анализ произведения с точки зрения интерпретации известного романтического литературного материала позволит увидеть особенности его восприятия не только австрийским писателем, но и в целом культурой бидермейера. Об этом свидетельствует уже предпринятое исследование Г. А. Лошаковой (Лошакова, 2007), которая обратилась к изучению реминисценций из романа Новалиса в отдельных произведениях А. Штифтера.

В данной статье в центре внимания аллюзия как художественный прием, позволяющий создать подтекст и «состоящий в намеке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт. Намек осуществляется, как правило, с помощью слов или словосочетаний, значение которых ассоциируется с определенным событием или/и лицом» (Культура русской речи..., 2003, с. 35). Аллюзия в современной филологии рассматривается в лингвистическом и литературоведческом аспектах и связана с теорией интертекстуальности (Ильин, 1989). В разговоре о творчестве Штифтера вопрос об аллюзии возникает благодаря творческому

восприятию писателем объемного пласта романтической культуры. Обозначение и истолкование романтических аллюзий в повести А. Штифтера «Полевые цветы» позволит понять, какие образы, темы и мотивы немецкого романтизма были творчески восприняты писателем. Такой подход к изучению текста выдвигает аллюзию как основу выделения и понимания авторского видения романтических элементов.

Ход исследования / Results and discussion

Событийная канва произведения «Полевые цветы» довольно замысловата: это история любви художника Альбрехта, изложенная в его дневниковых записях и письмах, адресованных другу Титусу, но представленных читателю условным автором. Перипетии душевных терзаний молодого человека осложнены появлением двойников. Тема двойничества, характерная для позднего романтизма и значимо проявившаяся в творчестве А. Шамиссо, Э. Т. А. Гофмана, Й. Эйхендорфа, своеобразно решается в произведении. Красавица, которую герой впервые видит в венской Анненской церкви, становится воплощением романтического идеала. Впечатление, произведенное девушкой на Альбрехта, усиливается тайной, окутывающей ее образ. Юноша узнает имя незнакомки, а красота девушки кажется ему залогом ее душевного совершенства. Имя Ангела вполне соответствует впечатлению, которое она произвела на героя. Восторженный художник сравнивает ее красоту с красотой античной статуи, называет ее своей «античной красавицей» (Штифтер, 2002, с. 7). Однако при более близком знакомстве романтический ореол вокруг героини растает, так как на первый план выступают домовитость, образованность, умение поддержать разговор, что так будет цениться в бидермейерском мире. Затем судьба посылает Альбрехту встречу с другой незнакомкой, удивительно похожей на Ангелу. Однако этот образ окрашен в мрачные тона, что подчеркивается черным цветом ее наряда, таинственностью и молчаливостью. «В этом удивительном сходстве я уже чувствовал что-то пугающее, зловещее» (Штифтер, 2002, с. 51). «В “Полевых цветах” двойничество осмысляется через субъективное восприятие рассказчика: человека восторженного, чувствительного, ценящего красоту» (Геллер, 2019, с. 17). Романтическая аллюзия постепенно утрачивает гофмановскую мрачность и завершается прозаично в духе эйхендорфовского «Бездельника»: близнецы оказываются родными сестрами, разлученными в раннем детстве трагическими обстоятельствами. Мотив двойничества также проявляется в линии другого героя повести — Эмиля, который предстает сначала в образе наставника Ангелы, потом — ночного певца на озере. И эта линия тоже утрачивает свой романтический потенциал, завершается милым дружеским общением.

Любовная линия произведения Штифтера — явная отсылка к известной новелле Йозефа фон Эйхендорфа «Из жизни одного бездельника» (1826). Герой Эйхендорфа по дороге в Вену знакомится с очаровательной девушкой, которую принимает за знатную особу. Возникшая путаница движет любовную интригу произведения, которая завершается совершенно обыденно. Более того, герой лишен романтических устремлений в мир искусства, в сферу духовного. Он мечтает сидеть в шлафроке и с трубкой на скамеечке возле своего дома. Так в рамках творчества позднего немецкого романтика Эйхендорфа формируются предпосылки бидермейера в литературе Германии. Аллюзия из известной новеллы о бездельнике объясняет приземленный идеал

восторженного молодого художника, который в произведении А. Штифтера заявляет, что мечтает о двухкомнатной квартире, «с навощенными полами, на которых нет ни пылинки» (Штифтер, 2002, с. 10). Альбрехт как простой обыватель обдумывает цвет стен, планирует приобретение утвари, стиль мебели и даже покроем занавесей на окна. Как далеки эти мечты от поисков голубого цветка! Проявляется не только аллюзия, здесь возникает явная романтическая пародия, смысл которой «заключается в том, что, не отрицая высоких идей романтизма, она травестирует высокие романтические образы и идеи, создавая новое их освещение» (Храповицкая, 2002, с. 120). Романтическая пародия превращает известный романтический литературный материал в совершенно обычный сюжет, в котором уже не воплощается «мечта о принципиальной возможности достижения идеала» (Стрельцова, 2004, с. 6). Такая интерпретация романтических установок очевидна в финале «Полевых цветов»: восторженный художник Альбрехт обретает свой идеал — домик, устроенный по его замыслу. Интересно, что герой сравнивает его с Эльдорадо, с мифологическим Пафосом, но при этом подробно перечисляет совершенно обыденные предметы, украшающие этот «рай на земле» (Штифтер, 2002, с. 150). Принципиально недостижимый для романтизма идеал достигнут, но он стал вполне осязаемым, материальным. Более того, Альбрехта радует то, что его Ангела, «умеет стряпать», и он любит ее тем, «как невыразимо очаровательна в высокодуховном существе милая домовитость» (Там же, с. 151). В финале, придуманном Штифтером, проявляется очевидная аллюзия и к сказке Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер», в которой поэт-романтик Бальтазар превращается в обывателя, получив во владение дом и огород, а его избранница Кандида становится домохозяйкой. При этом гофмановский герой низводится автором с романтического пьедестала, а герой Штифтера обретает жизненную гармонию, столь важную для мироощущения бидермейера.

Явными отсылками к романтическим литературным источникам кажутся и имена героев произведения. Художник-пейзажист Лотар Диссон вызывает ассоциацию с Лотаром из новеллы Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек», который также является другом главного героя. Ансельм Руффо заставляет вспомнить студента Ансельма из сказки Гофмана «Золотой горшок». В произведении Штифтера сохраняются характерные черты гофмановских героев. Более того, письма, адресованные другу Титусу, в «Полевых цветах» схожи по манере и содержанию с письмами Натаниэля Лотару в новелле Гофмана. Имя главного героя Альбрехта кажется тоже неслучайным. Немецкий живописец Альбрехт Дюрер, вознесенный романтиками, а особенно В. Г. Вакенродером, на высочайший пьедестал, был примером идеального художника в контексте романтической эстетики. Альбрехт в повести Штифтера лишь готовится стать знаменитым художником, а пока восторгается рисунками своих друзей и делает наброски пейзажей.

Еще одной значимой составляющей изменяющегося романтического мира является музыка, которая в эстетике романтиков играет особую роль. Тема музыки в «Полевых цветах», как и в романтических произведениях, занимает значительное место, но австрийский писатель словно укрощает музыкальные порывы романтиков, его герои предпочитают камерные музыкальные форматы. Трудно представить, чтобы один из персонажей «Полевых цветов» вдруг запел, плавно перенося свою речь в пение, как герои Новалиса и Л. Тика. Бидермейер все воспринимает очень реалистически: все должно быть, как в жизни. А. Штифтер описывает, какое впечатление

произвели на Альбрехта услышанные прекрасной ночной порой на озере песни австрийского композитора Франца Шуберта «На озере» и швабского романтика Юстинуса Кернера «Альпийский рожок». Подобные эпизоды стали шаблонными в немецкой романтической литературе. Штифтер повторяет их почти детально, но романтическую атмосферу разрушают точно названные имена авторов слов и композиторов. И если романтический герой будет просто наслаждаться пением, музыкой и вызванными ими чувствами, то бидермейерскому герою важнее, кто исполняет песню, где он находится и т. п. В одном из писем герой рассказывает о том, как в доме его друга Астона слушали сонату Бетховена. В главе «Голубая генциана» Штифтер описывает спор между поклонниками Моцарта и почитателями творений Бетховена. При этом характеристики творчества композиторов даны в емких метафорах: «Моцарт приветливо и ласково раздает сокровища, которым цены нет, и наделяет ими каждого, а Бетховен в один миг обрушивает на слушателей лавину сверкающих драгоценностей, и люди прикрывают голову руками, чтобы их не зашибло до крови, и в конце концов уходят прочь, не поймав ни единого алмаза» (Штифтер, 2002, с. 50). Интересно, что именно Моцарт как гений музыки привлекал немецких авторов: «Дон Жуан» Гофмана, «Моцарт на пути в Прагу» Э. Мерике. Штифтер будто оценивает великого композитора с точки зрения иной системы ценностей, делает его более земным.

В повести «Полевые цветы» романтические аллюзии позволяют ощутить разочарование в раннеромантических исканиях, что характерно для творчества поздних немецких романтиков и писателей бидермейера. Штифтер, как и его предшественники, утверждает господство материального, обыденного над идеальным, духовным. При этом традиционное «романтическое двоемирие» все же сохраняется, но обретает несколько камерный характер, типичный для бидермейера. Например, герой Штифтера много рассуждает о судьбе женщины в современном обществе. С одной стороны, он противопоставляет Ангелу обыкновенным девушкам. Его избранница не умеет вязать, не придает значения вышиванию, предпочитая заниматься философией и языками. Штифтер для пояснения выводов своего героя об участии душевных порывов юных душ прибегает к метафорическим цветочным образам и сравнивает юных дев, вынужденных осваивать азы рукоделия и кулинарии, с цветами, которые растут без света. С другой стороны, в главе «Кошачья мята» восторженный художник, глядя на свою избранницу, восклицает: «Как невыразимо очаровательна в высокодуховном существе милая домовитость — фартучек, ключи, хозяйский взгляд и яркий румянец от движения и работы!» (Штифтер, 2002, с. 151). Как и в сказках Гофмана, высокие мечты самого Альбрехта неизбежно сталкиваются с реалиями быта, которые затем органично включаются в систему ценностей героя. В одной из глав герой описывает прозаическое созерцание своей возлюбленной так: «Небесное создание даже пригубило чашку говяжьего бульона» (Штифтер, 2002, с. 49). В заключительной главе произведения записи Альбрехта обрываются и повествование ведется от лица рассказчика, который кратко сообщает о счастливой семейной жизни Альбрехта и Ангелы, о свадьбе Лотара и Натали и о том, что скоро будут построены две чудесные виллы, устроенные по замыслу молодого художника. Такой финал является явной отсылкой к сказкам Гофмана «Золотой горшок» и «Крошка Цахес», в которых герой-романтик, пусть и в условно романтическом мире, неизбежно сталкивается с прозой жизни. Гофмановский Ансельм в Атлантиде «владеет порядочной мызой» (Гофман, 1991, с. 78), а Бальтазар «сделался владельцем сельского домика» (Там же, с. 263). Внимание

Штифтера к каждой детали обстановки и к предметному миру, к обустройству жилья Альбрехта — это сугубо бидермейерская черта, трансформация позднеромантического сдвига двоемирия в сторону обыденности, вещественности. Однако предметный мир, не принимаемый ранними романтиками и столь значимый в произведениях Гофмана, не становится в произведении Штифтера главной составляющей мира героев. Описание жилища художника Альбрехта с огромным количеством вещей напоминает кабинет архивариуса Линдгорста из сказки «Золотой горшок». При этом у Гофмана предметный мир враждебен по отношению к герою: пирожки с яблоками, чернильные кляксы, не к месту вбитые гвозди сильно портят жизнь студента Ансельма. Штифтер не заслоняет предметами образ своего героя, а оттеняет этим художественным беспорядком его творческую натуру. Появляется герой, внешне очень похожий на героя-романтика, но крепко связанный с бытом, вещами, которые выстраивают его личное пространство. «Преодолевая необыкновенно мощным художественным усилием бидермайеровскую поверхностность и “усредненность”, Штифтер сумел выкристаллизовать индивидуальную стилевую установку, не равную бидермайеру, но глубоко и полно отражающую суть этой эпохи, полемически противопоставив культ “сплошной” вещественности — “прерывистости” романтического субъективизма» (Полубояринова, 1991, с. 106).

Заключение / Conclusion

Таким образом, романтические аллюзии в повести А. Штифтера «Полевые цветы» подчеркивают преемственный характер литературы бидермейера, которая, опираясь на ее традиции и достижения, создает свой художественный мир. Выявление ряда отсылок к романтическим образам, мотивам и произведениям позволяет сделать вывод об органичной связи немецкой романтической литературы и австрийского литературного бидермейера. Важно отметить, что одно из ранних произведений А. Штифтера «Полевые цветы» (1841) в большей степени демонстрирует связь с романтизмом. В дальнейшем писатель выработает свой индивидуальный стиль, в котором романтические аллюзии будут встречаться все реже. Это объясняется и общим движением литературного бидермейера, который под влиянием исторических обстоятельств, изменений в культурных ориентирах времени растворится в других явлениях немецкоязычной литературы.

Список источников

1. Шабатура, Л. Н. (2023). Феномен культуры бидермейера и ее хамелеоновский характер. *Вестник Челябинского государственного университета*, 4(474), 78–84.
2. Бент, М. И. (1984). От романтизма к бидермайеру: эволюция пространственно-временных решений в новеллистике Вильгельма Гауфа. *Пространство и время в литературе и искусстве*, 25–27.
3. Denewa, W. (1940). Das österreichische Märchendrama in der Biedermeierzeit. *Begriffsbestimmungen des literarischen Biedermeiers*. Darmstadt.
4. Sengle, F. (1972). Biedermeierzeit. *Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1816–1848*, 1.
5. Тынянов, Ю. Н. (1974). О пародии. *Поэтика. История литературы. Кино* (с. 285–310). Наука.

6. Полубояринова, Л. Н. (1990). *Позднее творчество А. Штифтера* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. Ленинград].
7. Лошакова, Г. А. (2005). Античные мотивы в творчестве А. Штифтера. *Experimenta lucifera* (с. 78–80). Сборник материалов III Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Выпуск 2. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
8. Лошакова, Г. А. (2014). Природа как центральная проблема творчества А. Штифтера в немецкоязычных исследованиях XX–XXI вв. *Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета*, 6, 202–205.
9. Геллер, Е. И. (2023). Творчество Штифтера как объект литературной полемики. *Язык. Культура. Медиакommunikation*, 1, Т. 1, 94–98.
10. *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник*. (2003). Наука.
11. Ильин, И. П. (1989). Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты. В Н. Н. Трошина, Г. Д. Стрельцова (Ред.-сост.). *Проблемы современной стилистики* (с. 186–207). Сборник научно-аналитических обзоров. ИНИОН.
12. Штифтер, А. (2002). *Полевые цветы. Кондор. Горный лес. Evidentis*.
13. Геллер, Е. И. (2019). Близнечный миф в системе образов повести «Полевые цветы» А. Штифтера. *Уральский филологический вестник. Драфт: молодая наука*, 5, 12–22.
14. Храповицкая, Г. Н. (2007). Й. Ф. Эйхендорф. В Г. Н. Храповицкая, А. В. Коровин. *История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский романтизм* (с. 111–115). Учебник. Academia.
15. Стрельцова, Г. В. (2004). *Пародия на втором этапе немецкого романтизма* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Москва].
16. Гофман, Э. Т. А. (1991). *Золотой горшок*. Советская Россия.
17. Полубояринова, Л. П. (1991). Роман А. Штифтера «Бабье лето»: к проблеме соотношения индивидуального стиля и стиля эпохи. В А. М. Фурсенко (Отв. ред.). *Литература в контексте художественной культуры* (с. 99–108). Сборник. Издательство Новосибирского университета.

References

1. Shabatura, L. N. (2023). The phenomenon of Biedermeier culture and its chameleon character. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 4(474), 78–84. (In Russ.).
2. Bent, M. I. (1984). From Romanticism to Biedermeier: Evolution of spatio-temporal solutions in the Novelistics of Wilhelm Gauß. *Space and time in literature and art*, 25–27. (In Russ.).
3. Denewa, W. (1940). Das österreichische Märchendrama in der Biedermeierzeit. *Begriffsbestimmungen des literarischen Biedermeiers*. Darmstadt. (In German).
4. Sengle, F. (1972). Biedermeierzeit. *Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1816–1848*, 1. (In German).
5. Туныанов, Ю. Н. (1974). Über die Parodie. *Poetik. Literaturgeschichte. Kino* (pp. 285–310). Nauka. (In Russ.).
6. Poluboyarinova, L. N. (1990). *Later work of A. Stifter* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.05. Leningrad]. (In Russ.).
7. Loshakova, G. A. (2005). Antique motifs in the works of A. Stifter. *Experimenta lucifera* (pp. 78–80). Proceedings of the 3rd Volga Scientific and Methodological seminar on the problems of teaching and studying humanities. Iss. 2(I). Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. (In Russ.).
8. Loshakova, G. A. (2014). Nature as the central problem of A. Stifter's creativity in German-language studies of the XX–XXI centuries. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo himiko-tekhnologicheskogo universiteta*, 6, 202–205. (In Russ.).

9. Geller, E. I. (2023). Stifter's work as an object of literary controversy. *Yazyk. Kul'tura. Media-kommunikaciya*, 1(1), 94–98. (In Russ.).
10. *Culture of Russian speech: an encyclopedic dictionary-reference*. (2003). Nauka. (In Russ.).
11. Il'in, I. P. (1989). Stylistics of intertextuality: Theoretical aspects. In N. N. Troshina, G. D. Strel'tsova (Ed.-comp.). *Problems of modern stylistics* (pp. 186–207). Collection of scientific and analytical reviews. INION. (In Russ.).
12. Shtifter, A. (2002). *Wildflowers. Condor. Mountain forest*. Evidentis. (In Russ.).
13. Geller, E. I. (2019). The twin myth in the system of images of the story "Wildflowers" by A. Stifter. *Ural Journal of Philology. Draft: Young Science*, 5, 12–22. (In Russ.).
14. Hrapovickaya, G. N. (2007). J. F. Eichendorf. In G. N. Hrapovickaya, A. V. Korovin. *The history of foreign literature. Western European and American Romanticism* (pp. 111–115). Textbook. Academia. (In Russ.).
15. Strel'cova, G. V. (2004). *A parody at the second stage of German Romanticism*. [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Moscow]. (In Russ.).
16. Hoffman, E. T. A. (1991). *The golden pot*. Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
17. Poluboyarinova, L. P. (1991). A. Stifter's novel «Indian Summer»: on the problem of the correlation of individual style and the style of the Epoch. In A. M. Fursenko (Ed.). *Literature in the context of artistic culture* (pp. 99–108). Collection. Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Радифовна Иванова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Elena R. Ivanova — Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 82–14

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.04

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОБРАЗА СНЕГУРОЧКИ В СТИХОТВОРЕНИИ
Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ОПЯТЬ ВЕСНА»****Казмирчук Ольга Юрьевна**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,kazmirchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интерпретации образа Снегурки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна» из поэтического цикла «Переделкино». Отправной точкой для наших размышлений становится общеизвестный факт: в современной русской культурной парадигме образ Снегурочки ассоциируется в первую очередь с «весенней сказкой» А. Н. Островского. Все русские литераторы, обращавшиеся к этому образу, в той или иной степени использовали мотивы и темы из пьесы-сказки Островского (оппозиция холода и тепла, зимы и лета, идея природного годичного круговорота, идея запрета и наказания за его нарушение, представление о любви как о желанном, но губительном начале и т. д.), тем интереснее понять, какие семантические коннотации заимствовал Б. Л. Пастернак и что нового привнес в трактовку образа Снегурочки.

В художественном универсуме пастернаковского стихотворения «Опять весна» образ Снегурочки отождествляется не с зимой, а с весной, Снегурочка воплощает в себе стихийное весеннее начало. Поэт отказывается от традиционной оппозиции «зима – весна» или «зима – лето», ему значительно важнее идея предсказуемого, ожидаемого чередования различных времен года, положенная в основу композиции поэтического цикла «Переделкино». В постоянном чередовании времен года лирический герой Пастернака видит залог собственного бессмертия, каждую зиму герой умирает вместе с природой и предсказуемо воскресает весной. В этом контексте гибель Весны-Снегурки (гибель угадывается, но не описывается) лишается традиционной трагической окраски: Снегурка вернется через год.

Б. Л. Пастернак трактует образ Снегурки в качестве одного из архетипических женских образов, воплотивших в себе некое стихийное начало (стихия весны, стихия природы, стихия жизни как таковой). Подобное осмысление женских образов вообще характерно для русской поэзии начала XX века, на опыт которой во многом ориентировался Б. Л. Пастернак.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, «Опять весна», поэтический цикл, А. Н. Островский, Снегурочка, А. А. Блок.

Для цитирования: Казмирчук, О. Ю. (2023). Особенности интерпретации образа Снегурочки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 38–46. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.04>

Original article

UDC 82–14

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.04

**FEATURES OF THE INTERPRETATION
OF THE IMAGE OF THE SNOW MAIDEN IN THE POEM
BY B. L. PASTERNAK «SPRING AGAIN»****Olga Yu. Kazmirchuk**Moscow City University,
Moscow, Russia,kazmirchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Abstract. The article examines the ways the image of the Snow Maiden is interpreted in the poem «Spring Again» by Boris L. Pasternak included in the «Peredelkino» poetic collection. The starting point for our reflections is a well-known fact: the modern Russian cultural paradigm sees the image of Snow Maiden associated primarily with the «Spring fairy tale» by A. N. Ostrovsky. All Russian writers who turned to this image to one degree or another, employed motifs and themes from Ostrovsky's fairy tale play (the opposition of cold and heat, winter and summer, the idea of a natural annual cycle, the idea of prohibition and punishment for violating this prohibition, the idea of love as a desirable but disastrous beginning, etc.). Thus, it proves even more interesting to trace what semantic connotations Pasternak borrowed and what new things he brought to interpret the image of Snow Maiden.

The artistic universe of Pasternak's poem «Spring Again» features the image of Snow Maiden as the one identified not with winter, but with spring; Snow Maiden embodies a spontaneous spring beginning. The poet abandons the traditional opposition of *winter – spring* or *winter – summer*, the idea of predictable, expected alternation of different seasons, which forms the basis for the composition of the poetic cycle «Peredelkino». Such a constant alternation of seasons reveals the pledge of Pasternak's lyrical hero's own immortality, every winter the hero dies together with nature and predictably resurrects in the spring. In this context, the death of Snow Maiden Spring (which is implied, though not described) loses its traditional tragic coloring: Snow Maiden will definitely return in a year.

Pasternak interprets the image of Snow Maiden as the one of the archetypal female images that embodies a certain elemental principle (the element of spring, the element of nature, the element of life as such). Such an understanding of female images is generally typical of the Russian poetry of the early twentieth century, which was interpreted by Pasternak.

Keywords: B. L. Pasternak, «Spring Again», poetry cycle, A. N. Ostrovsky, Snow Maiden, A. A. Block.

For citation: Kazmirchuk, O. Yu. (2023). Features of the interpretation of the image of the Snow Maiden in the poem by B. L. Pasternak «Spring Again». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 38–46. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.04>

Введение

О образ Снегурочки (ледяной или снежной девочки) неоднократно появлялся в сказках (особенно в сказках народов Севера), но в русской культурной парадигме этот образ ассоциируется прежде всего с пьесой А. Н. Островского, и это неслучайно. Именно Островский сумел художественно представить ряд тем и мотивов, связанных с образом Снегурочки в фольклорных текстах: оппозицию мороза и солнца, годичный круговорот, зависимость человеческой жизни от природных сил, мотив запрета и расплаты за его нарушение и т. д. (Кулиш, 1963, с. 12),

а также дополнил традиционный набор новыми семантическими компонентами, которые впоследствии активно обыгрывались русскими литераторами. Снегурочка, созданная Островским, вытеснила своих фольклорных предшественниц; именно благодаря А. Н. Островскому образ Снегурочки был замечен, оценен, переосмыслен композиторами и художниками: Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским, М. А. Врубелем, В. М. Васнецовым (Тихомиров, 2016, с. 74–76). Цель статьи — анализ интерпретаций образа русской поэзией начала и середины XX века.

В начале XX века поэты использовали образы из пьесы-сказки Островского преимущественно при разработке темы любви. Так, А. Блок взял слова Купавы о погасшем солнце в качестве эпиграфа к стихотворению «Сны безотчетны, ярки краски...» (1902). Те же строки (Купава, покинутая Мизгирем, сравнивала с погасшим солнцем исчезнувшую любовь) перефразируются в самом стихотворении. По свидетельству биографов Блока, стихотворение писалось после бала-маскарада, на котором присутствовала Л. Д. Менделеева и не было самого Блока, который, не получив приглашения, весь вечер бродил под окнами дома, наблюдая за теньями танцующих. Известен еще один факт: в любительской театральной постановке Блок репетировал роль Мизгирия, а Любовь Дмитриевна играла Призрак Снегурочки (Блок, 1960, с. 569). Поэт мог соотносить любовную историю Мизгирия и Снегурочки со своей личной историей, что было свойственно Блоку (об этом феномене см.: Магомедова, 1997, с. 174–175). Возможно, что поэты-символисты воспринимали сюжет Островского шире, как инвариант истории о потерянной гармонии, о Душе Мира, попавшей в плен к земному началу, поэтому космогоническая проблематика также присутствует в блоковском стихотворении 1902 года. В сходной с символистами манере интерпретировался, например, сюжет о мертвой царевне (о мифопоэтике символистов, о трансформации архетипических сюжетов в их творчестве см., например: Ropen, 1985, p. 116–117; Магомедова, 2004, с. 143–144; Шульц, 2022, с. 134–135).

Не менее интересен художественный опыт А. А. Ахматовой. Ее лирическая героиня отождествляется с тающей Снегуркой: «Высоко в небе облачко серело, / Как беличья расстеленная шкурка. / Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело / Растает в марте, хрупкая Снегурка!» (1911) (Ахматова, 2000, с. 11). Ахматова сохраняет «календарно-природный» компонент, характерный для историй о Снегурочке, но очевидно и принципиальное отличие от сюжета, заданного Островским. Снегурочка Островского хочет испытать чувство любви; ахматовская героиня любит, но нелюбима: именно холодность героя превращает ее в Снегурочку, обрекает на гибель, ведь героиня вряд ли сможет примириться с неизбежным расставанием. В ахматовском тексте посредством образа Снегурочки осмысляется идея противопоставления мужского и женского начала (о способах реализации в русской поэзии оппозиции «мужское» – «женское» см. подробнее в статье Н. М. Девятовой (Девятова, 2022, с. 9, 11)). Так А. Блок и А. Ахматова (Ахматова в большей степени) обыгрывают столь важную для пьесы-сказки Островского тему любви желанной, но губительной. Позднее, в 1941 году, к образу Снегурочки обращается Б. Пастернак (Снегурочка появляется в стихотворении «Опять весна» из цикла «Переделкино»).

Методология исследования

При решении поставленной проблемы — выявление особенностей интерпретации образа Снегурки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна» в сравнении

с фольклорной традицией и с трактовкой этого образа в пьесе-сказке А. Н. Островского — доминирующими исследовательскими методами становятся имманентный и сопоставительный анализ пастернаковских поэтических текстов, входящих, как и стихотворение «Опять весна», в цикл «Переделкино». Выбор подобной методики обусловлен тем, что художественное мышление Пастернака циклично (Фоменко, 1990, с. 79; Маймескулов, 1994, с. 13). По мнению Пастернака, отдельные стихотворения обретают подлинный смысл лишь внутри некоего художественного единства, поэтому образ пастернаковской Снегурочки в статье будет соотноситься не только с одноименными героинями, созданными другими авторами, но и с ведущими темами и мотивами «переделкинских» стихотворений.

Роль образа Снегурочки в художественном универсуме стихотворения «Опять весна»

Стихотворение Б. Л. Пастернака «Опять весна» входит в цикл «Переделкино», первоначально завершавший книгу «На ранних поездах» (1943). В каноническом варианте этот цикл состоит из 11 стихотворений, большая часть которых написана в 1941 году в Переделкине (Пастернак, 1989, с. 624–625; Пастернак Е. Б., 1989, с. 446–449), где начиная с 1940-го года Пастернак жил не только летом, но и зимой, благодаря чему и возник одноименный стихотворный цикл (Пастернак Е. Б., 1989, с. 545).

Стоит сказать о поэтическом цикле как таковом. Пастернак мыслил не отдельными текстами, а совокупностями текстов (поэтическими циклами и книгами). Рассуждая о собственном творчестве в письмах к родным, друзьям или коллегам, он обычно писал не о конкретных стихотворениях, а о циклах и книгах (Пастернак Е. Б., 1989, с. 285–287, 545). Важнейшая особенность поэтического цикла заключается в том, что тексты, входящие в него, взаимодействуют друг с другом, обогащаясь при этом дополнительными смыслами (Фоменко, 1990, с. 80–81), поэтому стихотворение «Опять весна» и возникающий в нем образ Снегурочки мы рассмотрим в контексте всего «переделкинского» цикла.

«Опять весна» — предпоследнее стихотворение цикла, главная его тема заявлена в названии: приход (точнее, возвращение) весны (Безносов, 2019, с. 40; Казмирчук, 2021, с. 199). Стихотворение начинается с мотива изменения, произошедшего в мире, лирический герой не узнает привычное пространство, пытается понять, что именно случилось: «Вдруг — что за новая, правда, причуда: / Сутолка, кумушек пересуды...» (Пастернак, 1989, с. 37). Изменение мира связано с появлением новых звуков, герой вспоминает, что ранее уже слышал эти звуки: «Где я отрывки этих речей / Слышал уж как-то порой прошлогодней? / Ах, это сызнава, верно, сегодня / Вышел из рощи ночью ручей» (Пастернак, 1989, с. 37). Здесь Пастернак использует ряд мотивов, значимых для цикла «Переделкино»: мотив повторяемости событий, связанных со сменой времен года (ср., например, строки из стихотворения «Ложная тревога»: «...И мелкие поломки / И все как в сентябре» (Пастернак, 1989, с. 25)); важный в фольклорной традиции мотив возможности/невозможности перехода некой границы. В стихотворении «Опять весна» ручей выходит из леса (об этом феномене см.: Жолковский, 2011, с. 86–87); в стихотворении «Летний день» ночь входит в дом и завершает преобразование героя; в «Инее» герой решается войти в лес; в стихотворении «Зазимки» зима, напротив, не решается войти в обжитое человеком пространство; в финале «Вальса

с чертовщиной» сквозняк проникает в форточку, чтобы задуть свечи и закончить праздник (Фарыно, 1989, с. 287).

В пьесе-сказке Островского, как в любом тексте, ориентированном на фольклорную традицию, воспроизводится мотив перехода границы, этот переход принципиально меняет судьбу героини: Снегурочка уходит из терема, выстроенного ее отцом, Морозом, покидает лес (природный топос) и поселяется у людей. Снегурочку на лесной опушке, отделяющей мир природы от мира человека, изобразил Васнецов.

В стихотворении Пастернака мотив ручья, преодолевшего некоторую пространственную границу, сменяется мотивом воды, ломающей (раздвигающей) лед. Лишь после этого лирический герой называет первопричину столь глобальных изменений — наступившую весну: «Это поистине новое чудо. / Это, как прежде, снова весна» (Пастернак, 1989, с. 37). Наступление весны описывается Пастернаком посредством парадоксального, чудесного сочетания новизны и повторяемости (Альфонов, 2001, с. 254; Пастернак Е. Б., 1989, с. 554). О важности мотива чуда в стихотворении «Опять весна» серьезно размышлял А. К. Жолковский (Жолковский, 2011, с. 73), сама же идея повторяемости неповторимого не раз возникала в «переделкинском» цикле, например в стихотворении «Зазимки», в котором зима осмысливается как нечто знакомое и новое одновременно: «Зима, и все опять впервые...» (Пастернак, 1989, с. 26). Далее весна антропоморфизируется и обретает женский облик: «Это ее телогрейка за ивой, / Плечи, косынка, стан и спина» (Пастернак, 1989, с. 37). Здесь очевиден стилистический контраст между словом «стан» и прозаически-бытовыми номинациями одежды героини (телогрейка, косынка). Подчеркнутый отказ от сказочно-романтической традиции и актуализация бытовой проблематики (Безносков, 2019, с. 43–44) обусловлены стремлением Пастернака упростить язык, сформировать новую поэтическую манеру, ведь Пастернак писал и говорил о цикле «Переделкино» как о начале нового творческого периода (Пастернак, 1992, с. 422–423; Гладков, 2002, с. 135–136), что повышает эстетическую значимость входящих в цикл текстов.

Обретя женский облик, пастернаковская героиня обретает и имя: «Это Снегурка у края обрыва» (Пастернак, 1989, с. 37). Вопреки сложившейся фольклорной и литературной традиции поэт объединяет, сливает два образа — Весны и Снегурочки (об этой особенности пастернаковского мышления см.: Фарыно, 1989, с. 305).

Примечателен и еще один факт: синтаксические конструкции, представляющие собой развернутое определение объекта, ранее обозначенного указательным местоимением «это», часто использовались Пастернаком при описании весны; по предположению Вяч. Вс. Иванова, подобный прием Пастернак заимствовал у А. Фета (Иванов, 2015, с. 456–457).

Итак, в стихотворении Б. Пастернака весна отождествляется со Снегуркой, а мотив обрыва привносит идею опасности, возможности скорой гибели Снегурки. Мотив гибели, поддерживаемый литературной традицией, компенсируется в стихотворении имплицитно присутствующей темой бессмертия: «Это Снегурка у края обрыва. / Это о ней из оврага со дна / Льется без умолку бред торопливый / Полубезумного болтуна» (Пастернак, 1989, с. 37). История о Снегурке в любом случае сохранится, будет рассказана, ведь в художественном универсуме Пастернака природа способна творить, а герой-художник должен лишь подражать ей.

Ради Весны-Снегурки в стихотворении Пастернака вода переживает еще одно преобразование: она уподобляется источнику света (Фарыно, 1989, с. 307; Безносков, 2019, с. 40), примечательно, что в пастернаковском тексте не упоминается солнце,

традиционно враждебное Снегурочке: «Это пред ней, заливая преграды, / Тонет в чаду водяном быстрина, / Лампой висячего водопада / К круче с шипеньем пригвождена» (Пастернак, 1989, с. 37).

Образ звучащей (освободившейся) воды завершает пастернаковское стихотворение: «Это, зубами стуча от простуды, / Льется чрез край ледяная струя / В пруд и из пруда в другую посуду. / Речь половодья — бред бытия» (Пастернак, 1989, с. 37). Последняя строчка свидетельствует о том, что «говорящая» весенняя вода воплощает в себе всю полноту бытия: с радостью и с печалью, с тающей Снегурочкой и с простудой (об этом подробнее см.: Фарыно, 1989, с. 181). Подобная амбивалентность образа весны (образ соединяет в себе и позитивные, и негативные семантические коннотации) чуть позже будет реализована в стихотворении «Март», входящем в «живаговский» цикл, ср.: «Кровельных сосулек худосочье, / Ручейков бессонных болтовня!» (Пастернак, 1990, с. 501), одним из первых этот факт отметил Е. Г. Эткинд (Эткинд, 1979, с. 129–130).

Вероятно, выбор звучащей (говорящей) воды в качестве основного маркера весеннего мира сделан Пастернаком потому, что в заключительном стихотворении цикла («Дрозды») центральным образом становится образ певчей птицы. Певчий дрозд — символ идеального художника (о соотношенности образа птицы с проблематикой творчества см., например: Якушевич, 2019, с. 307); поющим птицам стремится подражать лирический герой Пастернака (Казмирчук, 2021, с. 202), а с образом говорящей воды поющую птицу роднит мотив звуковоспроизведения, некоего «звукотворчества». Заметим: мотив пения важен и в пьесе-сказке Островского: Снегурочка приходит к людям с желанием услышать песни пастуха Леля (см.: Шульц, 2022, с. 134).

Снегурочка — одна из нескольких необычных героинь цикла «Переделкино». Так, в первом стихотворении цикла ночь преобразует лирического героя и передает его земной женщине: «А ночь войдет в мой мезонин / И, высунувшись в сени, / Меня наполнит, как кувшин, / Водой и сиренью. / Она отмоет верхний слой / С похолодевших стенок / И даст какой-нибудь одной / Из здешних уроженок...» (Пастернак, 1989, с. 22). «Преображенный» герой стремится к максимальному сближению с природой (Фарыно, 1989, с. 306–309), не потому ли героинями следующих «переделкинских» стихотворений становятся береза (ср. «Зазимки»): «Пред ним стоит на перекрестке / Который полузанесло, / Береза со звездой в прическе / И смотрится в его стекло» (Пастернак, 1989, с. 26); новогодняя елка (в «Вальсе с чертовщиной» и «Вальсе со слезой»): «Как я люблю ее в первые дни / Только что из лесу или с метели!» (Пастернак, 1989, с. 33), потом — Снегурочка. И береза, и елка, и Снегурочка, будучи воплощением природного начала, одновременно являются знаковыми литературными образами. Береза в «Зазимках» отсылает к есенинской лирике, к знаменитому стихотворению «Зеленая прическа, / Девическая грудь...». Елка заимствуется из сказки Андерсена, но показательно, что Пастернак опускает общеизвестный финал: гибель новогоднего дерева (Казмирчук, 2021, с. 204–205). Нечто похожее происходит и с образом Снегурочки: Пастернак обозначает мотив опасности и возможной гибели, но не развивает его.

Созданный Пастернаком ряд природно-литературных героинь подтверждает правомерность основной идеи «переделкинского» цикла: только подражая природе, человек может стать настоящим художником и обрести бессмертие.

Слово «цикл» в переводе с латинского означает круг; пастернаковский цикл «Переделкино» как нельзя лучше соответствует идее круга, поскольку в основу композиции цикла положен годичный круговорот, стихотворения словно движутся по кругу:

от весны-лета (стихотворение «Летний день») к весне-лету (стихотворение «Дрозды») (Альфонсов, 2001, с. 254; Маймескулов, 1994, с. 13–15, 82–89). В соответствии с годичным круговоротом живет и лирический герой Пастернака: он воспринимает приход зимы как приближение смерти, но верит, что после зимы обязательно наступит весна («Опять весна»); весной просыпается природа, и герой оживет вместе с ней. В этом контексте следует воспринимать и сюжет о Снегурке: Весна-Снегурочка вернется через год; интересно, что в финале пьесы Островского царь берендеев настаивает на том, что людям не стоит печалиться о Снегурочке, ведь все случившееся обусловлено привычным чередованием зимы и лета (см.: Шульц, 2022, с. 131).

Связанная с образом Снегурочки любовная тема, актуализированная Островским, присутствует в пастернаковском стихотворении не так ярко, как в лирике Блока или Ахматовой, но и у Пастернака Снегурочка становится одним из воплощений женского начала, столь значимого в жизни лирического героя и в бытии всего мироздания. Снегурка встраивается в весьма оригинальный ряд антропоморфных природных героинь, которыми любитесь лирический герой, с которыми он активно взаимодействует, поскольку все они влияют на его судьбу (ночь преображает героя; береза догадывается о его тайнах; новогодняя елка дарит герою возможность повернуть время вспять; Снегурочка воплощает в себе амбивалентность весеннего универсума).

Заключение

Образ Снегурочки, сопровождающийся многочисленными фольклорными и литературными ассоциациями, в частности с пьесой-сказкой А. Н. Островского, идеально встраивается в систему художественного универсума пастернаковского цикла «Переделькино». Сюжет о Снегурочке иллюстрирует основные идеи поэта: природа способна творить, человек, который хочет стать настоящим художником, должен ей подражать; природа бессмертна, человек, способный соотнести свою жизнь с жизнью природы, тоже бессмертен.

Стремление отождествлять природу (и саму жизнь как таковую) с женским началом вообще характерно для творчества Пастернака и прослеживается в книгах «Поверх барьеров», «Сестра моя — жизнь», «Второе рождение», романе «Доктор Живаго». Подобное восприятие образа женщины восходит к символистскому канону, и в первую очередь к творчеству А. А. Блока. Инвариантом архетипического женского образа, символизирующего различные природные и жизненные стихии (стихию весны, стихию любви), становится для Пастернака и Снегурочка.

Список источников

1. Кулиш, Ж. В. (1963). *Снегурочка А. Н. Островского и народное творчество* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов].
2. Тихомиров, В. В. (2016). «Снегурочка» А. Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900). *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 6(22), 72–78.
3. Блок, А. А. (1960). *Собр. соч.*: в 8 т. Т. 1. Художественная литература.
4. Магомедова, Д. М. (1997). *Автобиографический миф в творчестве А. Блока*. Мартин.
5. Ronen, O. (1985). A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth — Century Russian Lyrical Poetry. *Myth in Literature* (pp. 110–123). New York University Slavic Papers. Vol. 5. Columbus: Slavica Publishers.

6. Магомедова, Д. М. (2004). *Филологический анализ лирического стихотворения*. Академия.
7. Шульц, С. А. (2022). Н. Горн, А. Н. Островский, А. П. Чехов, А. А. Блок: эволюция образа Снегурочки. *Литературоведческий журнал*, 1(55), 125–139.
8. Ахматова, А. А. (2000). *Собр. соч.*: в 6 т. Т. 4. Эллис Лак.
9. Девятова, Н. М. (2022). Образ мужчины и женщины в зеркале русских сравнений. *Русская речь*, 1, 7–18.
10. Фоменко, И. В. (1990). Циклизация как типологическая черта лирики Б. Л. Пастернака. *Пастернаковские чтения* (с. 78–84). Материалы межвузовской конференции. ПГУ.
11. Безносков, Э. Л. (2019). Стихотворение «Опять весна»: («Поезд ушёл. Насыпь черна...») в творческой биографии Бориса Пастернака. *Литература*, 11/12, 37–42.
12. Казмирчук, О. Ю. (2021). Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б. Л. Пастернака «Перedelкино». *Новый филологический вестник*, 1(56), 197–206.
13. Маймескулов, А. (1994). *«Перedelкино» Бориса Пастернака (разбор цикла)*. Wyzsza Szkola Pedagogiczna.
14. Пастернак, Б. Л. (1989). *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 2. Художественная литература.
15. Пастернак, Е. Б. (1989). *Борис Пастернак: Материалы для биографии*. Советский писатель.
16. Жолковский, А. К. (2011). Зловещие мотивы у Пастернака. *Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты* (с. 65–91). Новое литературное обозрение.
17. Альфонсов, В. Н. (2001). *Поэзия Бориса Пастернака*. САГА.
18. Фарыно, Е. (1989). *Поэтика Пастернака («Путевые записки» — «Охранная грамота»)*. Wiener Slawistischer Almanach.
19. Пастернак, Б. Л. (1992). *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 5. Художественная литература.
20. Гладков, А. К. (2002). *Встречи с Пастернаком*. АРТ-ФЛЕКС.
21. Иванов, Вяч. Вс. (2015). Русская поэтическая традиция и футуризм (из опыта раннего Б. Пастернака). *Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи* (с. 442–463). Азбуковник.
22. Пастернак, Б. Л. (1990). *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 3. Художественная литература.
23. Эткинд, Е. Г. (1979). Пастернак — новатор поэтической речи. *Борис Пастернак, 1890–1960 — Boris Pasternak, 1890–1960* (с. 128–140).
24. Якушевич, И. В. (2019). Птица: символ, метафора, метаморфоза. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке* (с. 306–319). Коллективная монография. Книгодел; МГПУ.
25. Бройтман, С. Н. (2007). *Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь»*. Прогресс-Традиция.

References

1. Kulish, Zh. V. (1963). *The Snow Maiden of A. N. Ostrovsky and folk art* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology). Saratov]. (In Russ.).
2. Tikhomirov, V. V. (2016). «The Snow Maiden» by A. N. Ostrovsky: problems of evaluation and interpretation (1873–1900). *Vestnik of Kostroma State University*, 6(22), 72–78. (In Russ.).
3. Blok, A. A. (1960). *Collected works*: in 8 vol. Vol. 1. Fiction. (In Russ.).
4. Magomedova, D. M. (1997). *Autobiographical myth in the works of A. Blok*. Martin. (In Russ.).
5. Ronen, O. (1985). A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth — Century Russian Lyrical Poetry. *Myth in Literature* (pp. 110–123). New York University Slavic Papers. Vol. 5. Columbus: Slavica Publishers. (In English).
6. Magomedova, D. M. (2004). *Philological analysis of a lyrical poem*. Academy. (In Russ.).
7. Schultz, S. A. (2022). N. Gorn, A. N. Ostrovsky, A. P. Chekhov, A. A. Blok: the evolution of the image of the Snow Maiden. *Literary Journal*, 1(55), 125–139. (In Russ.).
8. Akhmatova, A. A. (2000). *Collected works*: in 6 vol. Vol. 4. Ellis Luck. (In Russ.).

9. Devyatova, N. M. (2022). The image of a man and a woman in the mirror of Russian comparisons. *Russian speech*, 1, 7–18. (In Russ.).
10. Fomenko, I. V. (1990). Cyclization as a typological feature of B. L. Pasternak's lyrics. *Pasternak readings* (pp. 78–84). Materials of the interuniversity conference. PSU. (In Russ.).
11. Beznosov, E. L. (2019). The poem «Spring again»: («The train is gone. The embankment is black...») in Boris Pasternak's creative biography. *Literature*, 11/12, 37–42. (In Russ.).
12. Kazmirchuk, O. Yu. (2021). The role of the title system in the artistic universe of B. L. Pasternak's cycle «Peredelkino». *New Philological Bulletin*, 1(56), 197–206. (In Russ.).
13. Maimeskulov, A. (1994). «Peredelkino» by Boris Pasternak (analysis of the cycle). Wyzsza Szkola Pedagogiczna. (In Russ.).
14. Pasternak, B. L. (1989). *Collected works*: in 5 vol. Vol. 2. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
15. Pasternak, E. B. (1998). *Boris Pasternak: Materials for a biography*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
16. Zholkovsky, A. K. (2011). Ominous motives in Pasternak. *Pasternak's poetics: Invariants, structures, intertexts* (pp. 65–91). New Literary Review. (In Russ.).
17. Alfonsov, V. N. (2001). *The poetry of Boris Pasternak*. THE SAGA. (In Russ.).
18. Faryno, E. (1989). *The poetics of Pasternak («Travel notes» — «Certificate of Protection»)*. Wiener Slawistischer Almanach. (In Russ.).
19. Pasternak, B. L. (1992). *Collected works*: in 5 vol. Vol. 5. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
20. Gladkov, A. K. (2002). *Meetings with Pasternak*. ART FLEX. (In Russ.).
21. Ivanov, V. V. (2015). Russian Poetic tradition and Futurism (from the experience of early B. Pasternak). *Parsnips. Memories. Research. Articles*. Azbukovnik. (In Russ.).
22. Pasternak, B. L. (1990). *Collected works*: in 5 vol. Vol. 3. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
23. Etkind, E. G. (1979). Pasternak is an innovator of poetic speech. *Борис Пастернак, 1890–1960 — Boris Pasternak, 1890–1960* (pp. 128–140).
24. Yakushevich, I. V. (2019). Bird: symbol, metaphor, metamorphosis. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language* (pp. 306–319). A collective monograph. Knigodel; MCU. (In Russ.).
25. Yesenin, S. A. (1970). *Collected works in three volumes*. Vol. 1. Pravda. (In Russ.).
26. Broitman, S. N. (2007). *The poetics of Boris Pasternak's book «My Sister is Life»*. Progress-Tradiciya. (In Russ.).

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Казмирчук — кандидат филологических наук, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Olga Yu. Kazmirchuk — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Filology, Institute of the Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.1'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.05

**ЭВФЕМИЗАЦИЯ
КАК ПРИЧИНА И ПОСЛЕДСТВИЕ
ВАРИАТИВНОСТИ СООТНОШЕНИЯ
В КОММУНИКАЦИИ ОБЪЕКТИВИРУЕМЫХ
И СО-АКТИВИРУЕМЫХ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ**

Гришаева Людмила Ивановна

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия,

grischaewa@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

Аннотация. В фокусе рассмотрения в статье — феномен эвфемизации и эвфемизмы, которые изучаются с когнитивной, номинативной и коммуникативной сторон. Особое внимание уделяется причинам широкого распространения в различных условиях эвфемизмов как вторичных номинативных средств, которые стали одними из наиболее часто встречающихся и эффективных номинативных средств для обозначения разных элементов внеязыковой действительности при решении коммуникантами различных категорий разного рода коммуникативных и когнитивных задач.

Разграничение при анализе разнообразных коммуникативных продуктов двух сущностей: эвфемизмов и эвфемизации — позволяет последовательно описать способы и средства реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий в различных условиях и для разнообразных целей. Тем самым становится возможным выявить причины активного обращения субъекта познания и коммуникации к эвфемизмам, установить характеристики соответствующей категории субъекта, охарактеризовать последствия использования эвфемизмов как средства решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, а также определить параметры успешности соответствующих действий коммуникантов.

Наиболее существенными для продуктивности взаимодействия между коммуникантами последствиями от обращения к эвфемизмам как номинативным средствам целесообразно признать их способность уплотнять информационный поток, экономить когнитивные и коммуникативные усилия за счет со-активации конвенционально имплицитных сведений, вводить в актуальный когнитивный и коммуникативный оборот в тех или иных условиях новые способы профилирования комплекса сведений о некотором элементе внеязыковой

и/или виртуальной реальности и способствовать конвенционализации вербальных и невербальных маркеров новых стратегий взаимодействия в языковой культуре.

Ключевые слова: эвфемизм как вторичное номинативное средство, эвфемизация как коммуникативная стратегия, когнитивная/номинативная/коммуникативная стратегия как феномены, средства и способы реализации стратегии, интеракция как коммуникативная и когнитивная задача.

Для цитирования: Гришаева, Л. И. (2023). Эвфемизация как причина и следствие вариативности соотношения в коммуникации объективируемых и со-активируемых сведений о мире. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 47–72. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.05>

Original article

UDC 811.1'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.05

EUPHEMIZATION AS A CAUSE AND CONSEQUENCE OF THE VARIABILITY OF THE RATIO IN THE COMMUNICATION OF OBJECTIFIED AND CO-ACTIVATED INFORMATION ABOUT THE WORLD

Ludmila I. Grishaewa

Voronezh State University,
Voronezh, Russia,

grishaewa@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

Abstract. The article focuses on the phenomenon of euphemization and euphemisms in particular. The latter are regarded from different perspectives: cognitive, nominative and communicative. There is special attention paid to the reasons for the widespread use of euphemisms as secondary nominative means in various frameworks. Euphemisms in general have become one of the most common and effective nominative tools for designating various elements of extra-linguistic reality when solving various kinds of communicative and cognitive tasks.

Differentiating the two entities while analyzing various communicative products, namely, euphemisms and euphemization, allows to consistently describe the ways and means of implementing cognitive, nominative and communicative strategies in various conditions and for various purposes. Thus, it becomes possible to identify the reasons for the subject of cognition and communication appealing to euphemisms, to establish the features of the corresponding category of the subject, to characterize the consequences of using euphemisms as a means of addressing specific communicative and cognitive tasks, as well as to determine the felicity conditions for the corresponding actions of communicants who prefer euphemization as a communicative strategy to other potentially possible strategies in similar conditions.

The most significant consequence of using euphemisms as nominative means for interaction is their ability to condense the information flow, to save cognitive and communicative efforts due to the co-activation of conventionally implicated information, to introduce new ways of profiling a certain amount of information about a particular element of extra-linguistic and / or virtual reality into the actual cognitive and communicative flow of information in certain conditions and to promote the conventionalization of verbal and non-verbal markers of new interaction strategies against a particular cultural background.

Keywords: euphemism as a secondary nominative means, euphemization as a communicative strategy, cognitive/nominative/communicative strategy as a phenomenon, means and methods of strategy implementation, interaction as a communicative and cognitive task.

For citation: Grishaeva, L. I. (2023). Euphemization as a cause and consequence of the variability of the ratio in the communication of objectified and co-activated information about the world. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 47–72. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.05>

Введение

Сегодня в разных культурных пространствах в качестве одной из любопытнейших особенностей организации актуального взаимодействия между представителями разных категорий носителей языка и культуры с полным правом можно назвать активное — и, судя по всему, осознанное — обращение носителей языка и культуры к эвфемизмам.

С чем часто имеют дело носители языка и культуры в актуальных условиях?

Насколько часто в актуальном общении востребованы эвфемизмы, свидетельствуют, например, следующие образцы использования языковых средств. Причем интересно подчеркнуть, что длительность бытования подобных высказываний в русской языковой культуре и эффект от восприятия подобных высказываний различны, однако это не вызывает у реципиентов никаких сложностей при их интерпретации: *кормилица всяя СССР; титулованный борец за вашу и нашу свободу; их экономика начала постоянно спотыкаться об этот ценовой «плинтус», словно один известный политик на трапе самолета* и мн. др.

Из осознания того, что «эвфемизм — слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» (Малый академический словарь), что «эвфемизм — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» (Лингвистический энциклопедический словарь), что «эвфемизм — слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное (например, “говорить неправду” вместо “врать”))» (Крысин, 2008, с. 824), следуют по крайней мере два обстоятельства.

Первое. Необходимо четко знать, что в случаях с эвфемизмами носители языка и культуры имеют дело с номинациями, причем со вторичными номинациями (ср.: «слово или выражение, употребляемое *взамен* другого» (здесь и далее курсив наш. — Л. Г.)), что вторичная номинация должна восприниматься ими в сложившихся коммуникативных условиях как более уместная, чем любая иная (ср.: обозначение, «заменяющее другое, *неудобное для данной обстановки*»). Важно то, что в конкретной языковой культуре на определенный момент ее бытования присутствует более или менее отрефлектированное коммуникантами знание о наличии для одного некоего элемента внеязыковой действительности по крайней мере двух обозначений.

Приведенные примеры весьма показательны в этом отношении: они в некотором смысле информируют реципиента о позиции продуцента относительно той или иной ситуации (шуливый или саркастический настрой, согласие или частичное/абсолютное несогласие со сложившимся положением дел и т. п.). Тем самым существенным образом предопределяются разнородные характеристики когнитивных фильтров, необходимых для селекции сведений, воспринимаемых субъектом познания

и коммуникации в актуальном акте познания, задаются параметры рамки восприятия, обуславливается соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры. Это важно для перспективизации воспринимаемых субъектом сведений с последующими категоризацией и концептуализацией их, что, несомненно, сказывается на результате осмысления реципиентом воспринимаемого высказывания¹.

Второе. Для любого носителя языка и культуры соответствующая номинация будет осмыслена только тогда, когда этот субъект познания и коммуникации будет владеть достаточно дифференцированным комплексом сведений о номинируемом элементе внеязыковой действительности. Выражаясь иначе, для субъекта восприятия мотив для номинации должен быть (предельно) прозрачен (или же тот не может не полагать, что мотив для номинации ему ясен) (см. примеры, приведенные ранее и далее). В противном случае соответствующее обозначение не может быть интерпретировано ни как эвфемизм и вместе с тем ни как вторичная номинация (о когнитивных основаниях вторичной номинации, ее сущности и разнообразных признаках подробнее см.: Бабина², 2003).

Третье. Обсуждаемое явление необходимо изучать в более широком контексте, чем замена одного обозначения другим. Так, В. Д. Девкин особое внимание уделяет асимметрии «старое понятие — новое имя», выделяя несколько процессов, имеющих в качестве своего результата новое имя, и анализируя причины и последствия от появления соответствующих единиц (Девкин, 2015, с. 112–138). Пополнение лексикона согласно принципу «старое явление — новое название» В. Д. Девкин интерпретирует как «смену имен, своеобразное переименование» (Девкин, 2015, с. 112), которое заслуживает особого внимания по причине недостаточного освещения в лексикологии (Девкин, 2015, с. 112). В. Д. Девкин утверждает: «Такое положение объясняется как периферийностью и непродуктивностью³ настоящего способа номинации, так и рядом факторов *необъективного* порядка» (Девкин, 2015, с. 112–113). Считается, что переименование необходимо отличать от смежных с ним явлений: «“Классический” (основной) случай переименования — это смена названия того, что само по себе не претерпевает изменения: “новое” имя “старого” предмета или явления, причем

¹ Детальный комментарий к описываемым процессам см.: (Гришаева, 2022, 146–179, 230–261, 416–448).

² Концепция Л. В. Бабиной основывается на изучении разнородных вторичных средств как проявления концептуальной деривации в контексте описания лингвокреативного мышления. Последнее «характеризуется тем, что оно направлено на создание новых языковых сущностей путем модификации (прежде всего смысловой) уже имеющихся в языке единиц. Возникающие при модификации языковые или речевые единицы позволяют вторично вербализовать уже существующие в сознании человека понятия и концепты. Это и дает основание говорить, с одной стороны, о концептуальной деривации как едином когнитивном процессе, осуществление которого обеспечивает порождение вторичных языковых и речевых явлений разного уровня, и, с другой стороны, о вторичной репрезентации концептов как особом типе представления знаний» (Бабина, 2003, с. 4–5).

³ Ср. время, когда появилось соответствующее утверждение известного и авторитетного эксперта в области лексикологии, с изменениями способов и средств организации взаимодействия в разных ситуациях, а именно с очевидной высокой частотностью вторичных номинаций в актуальных коммуникативных условиях, интенсивное появление которых обусловлено современными особенностями функционирования языковых средств в разных ситуациях общения, причем в разных языковых культурах.

прежняя номинация уступает место своей преемнице. Переименования — факт языка (номинативной системы), связанный не с количественными, а качественными изменениями. Новое имя, как правило, не создается вновь, а заимствуется в готовом виде либо из отечественного, либо из иноязычного фонда. Переименования ведут к сдвигам в системе названий» (выделено В. Д. Девкиным. — Л. Г.) (Девкин, 2015, с. 136–137).

Тем самым очевидно, что рассуждения об эвфемизмах правомерно осмысливать как размышления о соотношении, с одной стороны, сведений, *объективируемых* в коммуникации различными способами и средствами разных культурных кодов, и, с другой стороны, сведений, *не объективируемых*, но со-активируемых и *необходимых* для установления взаимопонимания между интерактантами в процессе их взаимодействия.

Постановка проблемы и цели исследования

Высказанные мысли можно сформулировать по-другому. Обращаясь к эвфемизму как номинативному средству, субъект познания и коммуникации, будучи носителем языка и культуры, сознательно или неосознанно имеет дело с *выбором* некоего средства из *набора изофункциональных*. Определенным комплексом последних, который постоянно меняется в количественном и качественном отношении, языковая культура располагает на конкретный период своего существования. Однако из этого потенциального набора изофункциональных средств каждый носитель языка владеет лишь некоторыми средствами, и он выбирает из набора только те средства, которыми он как конкретный субъект познания и коммуникации владеет, порой сам того не осознавая. Эти средства, будучи изофункциональными, т. е. выполняющими в коммуникации аналогичные (или тождественные) функции: когнитивные, номинативные, коммуникативные, стилистические или же иные, — естественно, обладают различными лингвистически релевантными характеристиками: лексико-семантическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, формально-структурными, текстограмматическими, распознаваемыми по известным лингвистически релевантным закономерностям. Ср., например, вторичные средства обозначения коллективного субъекта: *Вагнер – музыканты – оркестранты – вагнеровцы – штурмовой оркестр* и некоторые иные. Сущность приведенных средств номинации для одного референта как вторичных — и эвфемистических — понятна только тем, кто владеет не только знанием о данном коллективном субъекте и их сфере деятельности, но и тем знанием, какие сведения о мире активизируют те же самые языковые средства в их первичной номинативной функции.

Другими словами, чтобы осмыслить причины предпочтения субъектом в своей номинативной деятельности эвфемизмов и последствия от функционирования последних в коммуникации, необходимо более или менее ясно осознавать ряд обстоятельств.

Во-первых, коммуниканты имеют более или менее дифференцированное и с разной степенью определенности отрефлектированное знание о наличии у любого элемента действительности значительного числа разнородных признаков, по которым этот элемент распознается в разных ситуациях, включается в ту или иную ментальную категорию, а также обозначается. Например, одна и та же лексическая единица активизирует и со-активирует у носителей языка и культуры одновременно, как это

ни парадоксально, идентичный и вместе с тем абсолютно нетождественный набор сведений о мире. На основании этого воспринимаемый элемент культурного пространства идентифицируется по-разному: 1) по первичным в языковой культуре для категоризируемого элемента признакам; 2) по вторичным; 3) по аксиологическим признакам: *хорошая контрольная* (для учителя или для ученика, для сильного или для слабого ученика) — *хорошее поведение* — *хороший производитель* — *хороший клиент* — *хорошо-о-шие родственнички* и т. д. В итоге хорошим поведением может быть названо все что угодно, однако это непременно соответствует социальному эталону решения определенными коммуникантами некоторой коммуникативной и когнитивной задачи в известных условиях.

Во-вторых, при осмыслении проблематики требуется принимать во внимание конфигурацию и иерархию разнородных признаков в ментальной структуре сведений об определенном объекте (в широком смысле) внеязыковой действительности, а также их значимость (первичность или вторичность, либо нерелевантность) для категоризации воспринимаемых сведений в тех или иных конкретных условиях. Ср. конвенциональное *объемный текст* с уже ставшим привычным *написал много букв*.

В-третьих, не последнюю роль играет коммуникативный опыт носителей культуры, благодаря которому можно довольно легко определить намерение продуцента высказывания, например: *Как оказалось (надо же как удивительно), что своего леса у поляков два куста и три сосны*.

Коммуникативный опыт помогает также реципиенту определить параметры когнитивного фона, на котором осмысляется когнитивная фигура, ср.: *гегемонщина* — *Вашингтонщина* — *Вашингтонский обком* и т. п. Очевидно, что без знания о том, к каким когнитивным образцам обработки сведений обращались в советский период властные и провластные структуры, без знания о функционале соответствующих структур, а также о том, какой класс в советское время признавался гегемоном, приведенную фразу осмыслить весьма и весьма затруднительно. Только умение адекватно сложившимся условиям интерпретировать соотношение объективируемого и имплицуруемого знания позволяет осмыслить всю иронию при обращении продуцентом к подобным номинациям.

Другими словами, особую значимость при анализе функционирования единиц изучаемого типа приобретают теоретические постулаты, с помощью которых можно анализировать идентичность субъектов познания и коммуникации. Последние могут выступать, естественно, в разных ипостасях, используя по-разному для одних и тех же целей языковые средства и иные средства объективации релевантного для взаимодействия знания (подробнее см.: Гришаева, 2022, с. 180–229, 262–292, 449–501; 2022а). Выражаясь иначе, при анализе единиц изучаемого типа очевидна необходимость последовательно и сознательно учитывать диалектику личностной и коллективной идентичности при использовании носителями культуры языковых средств (ср. примеры, приведенные ранее и далее).

Проблемным представляется то, что, как выясняется, при описании эвфемизмов в одну точку, как в фокусе, сходятся практически все до сих пор крайне важные в лингвистическом отношении и все еще дискуссионные вопросы как обще- и частнотеоретического, фундаментального, так и прикладного свойства в моно- и полидисциплинарной перспективе, в частности:

- особенности лингвокреативного мышления;
- причины и последствия многовариантности способов взаимодействия носителей языка и культуры в тех или иных коммуникативных условиях;

- основания и маркеры изофункциональности первичных и вторичных номинативных средств;
- соотношение объективируемого и имплицитного знания, активируемого и со-активируемого знания в конкретной интеракции;
- основания для включения определенного объекта (в широком смысле) внеязыковой действительности в разные ментальные категории;
- условия успешности и факторы риска при взаимодействии носителей языка и культуры;
- основания для конвенционализации того или иного способа оязыкования комплекса сведений;
- соотношение нормативного, конвенционального, окказионального в статическом и динамическом ракурсе анализа;
- параметры успешности взаимодействия с позиции продуцента и реципиента;
- мотивы для выбора средств и способов решения коммуникативной и когнитивной задачи в разных условиях;
- степень взаимозаменяемости вербальных и невербальных способов объективации некоторых сведений о мире в определенных коммуникативных условиях;
- эндогенные и экзогенные по отношению к порождаемому тексту факторы, обуславливающие выбор средств и способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи; и др. (подробнее об этом см.: Гришаева, 2020).

Подобная интерпретация теоретических и прикладных задач на материале эвфемизмов обусловлена их сущностью, высокой частотностью как средств реализации коммуникативных стратегий, многочисленностью и разнородностью потенциальных объектов эвфемизации, высокой вариативностью способов выражения эвфемизмов, новыми потребностями современного общества и явными изменениями в субъекте познания и коммуникации, наконец (см. далее).

Объединяет все разнообразие и разнородные средства то, что вторичные номинативные средства — эвфемизмы — независимо от своей лингвистической природы и лингвистически значимых характеристик (см. примеры, приведенные ранее и далее) — это:

- прежде всего средства реализации внеязыковых целей коммуникантов;
- средства решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи;
- средства сообщения партнеру по общению новой (в разной степени для участников интеракции) информации;
- средства объективации и вместе с тем непременно активации и со-активации различных необъективированных и/или, как правило, в принципе необъективируемых в интеракции сведений о мире;
- средства профилирования комплекса сведений о мире (структурирования, переструктурирования и пр. процессов, происходящих в комплексе разнородных сведений как в пределах одной ментальной структуры, так и в более или менее крупных сегментах картины мира как совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире и пр.);
- средства воздействия на коммуниканта, которое может быть более или менее эффективным и более или менее предсказуемым для обоих участников взаимодействия.

Подобный подход к осмыслению функционала и потенциала воздействия изучаемых языковых средств позволяет учитывать в статическом и динамическом аспектах

три вида деятельности, разделить которые в действительности можно только весьма условно и только в целях тщательного анализа для более глубокого проникновения в суть описываемых процессов: когнитивных, номинативных, коммуникативных. Первые предоставляют данные о результатах категоризации воспринимаемых сведений, вторые — о способах и механизмах вербализации. Третьи прямо и/или опосредованно сообщают о способах и средствах структурирования информационного потока в ходе достижения носителями культуры общей задачи через последовательность речевых и неречевых действий при решении на отдельных фазах организации интеракции частных задач, подчиненных достижению общей цели.

Таким образом, интерпретация интеракции, взаимодействия, носителей языка и культуры в некоторой ситуации как решения ими определенной коммуникативной и когнитивной задачи некоторыми способами и средствами, а также осознание сказанного во всей его сложности и комплексности дает право рассматривать столь разнообразные языковые средства на единых теоретических основаниях. Это позволяет также описывать с помощью единых приемов и интерпретировать их как средства решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи, *отобранные* и *подчиненные* на всех этапах реализации определенных когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий решению этой задачи. Принимая во внимание формальное и содержательное многообразие обсуждаемых единиц, целесообразно интерпретировать их не в атомистическом ракурсе, а в холистическом, т. е. не изучать их изолированно как отдельные средства выразительности, как стилистические фигуры, а как одно из средств реализации *стратегии на эвфемизацию*. Тогда очевидно, что в процессе реализации стратегии порождается текст некоторого типа как интенциональное, функциональное, формальное, содержательное единство, целостный коммуникативный продукт, организуемый на микро- и макроуровне по известным в языковой культуре ментальным образцам и синтаксическим моделям разной степени сложности, присутствующим в языковой системе (см. подробнее: Гришаева, 2020, гл. 2–3, 5).

Сделанные уточнения позволяют дать определенный ответ на вопрос относительно случайности и/или намеренности обращения носителей языка и культуры к средствам эвфемизации. Думается, что данную стратегию корректнее охарактеризовать как *дополняющую* основную, реализуемую коммуникантами сознательно, поскольку «эвфемизмы — смягченные слова и выражения, *вызванные социальными табу*» (Иванян, 2017, с. 3). Сознательность выбора одного из множества средств эвфемизации основывается по крайней мере на трех обстоятельствах:

во-первых, на более или менее четком осознании коммуникантами неуместности одного из потенциально вероятного способа номинации;

во-вторых, на владении субъектом социально релевантными когнитивно салиентным знанием о возможности варьировать средствами и способами взаимодействия в тех или иных коммуникативных условиях, а также на более или менее сознательном владении комплексом изофункциональных средств и более или менее отрефлектированным знанием о характере их воздействия каждого из такого комплекса изофункциональных средств на партнеров по коммуникации;

в-третьих, на присутствии у субъекта социально значимого знания о высокой вероятности позитивных, кратковременных и долговременных, последствий для взаимодействия интерактантов в случае выбора вторичных — эвфемистических — номинативных средств как не только приемлемых, но и креативных, аттрактивных, экспрессивных

способах выражения своих мыслей и уважительного отношения к интересам партнеров по коммуникации.

Предлагаем следующие обоснования представленной трактовки. Одни и те же сведения о мире объективируются, активируются и со-активируются разными механизмами вербализации: лексико-семантическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, формально-структурными, текстограмматическими — с их дальнейшей тонкой дифференциацией по известным, значимым для лингвистического описания основаниям (см.: Гришаева, 2020, с. 21–74). Однако разнородные средства, активизирующие и со-активирующие комплекс сведений об одном и том же объекте внеязыковой действительности с разной степенью детализации, вызывают нетождественно организованные в соответствующей ментальной структуре конфигурации сведений и, следовательно, обуславливают нетождественность воздействия на реципиента активированного комплекса сведений об определенном объекте внеязыковой действительности (см. примеры, приведенные ранее и далее).

В разных коммуникативных условиях комплекс сведений о некотором воспринимаемом объекте, активированный теми или другими механизмами вербализации, не может быть тождественным уже в силу того, что эти сведения встроены в разные текстовые пространства. В одном и том же текстовом пространстве встречаемость разнородных средств объективации, активации и со-активации сведений о мире не может быть случайной, поскольку все механизмы вербализации подчинены текстограмматическим механизмам из-за того, что эти средства используются для решения одной общей задачи, что они служат реализации определенной стратегии (см. подробнее: Гришаева, 2020).

Обращение к средствам эвфемизации при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи со-активирует комплекс разнородных сведений, не объективированных в интеракции. Следовательно, правомерно трактовать данное обстоятельство как *уплотнение* информационного потока в единицу времени, так как одновременно транслируется текстом больше сведений. К тому же этот комплекс оказывается более дифференцированным, активирующим и со-активирующим наряду с объективно ориентированными субъективно ориентированные сведения. Поэтому подобный способ организации информационного потока вполне гармонично согласуется с характеристиками современного информационного общества (см. подробнее, например: Tsvasman, 2006, с. 135–136), а также с изменениями в структуре личностной и коллективной идентичности, вызванными особенностями взаимодействия в современном обществе (см. комментарии и рассуждения: Гришаева, 2022; 2022а).

Знания, о которых упоминалось ранее, относятся, бесспорно, к знаниям, разделяемым всеми носителями языка и культуры. Поэтому выбор средств и способов реализации той или иной стратегии подпадает в том числе и под влияние социокультурных, социо-психологических, когнитивно-психологических, социолингвистических и социологических факторов. Для осмысления в обозначенном контексте необходимо последовательно учитывать:

- 1) набор социокультурно релевантных знаний, необходимых коммуникантам для более или менее успешного взаимодействия в известных условиях (знания о коммуникативной ситуации);

- 2) разнородные и разноуровневые средства вербализации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений, востребованных при решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи (интеракциональные знания);

3) способы и средства реализации конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, адаптированные к вариативным условиям в коммуникативной ситуации некоторого типа.

Принимая во внимание все вышесказанное, цель предлагаемой статьи правомерно сформулировать следующим образом: выявить мотивы носителей языка и культуры, побуждающие их выбирать в качестве способа достижения своих целей в коммуникации разнородные средства эвфемизации как вторичные номинативные средства.

Материал и методы исследования

Значимость перечисленных обстоятельств станет более очевидной тогда, когда мы вспомним еще раз о том, где, насколько часто, для чего и как встречаются анализируемые средства. Анализ приведенных параметров, определяемых в течение довольно длительного периода наблюдения (см. далее список источников примеров), позволяет утверждать, что средства обсуждаемого типа встречаются в самой разной коммуникативной среде, это:

- разные типы текста (комментарий, сообщение, рассказ, реплика, интервью и др.);

- тексты на разные темы (актуальные, вечные, бытовые и бытийные, детские, философские, интимные, общечеловеческие и др.);

- тексты, адресуемые разным категориям коммуникантов (молодым или довольно долго прожившим, профессионалам или начинающим осваивать профессию и т. д.);

- разные типы дискурса (политический, медийный, экономический, научный, академический, художественный, людический и др.) с различными форматами (ток-шоу, викторины, документалы, интервью, комментарий эксперта, пародии и пр.);

- кооперативное и некооперативное общение;

- взаимодействие в официальной или неофициальной обстановке.

Так, средства анализируемого типа могут функционировать:

- в политическом анализе событий, так или иначе затрагивающих Россию: *Россию приняли в семерку на правах шестерки*;

- либо в текстах о политических событиях в иных культурах и/или странах: *«фрау 360 градусов» — так упорно продолжает свой танец на граблях после череды предыдущих скандалов и после провала миссии своей соотечественницы — правительства старцев и гинекологов*;

- в светских сплетнях о персонажах из инокультурного пространства:

Письмо дяди Федора из Простоквашино, монтезитский вариант.

Это абсолютная заказуха. Сейчас дружественная (за деньги) с Монтесито редакция Page Six выкатила огромную статью, написанную непонятно зачем.

То есть новость там одна. И ее мог рассказать изданию лишь Гарри или Маркл...⁴;

- или же в великосветских сплетнях (рассказах) для отечественного потребителя: *страна-таки дождала до очередного Аллого дня календаря — Пугалкина*; и мн. др.

⁴ В этой связи любопытно обратить внимание на то, насколько мастерски носители русского языка обращаются к прецедентным феноменам, бытующим в русской языковой культуре, чтобы реализовать стратегию эвфемизации, повествуя о событиях из инокультурного пространства.

Стремление определить интенцию, реализуемую коммуникантами с помощью описываемых средств, приводит к осознанию широчайшего диапазона средств и способов ее претворения в жизни. Так, уже только незначительное число приведенных примеров, из текста которых выписаны отдельные случаи функционирования изучаемых единиц, убеждает, что последние используются, чтобы рассмешить кого-либо, высмеять что-либо, осудить кого-то или что-либо, поддержать кого-либо, избежать всеобщего осуждения при сообщении публике деликатной информации и т. д. Единицы анализируемого типа вполне успешно применяют также для того, чтобы более глубоко осмыслить ситуацию, разъяснить свою позицию, расставить те или иные акценты, размежевать мнения. Средства и способы оказываются весьма эффективными, чтобы более четко структурировать тот или иной информационный поток, вписаться в некоторый нарратив, маркируя себя в нем как своего, и др. К тем же самым средствам можно прибегнуть с целью дополнить сведения о чем/ком-либо, не особо выделиться, скрыть свои убеждения в ситуации, когда это обязательно, например, для карьеры, но по политическим соображениям этого делать нежелательно и т. д. (см. приведенные ранее и далее примеры). В этой связи целесообразно еще раз вспомнить, как исследователи характеризуют соответствующие единицы: «эвфемизмы являются скрытым, смягчающим и приукрашивающим способом выражения» (Степанова, Чернышова, 2003, с. 45).

В качестве примера сравним выписанные из одного текста высказывания от разных носителей русского языка и культуры об одном человеке, участвовавшем в одном событии:

- *Беглый комик уже в который раз огибает нашу планету со своими выступлениями. Видимо, пытается побить рекорд Федора Конюхова по кругосветкам.*
- *Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Так ему в России все писали и на блюдечке приносили, а теперь некому.*
- *птица-говорун Галкин.*
- *Очень он похож на Коровьева из свиты Воланда.*
- *Максим «Алкин».*
- *У Пугалкина иссяк материал к его плоским шуткам, и он просто мелет похабщину. Как же можно было так опуститься? Мелко и пошло.*

Сопоставление разных способов активизации через эвфемизацию некоторого сложно организованного комплекса сведений об одном и том же субъекте как носителя языка и культуры, а также анализ различных способов обозначения одного и того же референта убедительно показывают богатство и высокую потенциальную степень эффективности воздействия единиц описываемого типа на реципиентов-носителей русского языка и культуры. Эвфемизация предоставляет носителям языка и культуры значительный и весьма разнообразный арсенал средств, с помощью которого можно к тому же конструировать аксиологический — негативный разной степени интенсивности — когнитивный фон из релевантных для культуры позитивных ценностных ориентаций, на котором будет осмысливаться когнитивная фигура — поступки некоторого человека, его внешность, качества его характера и пр.

Очевидно, что в конкретном случае сведения о разнообразных характеристиках, например о возрасте, внешности, поступках субъекта, со-активируются синхронно со сведениями о качестве его профессиональной деятельности, ее результатах и целеполагании, например: *пытается побить рекорд Федора Конюхова по кругосветкам. — Очень он похож на Коровьева из свиты Воланда. — Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. — Как же можно было так опуститься? Мелко и пошло.*

Тем же способом сообщаются сведения о степени оригинальности его творческого потенциала, например: *иссяк материал к его плоским шуткам, и он просто мелет похабщину*. — Так ему в России все писали и на блюдечке приносили, а теперь некому. Соответствующие сведения активизируются у реципиентов и через апелляцию к отдельным фактам биографии этой личности, например: Максим «Алкин» — Пугалкин (= контаминация «Лу(гачева) + Галкин») — птица-говорун. Интересно, что профилирование сведений об одном и том же человеке может стать эффективным и весьма экспрессивным и благодаря апелляции к прецедентным феноменам разной этиологии, которые хорошо известны носителям языка и культуры и которые имеют устойчивую и определенную связь со значимыми для культуры ценностными ориентациями, например: *Коровьев из свиты Воланда — Федор Конюхов*. Поэтому негативные оценки тех или иных действий и качеств могут потенцироваться, не вызывая при этом у реципиента эффект морализаторства и по этой причине эффект отторжения соответствующих оценок.

Если обратить внимание на функции эвфемизма на микроуровне (в тексте как неотъемлемом компоненте текста или в сверхфразовом единстве) или на макроуровне (в тексте как интенциональной, содержательной, формальной, функциональной целостности) либо в дискурсивном (коммуникативном) событии, то можно заметить, что функционал эвфемизма гармонично коррелирует с эффектом от его употребления. Так, обращение к эвфемизму позволяет обойти разного рода табу, не затрагивая табуированные темы, такие как смерть, финансовое состояние, религиозные или политические убеждения и др. Можно преуменьшить негативные последствия от сделанных ошибок и/или недостатков, смягчить жесткость требований и т. п. Употребление той или иной номинативной единицы вместо первичного для соответствующего референта, конвенционального обозначения может способствовать уважительному отношению у реципиента к продуценту и/или к тому или иному обстоятельству либо позиции и др. (см. примеры, приведенные ранее и далее).

Таким образом, очевидно, что объекты эвфемизации чрезвычайно разнообразны: финансовое положение, социальное положение, возраст, болезни и физическое состояние человека, расовая или национальная принадлежность, смерть, похороны, физиологические действия и состояния и т. д. Подобные объекты номинации, естественно, в разных культурах не могут быть по определению тождественными. Функционирование эвфемизмов регулируется поэтому по понятным причинам прямой и/или опосредованной апелляцией к ценностным ориентациям, доминирующим в соответствующей языковой культуре. Значимой является также конфигурация таких ориентаций в ценностной картине мира коллективного и единичного субъекта. Важными остаются и особенности организации сведений в ментальной структуре и коллективной, и личностной идентичности у коллективного и единичного субъекта (см. соответствующий теоретический комментарий: Гришаева, 2020; 2022). Поэтому в данном контексте правомерно изучать и такое часто встречающееся в актуальной коммуникации явление, как политкорректность. Однако надо иметь в виду, что в последнем случае, т. е. при соблюдении требований политкорректности, замена первичной номинации на вторичную превращается в норму, следовать которой в некоторых культурах становится обязательным условием практически для всех типов интеракций в конкретном культурном пространстве для всех без исключения носителей языка и культуры, а не индивидуальным решением конкретного коммуниканта, как это описывается в данной статье.

Сравнение разных способов вторичного обозначения одного элемента культуры (независимо от природы последнего) позволяет констатировать, что в любой языковой культуре присутствуют многочисленные способы для вторичной номинативной деятельности носителей языка и культуры. Применительно к эвфемизмам их даже можно довольно уверенно перечислить, например: аббревация, терминологическая замена, использование диминутивов или заимствований либо единиц детского языка, порождение контаминаций или иных юмористических преобразований, звуковых аналогий, разнообразных средств деинтенсификации, разнообразные стилистические фигуры и др. Разнообразные с лингвистических позиций номинативные средства и способы довольно хорошо изучены в специальных исследованиях на материале разных языков (см. подробнее соответствующие описания: Антрушина, Афанасьева, Морозова, 2004; Иванян, 2022; Сенчикина 2008; Степанова, Чернышова, 2003; Цейтлин, 2001; Rada, 2013; и мн. др.).

В обозначенном контексте целесообразно иметь в виду, что одна и та же номинативная задача может решаться разными способами (см. приведенные ранее примеры). В результате в языковой культуре складывается некоторый набор изофункциональных средств, объединяющий обозначения разных элементов внеязыковой действительности: субъект (единичный или коллективный), объект, признак, отношение, состояние, действие, процесс, та или иная фаза процесса, ситуация, комплекс ситуаций и т. д. В такой комплекс изофункциональных средств входят разнообразные и разноуровневые первичные или вторичные средства, конвенциональные или нормативные средства, повторяющиеся в языковой культуре с той или иной периодичностью или окказиональные средства, узуальные или ненормативные средства и т. д. Поэтому, по всей видимости, соответствующие исследовательские задачи являются столь сложными, а интерпретация соответствующего явления — дискуссионной.

Обобщая размышления, правомерно подчеркнуть, что эвфемизацию целесообразно описывать двояко: 1) как самостоятельную коммуникативную и когнитивную стратегию; 2) как стратегию дополнительную, сопровождающую в определенных коммуникативных условиях иные стратегии, доминирующие по тем или иным причинам при реализации некоторой интеракции, — информативную, людическую, дескриптивную, аксиологическую, комиссивную, экспрессивную, директивную и др. Изначально необходимо принимать во внимание множественность способов и средств решения задач, преследующих одну и ту же цель и/или сопоставимые цели. Это касается решения коммуникативной и когнитивной задачи при кооперативном или некооперативном взаимодействии, или же в случаях угрозы негативного коммуникативного результата при выборе той или иной стратегии на преодоление угрозы негативного коммуникативного результата.

Таким образом, *материал* исследования можно охарактеризовать как тексты разного типа, интерпретируемые в качестве коммуникативного продукта, порождаемого в тех или иных условиях. Из подобных текстов выписываются средства эвфемизации, распознаваемые по разнородным и разноуровневым средствам, специализирующимся на решении изучаемой когнитивной задачи. Необходимо подчеркнуть, что по причинам чрезвычайно высокой степени формального и содержательного разнообразия способов и средств эвфемизации адекватной эмпирией могут быть только тексты как результат коммуникации — только таким образом представляется возможным достичь поставленной цели исследования.

Методику исследования можно охарактеризовать как многоаспектную и комплексную, а избираемые методы и приемы исследования — как многократно апробированные в лингвистическом анализе разнородных и разноуровневых языковых средств. Особое внимание по понятным причинам следует уделять средствам и способам реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий.

В данном контексте *когнитивные стратегии* понимаются как сложившиеся в культуре образцы обработки воспринимаемых сведений о мире, которые побуждают носителей культуры по-разному оценивать значимость воспринимаемого и на разных основаниях так или иначе конфигурировать сведения, подводя их под некоторую ментальную категорию (см. подробнее: Грановская, 1981; Солсо, 2002; Anderson, 2001, и мн. др.). Следствием владения отрефлектированным и/или неосознаваемым знанием носителями культуры о когнитивных стратегиях, а также следования ими когнитивным стратегиям, сложившимся в языковой культуре, являются селекция воспринимаемых сведений, категоризация и концептуализация их, перспективизация и профилирование всего комплекса активированных и со-активированных сведений о мире. На таком основании выполняются соответствующие когнитивные операции и действия согласно когнитивным образцам, принятым в определенной языковой культуре, т. е. в конечном итоге структурируется информационный поток сообразно конвенциям, сложившимся в конкретной языковой культуре применительно к актам перцепции.

В любой языковой культуре можно выделить когнитивные стратегии прямой идентификации, косвенной идентификации, аксиологической идентификации, дескрипции, сгущения негативных смыслов и др. При этом очевидно, что стратегия прямой идентификации основывается на первичных в культуре признаках объекта на первичном для акта познания когнитивном фоне. Стратегия косвенной идентификации базируется на вторичных и/или незначимых (редко вычленяемых) признаках на первичном и/или вторичном для акта познания когнитивном фоне. Аксиологическая когнитивная стратегия реализуется через вычленение аксиологически значимых признаков объекта на первичном и/или аксиологическом когнитивном фоне. Реализация дескриптивной когнитивной стратегии осуществляется тогда, когда комплекс разнородных признаков объекта активизируется на первичном для категоризации сведений о некотором объекте действительности фоне или на аксиологическом когнитивном фоне. О реализации стратегии сгущения негативных смыслов можно говорить, если негативно осмысляемые в культуре признаки воспринимаемого объекта профилируются в акте познания на негативном когнитивном фоне и т. д. (см. подробнее: Гришаева и др., 2009; Гришаева, 2020; 2022, с. 99–139, 140–179, 502–535; 2022a).

Сказанное во многом обуславливает выбор коммуникантом того или иного номинативного средства для воспринимаемого объекта (в широком смысле) из комплекса изофункциональных. Активизация и со-активация разными вербальными и невербальными способами различных сведений об одном и том же воспринимаемом объекте обусловлены рядом факторов, предрешающих соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, т. е. распознавание когнитивной фигуры, и тем самым в конечном итоге категоризацию и концептуализацию воспринимаемых в актуальном акте познания и коммуникации сведений о мире. Таким образом, при анализе целесообразно принимать во внимание следующие параметры:

– рамку восприятия и ее количественные и качественные параметры (свой – чужой, свой – другой) (см. подробнее: Гришаева, 2022, с. 146–179);

- характер когнитивных фильтров, сквозь которые селективируются сведения в актуальном акте познания;
- соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры;
- особенности (личностной и/или коллективной) идентичности единичного и/или коллективного субъекта познания и коммуникации;
- цель деятельности коммуникантов.

Поэтому исследователь в состоянии определить и *номинативные стратегии* через выявление и осмысление мотивов номинативной деятельности коммуникантов при решении ими некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, определение оснований для выбора конкретных номинативных средств из набора изофункциональных, а также установление коммуникативного и когнитивного фокуса в актуальных для коммуникантов условиях. Это номинативные стратегии: прямой идентификации, косвенной идентификации, аксиологической идентификации, стратегии дескриптивные, эвфемизации, сгущения негативных смыслов, контroversзные и пр. (см. подробнее: Гришаева и др., 2009; Гришаева, 2020). Объективно выявляемые лингвистически значимые параметры общеизвестны. Это в первую очередь семантическая структура лексем, семантическая селективность той или иной лексической единицы, дистрибуция лексем, словообразовательные характеристики, грамматические свойства той или иной словоформы, функциональный потенциал словоформы и способы его реализации в разных условиях, способы реализации синтаксических связей, характер синтаксической структуры, способы выражения пропозиции и др. (см. подробнее: Гришаева и др., 2009; Гришаева, 2020).

Убедительным примером сказанному может служить один рекламный креолизованный текст, в котором удачно сочетаются конвенциональные и окказиональные, нейтральные и креативные, ожидаемые и неожиданные, прогнозируемые и неисчисляемые номинативные решения. Соответствующие номинативные средства используются синхронно с невербальными, что показывает реципиенту как носителю культуры один из многочисленных способов решения некоторой номинативной задачи в определенных коммуникативных условиях: *конфетно-букетный период* (невербально: ситуации встреч влюбленных), *совместно-бюджетный* (невербально: ситуации совместного ведения хозяйства для молодой пары), *торжественно-клятвенный* (невербально: ситуации при заключении брака), *ждательно-нежный* (невербально: ситуации ожидания пополнения семьи), *пелёночно-подгузный* (невербально: ситуации ухода за новорожденным и подрастающим младенцем). Использование таких номинативных средств, а также соотношение в креолизованном тексте эксплицитного и имплицитного, соотношение по-разному объективируемых сведений о мире и со-активации необъективируемых сведений позволяют выявить изменения и/или варьирование соотношением «когнитивный фон — когнитивная фигура» и тем самым быстро донести коммуникативно и когнитивно значимую для продуцента текста информацию, а также оптимизировать общение, т. е. повысить эффективность воздействия на реципиента.

Другими словами, анализ текста позволяет выявить характер реализуемых продуцентом *коммуникативных* (дискурсивных) *стратегий*, поскольку реализация определенной коммуникативной стратегии обеспечивает субъекту познания и коммуникации решение коммуникативной и когнитивной задачи в известных коммуникативных условиях. А выбор той или иной стратегии из потенциально вероятных в известных

условиях, т. е. адаптация к постоянно меняющимся условиям, обеспечивает вариативность соответствующих способов решения актуальных для коммуникантов задач (см. подробнее: Гришаева, 2020, гл. 5; 2022а).

Возможность исчисления и прогнозирования стратегий подобного рода обусловлена тем, что коммуникативный, когнитивный и социальный опыт носителей культуры обеспечивает коммуникантам как носителям языка и культуры владение социальными эталонами (паттернами взаимодействия), а также использование в разных условиях разнообразных языковых средств. Подобные сведения, т. е. структура любого вида деятельности, определенно относятся к знаниям, разделяемым всеми носителями языка и культуры. Прежде всего это: мотив деятельности (внешний и/или внутренний), цель деятельности, осуществление деятельности как последовательности действий и операций по выполнению того или иного действия, инструмент и средства, адекватные характеру реализуемой деятельности, знание паттерна выполнения деятельности (социального эталона), оценка степени соответствия реализуемых действий социальному эталону, среде и иным условиям осуществления данного вида деятельности, особенности субъекта деятельности с востребуемыми характеристиками.

Потенциал изучаемых средств

Потенциал изучаемых средств можно акцентировать, если назвать ряд вопросов, в частности:

- Почему эвфемизмы все чаще задействованы в актуальных коммуникативных условиях?
- Почему сегодня эвфемизмы так активно вытесняют из коммуникации первичные номинативные средства?
- Почему «неконвенциональные» средства оказываются для носителей языка и культуры все более приемлемыми, предпочтительными и эффективными при решении некоторых коммуникативных и когнитивных задач?
- Почему средства эвфемизации встречаются в разных коммуникативных средах?

Чтобы ответить на вопросы, так или иначе возникающие при анализе эвфемизмов, необходимо показать степень объяснительной силы предложенных способов анализа изучаемой проблематики. Для этого в дополнение к уже проведенному ранее анализу изучаемых языковых средств из русскоязычного культурного пространства целесообразно показать их функциональный потенциал в креолизованном (мультимодальном) тексте о совершенном европейце (рис. 1). Этот текст уже длительное время бытует в мультикультурном медиапространстве и постоянно пополняется аналогичными способами информирования о новых членах Европейского Союза по мере расширения последнего.

Еще одним способом верификации высказанных ранее соображений является художественный текст, порожденный в немецкой языковой культуре для людической коммуникации. Разный набор сведений о некотором элементе внеязыковой действительности активизируется и со-активируется и иными способами, например, в текстах Б.-Л. Ланге, человека, сыгравшего особую роль в период объединения Германии. В своей книге, рассказывающей в ироничном и порой саркастическом или ностальгическом ключе в том числе и о жизни в экс-ГДР, Б.-Л. Ланге использует такие средства номинации,

<p> Креолизованный (мультимодальный) текст = <i>косвенная оценка реальности</i></p> <p>Текст = контраст желаемого и действительного</p> <p><i>Двойная и двойственная апелляция к содержанию оценочных авто- и гетеростереотипов</i></p> <p><i>Эксплицитная и имплицитная активизации авто- и гетеростереотипов</i></p>	
<p>Вербальные средства</p>	<p>Невербальные средства</p>
<p>Объект номинации — коллективный субъект как представитель определенного этноса и носитель типического качества</p>	<p>Объект номинации — совокупность коллективных субъектов как представителей определенного этноса в типичной для каждого этноса ситуации и характерных способов выполнения этого вида деятельности в определенном культурном пространстве.</p> <p>Импликация: (1) единство в многообразии — (2) действительность может противоречить прокламируемому — (3) использовать первичные номинации некорректно (нетолерантно)</p>
<p>Вербально и невербально кодируемые сведения о внеязыковой действительности откровенно противоречат друг другу с точки зрения содержания</p>	
<p>Желаемое ≠ нереальное</p>	<p>Реальное, наблюдаемое</p>
<p>Основание оценки: семантика лексических единиц</p>	<p>Основание оценки: «фотографическое» изображение действительности средствами карикатуры (с присущими последней стилистическими средствами)</p>
<p><i>Technical as a Portuguese</i> <i>Humble as a Spaniard</i> <i>Cooking like a Brit</i> <i>Available as a Belgian</i> <i>Controlled as an Italian</i> <i>Famous as a Luxembourgger</i> <i>Driving like the French</i> <i>Discreet as a Dane</i> <i>Generous as a Dutchman</i> <i>Humorous as a German</i> <i>Sober as the Irish</i> <i>Organised as a Greek</i></p>	
<p>В сумме — черты характера идеального европейца</p>	<p>В итоге — наиболее запомнившиеся из наблюдений и/или при знакомстве с продуктами художественного творчества либо с медиапродуктами черты характера каждого из коллективных субъектов как типичных представителей определенного этноса</p>

Рис. 1. Функционал вербальных и невербальных средств в креолизованном тексте

Fig. 1. The functionality of verbal and non-verbal means in a creolized text

которые чрезвычайно информативны в том числе и в историческом отношении; ср. первичные и вторичные номинации для одного и того же референта: трабант (*Trabant*) — *Kosakenmercedes*, *Arbeiter-und-Bauern-Volvo*, выборы (*Wahlen*) — *Zettelfaltveranstaltung*, квартира (*Wohnung*) — *Arbeiterschließfach*, гражданин ГДР (*DDR-Bürger*) — *Russe de luxe*.

Интересно также сопоставить вклад различных вторичных номинативных средств в структуру номинативных цепочек, прошивающих весь текст, в содержание текста. Так, отдельные номинации для автомобиля, производимого в ГДР, образующие в тексте на основании тождества референции к одному и тому же объекту номинативную цепочку, активизируют и со-активируют самые разные сведения о соответствующем объекте. В итоге читатель, даже если он не знаком с объективными техническими параметрами номинируемого устройства, получает комплекс весьма тонко и по разным основаниям дифференцированных сведений, ср.:

- *Rennrappe* — развиваемая «скорость», противоречащая одному из главных критериев высокого уровня автомобилей;
- *Babbe* — внешний вид и манера передвигаться;
- *Zwickauer Flüchtlingskoffer* — место производства и наиболее значимая характеристика для определенной категории граждан;
- *Gehhilfe* — функция и характер потребителя с очевидными для наблюдателей проблемами в здоровье;
- *Mercedes Krenz* — сравнение потребителей аналогичных механизмов не в пользу официальных представителей власти;
- *Rostquietsch* — плачевное состояние механизма;
- *Kosakenmercedes* — характеристика потенциального потребителя, уровень престижности через апелляцию к официально поддерживаемым эталонам некоторой категории товаров, адресуемых официально возвеличиваемой категории людей.

Очевидно, что соответствующие вторичные номинации, которые со стилистической и лексико-семантической точки зрения характеризуются абсолютно по-разному, представляют собой эвфемизмы. Другими словами, это вторичное номинативное средство, за использованием которого в коммуникации стоит хорошо или смутно осознаваемый мотивированный выбор продуцента. Вместе с тем это средство активизации и со-активации признаков воспринимаемого объекта, по мнению продуцента текста, конвенционально не объективируемых в интеракции как хорошо известные и поэтому не нуждающихся при взаимодействии между носителями культуры в объективации средствами культурных кодов.

Если же проанализировать и иные номинативные цепочки, складывающиеся из первичных и вторичных номинативных средств, можно понять, какие средства, для чего и почему продуцент текста отбирает, чтобы максимально эффективно воздействовать на реципиента в направлении, желательном для продуцента:

- метафора (*Frühgurke* — карьерист);
- метонимия (*die Lackschuhe, der Wasserkopf* — служащие);
- сравнение (*Bonbon* — партийный значок Социалистической единой партии Германии);
- концептуальная метафора (*Rotlichtbestrahlung* — политпросвещение);
- ирония (*Arbeiter-und-Bauern-Volvo* — автомобиль «трабант»);
- сарказм (*die Knirpskolonne* — группа сотрудников госбезопасности);
- эвфемизм *per se* (*der sozialistische Industrienebel* — смог);

- игра слов (*bohnenlose Gemeinheit* — (ср.: bodenlos – дословно: *бездонный*) — кофе);
- сочетание разных механизмов (*Kapitalistischer Brotaufstrich* — сливочное масло) (см. подробнее о номинативном и функциональном потенциале единиц анализируемого типа: Grischewa, 2022).

Таким образом, очевидно, что не совсем корректно говорить об эвфемизмах по отдельности, гораздо более корректно рассуждать именно о *стратегии эвфемизации*, поскольку последняя реализуется разнообразными способами и вариативными средствами и не в единичном номинативном акте, а через осуществление речемыслительной деятельности носителем языка и культуры, результатом которой является порождение текста и текст как соответствующий коммуникативный продукт.

Во-вторых, во всех случаях анализируемые единицы сохраняют свой потенциал как *эффективное и довольно эффективное* средство воздействия на реципиента. Это позволяет продуценту варьировать соотношением привычного и креативного/непривычного через со-активацию вторичных признаков воспринимаемого объекта, через варьирование соотношением «когнитивный фон ↔ когнитивная фигура» благодаря перспективизации и/или профилированию комплекса сведений, через варьирование соотношением «салиентное в коммуникации знание ↔ нерелевантное в коммуникации знание». Тем самым можно, очевидно, ненавязчиво манипулировать восприятием реципиента.

В-третьих, реализация и тонкая дифференциация функционала дискурсивных практик и типов текста приводит к синхронизации нескольких функций: информирования и рекреации, аргументирования и развлечения, описания и иронизирования, т. е. когда в тексте более или менее успешно со-встречаются информативные, людические, комиссивные, декларативные, экспрессивные и другие типы функций и варьируется их соотношением как общей и частных функций на том или ином этапе порождения текста.

Сказанное весьма важно учитывать при анализе, поскольку, в-четвертых, в настоящее время мы как коммуниканты имеем дело с обновлением в иных коммуникативных условиях (информационное общество) специализации средств и способов реализации коммуникативных/дискурсивных стратегий на определенную коммуникативную и когнитивную задачу.

Отвечая на вопрос, почему так часто субъект познания и коммуникации обращается к эвфемизмам, стоит еще раз подчеркнуть такие обстоятельства, как:

- высокая степень дифференциации функционального потенциала эвфемизмов как номинативных средств;
- мощность воздействия анализируемых средств на реципиента с известными продуценту характеристиками;
- очевидное стремление продуцента избежать когнитивный диссонанс у реципиента и оптимизировать тем самым взаимодействие.

Эвфемизмы в этом смысле — весьма подходящее средство, поскольку их использование имеет очевидные — и весьма выгодные для продуцента — характеристики, которые позволяют:

- снизить шокирующее воздействие негатива на реципиента;
- примирить содержание актуального сообщения с имеющимися у носителей языка и культуры представлениями о мире и ценностных ориентациях;
- сохранить психологический комфорт в мире коллективного субъекта, который и без информационных шоков хрупок из-за повседневных сложностей;

- оптимизировать коммуникацию, избегая потенциального и/или реально наступающего когнитивного диссонанса и/или устрояя его;
- сконструировать симулякры настолько убедительными, что реципиент может их принимать за реальность;
- поспособствовать успеху манипулирования;
- более или менее успешно замаскировать истинные намерения коммуникантов;
- снизить или даже устранить возможность угрозы негативного коммуникативного результата в конфликтогенных ситуациях разной степени остроты.

Поэтому бесспорно, что эвфемизмы полифункциональны и служат рекреации, информированию, высмеиванию, социальной критике разной степени остроты, выражению разных эмоциональных состояний, выпуску пара, паролным средством в дискурсе (распознавание «свой – чужой»), манипулированию, конструированию симулякров, смещению коммуникативных акцентов (изменение конфигурации сведений), переключению внимания с одного предмета обсуждения на другой, умолчанию нежелательных для одного или обоих коммуникантов сведений, замалчиванию информации определенного свойства и пр. (см. приведенные ранее примеры).

Эвфемизм как самостоятельное вторичное номинативное средство выступает либо как средство решения отдельной частной коммуникативной и когнитивной задачи, подчиненной достижению некоторой общей цели, либо как одно из многих средств реализации стратегий эвфемизации, которой подчинены иные частные задачи, решаемые по ходу достижения коммуникантами общей цели. Во всех случаях, однако, это одно из средств, с помощью которых в интеракции решаются те или иные коммуникативные и когнитивные задачи.

Объяснительная сила изложенных положений

Проведенный анализ изучаемых единиц на разном эмпирическом материале дает основания для погружения полученных данных в более широкий контекст — особенности текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации продуктов взаимодействия носителей языка и культуры с помощью разноуровневых и разнообразных языковых средств как элементов культурного кода «язык». С такой точки зрения обнаруживается, что тенденция к эвфемизации вполне вписывается в особенности организации текстовой ткани, выявляемые в последние десятилетия исследователями — сторонниками самых разных теоретических направлений:

- 1) гибридизация при организации текстовой ткани с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа;
- 2) семиотическая гетерогенность/креолизация со все более интенсивным обращением при решении коммуникативных задач к средствам различных невербальных кодов наряду с вербальными средствами;
- 3) карнавализация с неизбежными вследствие этого существенными изменениями в номинативной деятельности коммуникантов;
- 4) повышение значимости образности как неотъемлемой составляющей текстовой ткани;
- 5) стремление к (сознательному и намеренному и/или неосознаваемому) управлению информационным потоком;

- б) манипулятивность (как позитивная, так и негативная) с сознательным и целе-направленным порождением фейков и симулякров;
- 7) креативность и аттрактивность в формальном и содержательном планах;
- 8) политеологичность дискурсивных практик и полифункциональность текста того или иного типа (см. подробнее комментариев: Гришаева, 2020).

Одной из причин представленного положения дел можно признать достаточно отчетливо выраженные потребности современного общества в коммуникативно и когнитивно гибкой личности, способной быстро и эффективно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям актуального информационного общества, общества знаний. Востребованными оказываются при этом разные ипостаси субъекта⁵ познания и коммуникации и, следовательно, разные умения, навыки и компетенции: *homo faber – homo sapiens – homo loquens – homo ludens – homo cogitans – homo politicus – homo symbolicus – homo mediatеs* и, очевидно, со временем какие-либо еще. Следствием этого являются разные способы содержательной, формальной, функциональной организации текстовой ткани, так как различные интересы (читай также: ипостаси) субъекта обуславливают выбор разных средств и способов реализации интенции (см. подробнее: Гришаева, 2022а; Конюшкевич, 2014; Человек ..., 2006).

Таким образом, очевидно, что тенденцию к эвфемизации можно интерпретировать как проявление более общей тенденции к *оптимизации* коммуникации. Правомерность такого решения основывается на том, что в силу своей природы эвфемизмы и эвфемизация не только создают предпосылки для коррекции результата концептуализации воспринимаемых сведений, но и для минимизации последствий от когнитивного диссонанса. Последний возникает в ситуациях обсуждаемого типа вследствие явного для реципиента противоречия между его конвенциональными представлениями об организации взаимодействия, о характере отношений между коммуникантами, о приемлемых способах означивания того или иного элемента внеязыковой действительности, о нормах ожидания и оценках, с одной стороны, и необходимостью действовать вопреки таким конвенциональным представлениям — с другой. Иными словами, субъект познания и коммуникации оказывается в ситуации «Я знаю X, я делаю НЕ-X», т. е. в ситуации когнитивного диссонанса (см. подробнее: Психологический словарь, 2001, с. 355). Между тем ситуации когнитивного диссонанса настолько эмоционально некомфортны и даже деструктивны для субъекта, что он стремится едва ли не любым способом выйти из такого положения дел. Обращение продуцента при порождении текста к техникам эвфемизации позволяет ему оптимизировать коммуникацию, т. е. в той или иной мере снизить остроту оценок, сгладить шокирующее воздействие негатива, примирить сообщаемое содержание с имеющимися у носителей языка и культуры представлениями о мире и т. д.

Следует также особо заметить, что описанный эффект от обращения к разнообразным техникам и средствам эвфемизации прослеживается только в условиях,

⁵ В данном контексте целесообразно напомнить мнение В. Д. Девкина относительно влияния «факторов необъективного порядка» (Девкин, 2015, с. 113) на процессы переименования, ведущие к «сдвигам в системе названий. С ономаσιологической точки зрения они приводят к тому, что вещи получают новое имя. С семасиологической точки зрения лексические единицы при изменении их денотативной отнесенности приобретают новую семантику, либо расширяя свою семантическую структуру, либо видоизменяя и перестраивая ее» (Девкин, 2015, с. 137).

когда у обоих участников взаимодействия со-активируется более или менее сопоставимый в качественном и количественном отношении комплекс разнородных сведений, когда соотношение объективируемых и имплицитных сведений о мире остается при их интерпретации (декодировании) приемлемым для адекватного в соответствующих коммуникативных условиях взаимодействия.

Выводы

Стремление обобщить сказанное побуждает акцентировать ряд положений.

Интерес к эвфемизмам как средствам решения той или иной коммуникативной и когнитивной задачи в некоторых условиях объясняется их когнитивным, номинативным и функциональным потенциалом. Особого внимания при этом заслуживают следующие свойства единиц анализируемого типа:

- довольно устойчивая и прозрачная для носителей культуры связь с ценностными ориентациями, доминирующими в определенный период бытования культуры, и на этом основании способность конструировать аксиологический фон, а также варьировать соотношением «когнитивный фон — когнитивная фигура» в актуальном акте познания и коммуникации;

- активизация сведений о мире, конвенционально не эксплицируемых в коммуникации, но значимых для осмысления, такими способами и средствами, которые могут эффективно обеспечить примирение острых конфликтов между доминирующими в культуре социальными нормами и ценностными ориентациями, с одной стороны, и потребностями коммуникантов в продуктивном завершении конкретной интеракции — с другой;

- высокая содержательная, формальная и функциональная вариативность, не обнаруживающая однозначной привязки к тем или иным (разнородным) параметрам взаимодействия между носителями языка и культуры;

- активизация сведений об элементе реальной и/или виртуальной действительности одним из потенциально вероятных в языковой культуре способов из набора разнообразных изофункциональных средств для решения соответствующей коммуникативной и когнитивной задачи;

- сущность как вторичного номинативного средства для того или иного элемента внеязыковой действительности, позволяющего максимально успешно оптимизировать коммуникацию как при кооперативном, так и при некооперативном и даже конфликтном взаимодействии;

- способность средств и способов эвфемизации варьировать соотношением между объективируемыми и имплицитными сведениями об одном и том же элементе реальной, виртуальной, фикциональной действительности, обеспечивать разное конфигурирование некоторой части комплекса воспринимаемых гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений, а также всего комплекса в целом (т. е. отдельный фрагмент картины мира и/или картину мира одного либо обоих коммуникантов в целом);

- высокая степень прозрачности для носителей языка и культуры мотивации их номинативной деятельности через выбор эвфемистических средств при кодировании воспринимаемых ими сведений о мире, а также при декодировании реципиентом воспринимаемых им номинативных единиц.

Формальное, содержательное и функциональное разнообразие обсуждаемых средств, а также их способность оптимизировать коммуникацию позволяет разграничить эвфемизм как средство вторичной номинации и эвфемизацию как стратегию, в которой следует различать когнитивную, номинативную и коммуникативную составляющие.

При анализе целесообразно учитывать, в каких условиях коммуниканты выбирают стратегию эвфемизации: при кооперативном или некооперативном общении, при угрозе негативного коммуникативного результата или при конфликтном взаимодействии — от этого в том числе зависит и интерпретация воздействия на реципиента, степень интенсивности и эффективности подобного воздействия, а также его характер: позитивный (т. е. благоприятный для одного и/или обоих интерактантов) либо негативный (т. е. неблагоприятный для одного и/или обоих интерактантов), но от этого не утрачивающий своей сущности как эвфемистического.

Закономерно различать эвфемизацию в узком и широком смысле. В первом случае речь идет о более или менее осознанной замене одного средства реализации интенции субъекта познания и коммуникации другим, который для субъекта воспринимается более уместным и эффективным в соответствующих условиях. И тогда эвфемизация становится дополнительным способом структурирования информационного потока, поддерживающим усилия коммуникантов по достижению основной цели. Во втором случае эвфемизация является основным способом решения коммуникативных и когнитивных задач и достижения какой бы то ни было цели взаимодействия, обеспечивая тем самым принципиально максимально продуктивное и оптимальное — с точки зрения продуцента — развитие интеракции.

Обозначенный подход к осмыслению столь разнородной в содержательном, формальном, функциональном отношении эмпирии, как эвфемизмы и эвфемизация, подводит к осознанию острой необходимости исчислять и изучать средства и способы решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в определенных социокультурных условиях коммуникантами с известными разнородными характеристиками, а также к описанию конкретных способов решения соответствующих задач. При этом особую значимость приобретает соотношение гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, не только эксплицируемых (вербальными и невербальными средствами и способами), но и имплицитных в конкретном акте взаимодействия, со-активируемых разными способами, а также являющихся выводным знанием.

Стратегический взгляд на изучаемую проблематику выявляет потребность выбирать между холистическим и атомистическим подходами при исследовании того или иного вопроса. Атомистический подход фокусируется на определенном явлении, описываемом с разной степенью детализации разными приемами с разными целеустановками изолированно от иных изофункциональных средств и способов. Поэтому многочисленные связи (прежде всего subsystemные и supersystemные) для анализируемого элемента системы остаются вне поля зрения. Холистический подход предполагает такой фокус исследования, при котором функционирование разнородных и разноуровневых средств описывается как способы и средства решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных условиях и осмысливается как подчиненное достижению одной цели. В таком случае причины и последствия использования эвфемизмов осмысливаются в неразрывном единстве, а также с учетом характеристик субъектов познания и коммуникации, участвующих в изучаемой интеракции, на фоне текста (при статическом взгляде на продукт

коммуникации) либо на фоне коммуникативного события (при динамическом аспекте рассмотрения интеракции).

При атомистическом подходе внимание уделяется отдельным эвфемизмам, которые в таком случае анализируются прежде всего с номинативных позиций как средства, предпочитаемые по той или иной причине первичным номинативным. При холистическом подходе эвфемизмы анализируются как одно из разнообразных средств и способов реализации стратегии эвфемизации, интерпретируемой либо как основная коммуникативная цель взаимодействия в определенных условиях, либо как цель, сопутствующая (дополнительная) основной, обеспечивающая оптимизацию коммуникации, способствующая гармонизации отношений между коммуникантами, минимизации влияния конфликтогенов разной этиологии, снятию условий для потенциального когнитивного диссонанса у реципиента.

Особенности субъекта познания и коммуникации важны как фактор анализа единиц изучаемого типа потому, что в разных типах интеракции при решении разных задач востребованными оказываются разные ипостаси субъекта: *homo faber* – *homo sapiens* – *homo loquens* – *homo ludens* – *homo cogitans* – *homo politicus* – *homo symbolicus* – *homo mediatus* и др. Это происходит потому, что в разных форматах дискурса требуются разные комплексы сведений, включающие в себя знания о мире, интеракционные и языковые знания. В результате комплексы гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных знаний *перспективируются определенным образом, профилируются, категоризируются и концептуализируются так, чтобы взаимодействие носителей языка и культуры — в идеале — оставалось продуктивным и комфортным для обеих сторон не только в кратковременной, но и в долговременной перспективе*. И как следствие, в разных типах текста как коммуникативных продуктах языковыми средствами фиксируются, объективируются, активизируются и со-активируются разные сведения о мире.

Поэтому при анализе эвфемизмов и эвфемизации важно сознательно учитывать, какой именно аспект функционирования средств изучаемого типа имеется в виду: деятельность продуцента или реципиента, процессы кодирования или декодирования, результаты объективирования сведений о мире средствами того или иного культурного кода или комплекс активированных и со-активированных, но не объективированных сведений о мире.

Список источников

1. Эвфемизм. *Малый академический словарь*. (2023, 13 октября). GUFO.ME <https://gufo.me/dict/mas/эвфемизм>
2. Эвфемизмы. *Словари. Лингвистический энциклопедический словарь*. (2023, 13 октября). <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/1293-эвфемизмы>
3. Крысин, Л. П. (2008). *Иллюстративный толковый словарь иностранных слов*. Эксмо.
4. Гришаева, Л. И. (2022). *Диалоги о межкультурной коммуникации*. Наука-Юнипресс.
5. Бабина, Л. В. (2003). *Когнитивные основы вторичных значений в языке и речи*. Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина.
6. Девкин, В. Д. (2015). *Очерки по лексикологии*. Монография. И. П. Амзаракова, С. В. Буренкова (Отв. ред.). Под общей редакцией И. П. Амзараковой. Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова».
7. Гришаева, Л. И. (2022а). *Homo sapiens versus homo ludens или Homo sapiens & homo ludens? Поволжский педагогический вестник, Т. 10, 1(34), 54–64.*

8. Гришаева, Л. И. (2020). *Варьирование текста в коммуникации*. Наука-Юнипресс.
9. Иванян, Е. П. (2022). *Эвфемизмы русского языка*. Флинта.
10. Tsvasman, L. (2006). Informationsgesellschaft [information society]. *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Compendium interdisziplinärer Konzepte* (S. 134–140). Leo Tsvasman (Hrsg.). Ergon Verlag.
11. Степанова, М. Д., & Чернышова, И. И. (2003). *Лексикология современного немецкого языка*. Академия.
12. Антрушина, Г. Б., Афанасьева, О. В., & Морозова, Н. Н. (2023). *Лексикология английского языка*. English Lexicology. Учебник и практикум для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Юрайт.
13. Сеничкина, Е. П. (2008). *Словарь эвфемизмов русского языка*. Флинта: Наука.
14. Цейтлин, С. Н. (2001). *Словарь детских словообразовательных инноваций*. Verlag Otto Sagner. (2023, 13 октября). <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26160/1003927.pdf?sequence=1>
15. Rada, R. (2013). *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache*. (2023, 13 октября). <https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40976>
16. Грановская, Р. М. (1981). *Восприятие и признаки формы*. Наука.
17. Солсо, Р. Л. (2002). *Когнитивная психология*. Тривола, Либерия.
18. Anderson, J. R. (2001). *Kognitive Psychologie*. Spektrum: Akademischer Verlag.
19. Гришаева, Л. И., Катанова, Е. Н., Кашкина, О. В., & Бойко, М. А. (2009). *Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации*. Коллективная монография. ИПЦ ВГУ.
20. Grischaeewa, L. I. (2022). Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel. *Русская германистика* (с. 120–144). Ежегодник Российского союза германистов. Т. 19. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
21. Конюшкович, М. И. (2014). Типология субъектов речи: номенклатура и номинация. *Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты* (с. 49–68). Наука-Юнипресс.
22. *Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое*. (2006). Воронежский государственный университет.
23. *Большой толковый психологический словарь*. (2001). Т. 1. Вече-Аст.

References

1. Euphemism. *Small Academic Dictionary*. (2023, October 13). <https://gufo.me/dict/mas/euphemism> (In Russ.).
2. Euphemisms. *Dictionaries. Linguistic Encyclopedic Dictionary*. (2023, October 13). <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/1293-euphemisms> (In Russ.).
3. Krysin, L. P. (2008). *Illustrative explanatory dictionary of foreign words*. Eksmo. (In Russ.).
4. Grishaeva, L. I. (2022). *Dialogues on intercultural communication*. Nauka-Yunipress. (In Russ.).
5. Babina, L. V. (2003). *Cognitive bases of secondary meanings in language and speech*. Publishing house of TSU named after G. R. Derzhavin. (In Russ.).
6. Devkin, V. D. (2015). *Essays on lexicology*. Monograph. I. P. Amzarakova, S. V. Burenkova red.). Under general editorial I. P. Amsarakovoy. Izdatel'stvo FGBOU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova». (In Russ.).
7. Grishaeva, L. I. (2022a). Homo sapiens versus homo ludens or Homo sapiens & homo ludens? *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, Vol. 10, 1(34), 54–64. (In Russ.).
8. Grishaeva, L. I. (2020). *Text variation in communication*. Nauka-Yunipress. (In Russ.).
9. Ivanyan, E. P. (2022). *Euphemisms of the Russian language*. Flinta. (In Russ.).

10. Tsvasman, L. (2006). Informationsgesellschaft [information society]. *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Kompendium interdisziplinärer Konzepte* (S. 134–140). Leo Tsvasman (Hrsg.). Ergon Verlag. (In German).
11. Stepanova, M. D., Chernyshova, I. I. (2003). *Lexicology of the modern German language*. Akademiya. (In Russ.).
12. Antrushina, G. B., Afanas'eva, O. V., & Morozova, N. N. (2023). *Lexicology of the English language*. Yurait. (In Russ.).
13. Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Flinta: Nauka. (In Russ.).
14. Zeitlin, S. N. (2001). *Dictionary of children's word-building innovations*. Verlag Otto Sagner, (2023, October 13). <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26160/1003927.pdf?sequence=1> (In Russ.).
15. Rada, R. (2013). *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache*. (2023, October 13). <https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40976> (In German).
16. Granovskaya, R. M. (1981). *Perception and signs of form*. Nauka. (In Russ.).
17. Solso, R. L. (2002). *Cognitive Psychology*. Trivola, Liberiya. (In Russ.).
18. Anderson, J. R. (2001). *Kognitive Psychologie*. Spektrum: Akademischer Verlag. (In German).
19. Grishaeva, L. I., Katanova, E. N., Kashkina, O. V., & Boyko, M. A. (2009). *Linguistic means of constructing the subject's image in political communication*. Collective monograph. CPI VSU. (In Russ.).
20. Grishaeva, L. I. (2022). Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel. *Russian German studies* (pp. 120–144). Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 19. Linguistics University of Nizhny Novgorod. (In German).
21. Konyushkevich, M. I. (2014). Typology of speech subjects: nomenclature and nomination. *The subject of cognition and communication: linguistic and intercultural aspects* (pp. 49–68). Nauka-Yunipress. (In Russ.).
22. *Man as a subject of communication: universal and specific*. (2006). Voronezh State University. (In Russ.).
23. *Big explanatory psychological dictionary*. (2001). Т. 1. Veche-Ast. (In Russ.).

Информация об авторе

Людмила Ивановна Гришаева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета.

Information about the author

Ludmila I. Grishaeva — Doctor of Philology, Professor, Full Professor at German Philology Department, Voronezh State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81'42:366.636

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.06

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ФЕНОМЕНА «ДЕПРЕССИЯ»
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ
И КОММЕНТАРИЯХ К НИМ****Боева-Омелечко Наталья Борисовна¹ ✉,
Анна Викторовна Ленец²**^{1,2} Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия,¹ nbueva-omelechko@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6992-635X>² annalenets@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому анализу языковых средств репрезентации феномена депрессии в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним. Цель статьи — изучить метафорические модели и вербализующие их лингвостилистические средства, используемые для описания депрессии в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним, с тем чтобы выявить этнокультурную специфику ее восприятия представителями британского и американского вариантов англосаксонской культуры. Депрессия характеризуется спадом поведенческой и психологической активности и общим негативным эмоциональным фоном. Культурная маркированность этого явления репрезентуется в современных англоязычных медиатекстах. Материалом исследования послужили англоязычные медиатексты и комментарии к ним из таблоидов Великобритании и США (Daily Mail, The Sun, US Weekly, The Washington Post). Проанализировано 396 примеров, в которых говорится о депрессии. В ходе исследования использованы следующие методы: лингвокультурологический; сравнительно-сопоставительный; лингвостилистического анализа; метафорического моделирования. Дано описание трех групп метафорических моделей: 1) позволяющих представить депрессию как серьезное заболевание и передать переживания страдающих ею людей; 2) формирующих отношение к депрессии как к врагу, которого можно и надо победить; 3) определяющих депрессию как роскошь, доступную обеспеченным людям. Модели служат концептуально-метафорическим основанием для целого комплекса стилистических приемов, благодаря которым депрессия предстает в различных образах, отражающих этноспецифику ее восприятия. Установлена амбивалентность восприятия феномена депрессии в англосаксонской культуре. В англоязычных медиатекстах уделяется значительное внимание лингвистическому описанию депрессии как заболевания.

Ключевые слова: депрессия, медиадискурс, метафорическая модель, этнолингвокультурология, лингвостилистические средства, репрезентация, интерпретация, медиатекст, комментарий.

Для цитирования: Боева-Омелечко, Н. Б., Ленец, А. В. (2023). Лингвостилистическая репрезентация феномена «депрессия» в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 73–93. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.06>

Original Article

UDC 81'42:366.636

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.06

**LINGUISTIC AND STYLISTIC REPRESENTATION
OF THE PHENOMENON OF «DEPRESSION»
IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS
AND COMMENTS TO THEM****Natalya B. Boeva-Omelechko**¹ ✉,**Anna V. Lenets**²^{1,2} Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,¹ nboeva-omelechko@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6992-635X>² annalenets@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

Abstract. The article provides the linguo-stylistic analysis of the linguistic means that represent depression in English-language media texts and corresponding comments. The article aims at analyzing metaphorical models and linguo-stylistic means that verbalize them, used to represent depression in English-language media texts and comments, specifying the ways depression is understood by representatives of the British and American cultures. Depression is characterized by a decline in behavioral and psychological activity and a general negative emotional background. Depression is given cultural emphasis in modern English-language media texts. The material of the study is English-language media texts and corresponding comments from British and American tabloids (Daily Mail, The Sun, US Weekly, The Washington Post). In total, there were 396 examples analyzed. The analysis implied linguoculturological and comparative methods, the method of linguo-stylistic analysis and the method of metaphorical modeling. There are three groups of metaphorical models exemplified: 1) representing depression as a serious illness and conveying the experiences of people suffering from it; 2) forming an attitude towards depression as an enemy that can and must be defeated; 3) defining depression as an attribute of luxurious and wealthy lifestyle. Models constitute conceptual and metaphorical framework for the variety of stylistic devices which convey ethnically specific images of depression in Britain and the US. The study revealed the following: 1) ambiguity of treating depression in Anglo-Saxon culture; 2) considerable attention is paid to the 1st metaphorical model of depression.

Keywords: depression, media discourse, metaphorical model, ethnolinguoculturology, linguistic and stylistic means, representation, interpretation, media text, commentary.

For citation: Boeva-Omelechko, N. B., Lenets, A. V. (2023). Linguistic and stylistic representation of the phenomenon of «depression» in English-language media texts and comments to them. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 73–93. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.06>

Введение

Одной из наиболее острых проблем современности выступает депрессия — серьезное психическое заболевание, характеризующееся спадом поведенческой (American Psychological Association...) и психологической активности (Немов, 2007), общим негативным эмоциональным фоном (Олейчик, 2022) и связанное с высоким темпом жизни, а также постоянным стрессом, в котором находятся миллионы людей. Депрессия серьезно затрудняет повседневную жизнь

человека, разрушает его отношения с другими людьми и нарушает его способность адекватно оценивать ситуацию.

Вторую половину XX и начало XXI века ученые все чаще определяют как период депрессии, поскольку ежегодно около 150 миллионов людей теряют работоспособность из-за этой болезни (Малова и др., 2019). Согласно Всемирной организации здравоохранения, более 5 % взрослого населения Земли страдают от депрессии (Депрессия...). Существует даже Международный день борьбы с депрессией, который приходится на 24 марта. Это позволяет утверждать, что данный феномен является важным универсально значимым фрагментом картины мира.

Вместе с тем есть все основания полагать, что он также этноспецифичный, так как проблема депрессии признается учеными культурно маркированной (Леон, Калибацева, Молчанова, 2012; Kirnayer, 2001; Kleinman, 2004) в силу того, что характер оценки депрессии и способов совладания с ней не совпадает в разных лингвокультурах. Это вполне закономерно, поскольку интерпретация симптомов болезней и отношение к страданиям, которые эти болезни вызывают, к способам их лечения и связанным с ними жизненными проблемами национально специфичны (Kleinman, 1986).

Как отмечается в диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам Американской ассоциации психологов, «культура может влиять на переживание и коммуникацию симптомов депрессии. Например, в некоторых культурах депрессия может переживаться в основном в соматических терминах, а не с грустью или чувством вины. Жалобы на нервы и головные боли (в латиноамериканских и средиземноморских культурах), на слабость, утомляемость или дисбаланс (в китайских и азиатских культурах), на проблемы с “сердцем” (в среднем, свойственно для восточных культур), или ощущение “разбитого сердца” может выражать депрессивные переживания» (American Psychiatric Association, 1994, p. 324).

Для русских людей характерно отношение к депрессии как: 1) к состоянию, вызванному внешними факторами (плохая работа, неудачи в личной жизни и т. д.); 2) к отсутствию силы воли, слабости и нежеланию обращаться к психотерапевтам (Гордон, Литинский, 2015, с. 154). Американцы, в свою очередь, относятся к депрессии как к болезни эндогенного характера, связанной с изменением уровня гормонов и нейромедиаторов и требующей вмешательства врача и приема антидепрессантов (Гордон, Литинский, 2015, с. 155).

Выявление этноспецифики восприятия предполагает обращение к особенностям концептуализации феномена депрессии в массовом сознании, так как, по признанию психологов, универсальной концептуализации депрессивных расстройств не существует (Marsella, 2003, p. 7), она культурно обусловлена. Поскольку важнейшим механизмом концептуализации и категоризации мира выступает когнитивная метафора (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 26), имеющая формой объективации язык (Кульчицкая, 2012, с. 174), то логичным представляется изучение рассматриваемой этноспецифики на базе выявления репрезентирующих депрессию в определенной культуре когнитивных метафор с последующим лингвостилистическим анализом их вербального наполнения.

Культурная маркированность феномена депрессии находит свое наиболее яркое отражение в современных СМИ, поскольку медиадискурс является самым влиятельным в современном обществе (Васильева, 2010, с. 110) и внедряет в сознание

массовой аудитории различного рода стереотипы, формируя необходимое мнение или отношение к определенному явлению (Попова, Балезина, 2015, с. 89), в том числе к той или иной болезни. Транслируемые в медийном пространстве стереотипы о депрессии этноспецифичны, поскольку большинство членов социума не имеют собственного эмпирического опыта, сопряженного с болезнью, и их отношение к болезни — это отношение, сформированное посредством СМИ. Однако не исключены и альтернативные точки зрения, о чем позволяют судить отдельные комментарии к медиатекстам на онлайн-платформах. Наличие данных альтернативных мнений также вносит вклад в расширение представлений о восприятии феномена депрессии в конкретном социуме. Все вышесказанное определяет *актуальность* проводимого исследования.

Цель статьи — проанализировать метафорические модели и вербализующие их лингвостилистические средства, используемые для репрезентации феномена депрессии в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним, и выявить этнокультурную специфику восприятия феномена депрессии представителями британского и американского вариантов англосаксонской культуры.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих *задач*: 1) описать особенности англосаксонской культуры, влияющие на интерпретацию в ней феномена депрессии; 2) выявить метафорические модели и соответствующие им лингвостилистические средства, используемые для репрезентации феномена депрессии в англоязычных медиатекстах и комментариях англоязычных интернет-пользователей.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были использованы англоязычные медиатексты и комментарии к ним из таблоидов Великобритании и США. Выбор последних обусловлен тем, что в англоязычном социуме внимание к феномену депрессии носит устойчивый характер на протяжении десятилетий и обращение к психиатрам и психотерапевтам в связи с депрессивным расстройством является обычной практикой.

Главными критериями отбора источников материала послужили их популярность среди читателей, доступность текстов в онлайн-формате и возможность оставлять комментарии под ними. Нами были выбраны следующие источники: 1) британская газета-таблоид Daily Mail со средней ежедневной аудиторией 3,4 миллиона человек; 2) британская газета The Sun со средней аудиторией 4,1 миллиона читателей в день; 3) американская газета US Weekly со средней ежемесячной онлайн-аудиторией 50 миллионов пользователей; 4) американская ежедневная газета The Washington Post, ежемесячная читательская аудитория которой составляет 82,5 миллиона человек.

Самая тиражируемая газета Великобритании Daily Mail представлена в онлайн-варианте: печатающиеся в ней медиатексты дублируются на веб-сайте. Издание освещает новости политики, общества, спорта, финансов, шоу-бизнеса, медицины и науки. Таблоид The Sun имеет похожую тематику, предлагая также колонку советов и публикуя новости, относящиеся к сфере современных технологий. Американская ежедневная газета The Washington Post — одно из самых влиятельных изданий США. В ней

представлены мировые и национальные новости, особое внимание уделяется событиям из мира политики, финансов и здоровья. На страницах таблоида *US Weekly* печатаются новости шоу-бизнеса и сферы развлечений. Однако в рамках новостей о знаменитостях и популярной культуре издание поднимает ряд серьезных тем, включая психическое здоровье.

Посвященные депрессии медиатексты были взяты из разделов упомянутых таблоидов *Здоровье*, *Спорт*, *Звезды*, *Семья*, *Общество* и *Образ жизни* за период с 2018 по 2022 год. Из 48 текстов методом сплошной выборки было выделено 396 примеров, описывающих феномен депрессии в медиатекстах и комментариях к ним (240 и 156 примеров соответственно).

В ходе исследования были использованы *методы*, релевантные для достижения поставленной цели. Особенности концептуализации феномена депрессии в англоязычном медиадискурсе были установлены с помощью *метода метафорического моделирования*. Для описания языковых репрезентантов феномена депрессии и их функций был применен *метод лингвостилистического анализа*. *Метод лингвокультурологического анализа* позволил выявить экстралингвистические факторы, влияющие на выбор средств репрезентации феномена депрессии в англоязычном медиадискурсе. *Сравнительно-сопоставительный метод* дал возможность определить различия в репрезентации феномена депрессии в медиатекстах и комментариях к ним.

Обзор литературы

Современный XXI век ознаменовался междисциплинарным подходом к изучению явлений, которые долгое время находились в сфере интересов таких наук, как медицина, психология, социология и др. В результате данных изысканий была обнаружена взаимосвязь между социальными и психическими расстройствами, а также их репрезентацией в языке (Couto, Pérez, Paçapar, 2022; Никитина, Онипенко, 2022). При этом важным источником для анализа языкового материала становится медийное пространство: социальные сети, видеоблоги, медиатексты и др. (Couto, Pérez, Paçapar, 2022). Лингвисты подвергают детальному изучению лексико-семантические и стилистические средства, а также другие языковые средства эмотивности и психического здоровья коммуникантов в состоянии депрессии (Couto, Pérez, Paçapar, 2022; Никитина, Онипенко, 2022; Tonon, 2020). Подобные исследования необходимы для поиска новых путей предотвращения и лечения депрессии. Восприятие данного феномена сопряжено с особенностями определенной лингвокультуры, что делает актуальным изучение феномена депрессии с позиций новой интегральной научной парадигмы этнолингвокультурологии, которая предполагает «двухвекторную направленность исследований от языка к культуре и от культуры к языку с целью изучения языка как средства вербализации лингвокогнитивного, аксиологического и мотивационно-прагматического блоков языкового менталитета и языка как кода культуры» (Боева-Омелечко, 2020, с. 27).

Депрессия — аффективное расстройство психического здоровья, оказывающее значительное влияние на поведение, эмоции, физическое здоровье человека, а также его когнитивные функции, включая речь (American Psychological Association...).

Она может быть спровоцирована как внешними факторами и проявляться как реакция организма на стрессовые факторы, так и развиваться под влиянием внутренних факторов, таких как генетическая предрасположенность к заболеванию и особенности нервной системы (Олейчик, 2022).

Депрессию можно рассматривать как глобальную пандемию современности, обусловленную, в частности, ускоренной глобализацией и технологизацией мирового сообщества. Распространение Всемирной сети Интернет и социальных сетей, ускорение обмена новой информацией, введение новых мировых стандартов и появление новых социальных норм ведут к ускоренному образу жизни, который несвойственен для человека (Kleinman, 2004). Риск развития депрессивных расстройств неразрывно связан с социальными проблемами, возникающими в обществе, включая социальное и гендерное неравенство, социальную изоляцию, невысокий уровень жизни и низкий социальный капитал. Поэтому в некоторых случаях депрессия рассматривается как социально обусловленное заболевание.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что *впервые* языковая репрезентация феномена депрессии рассматривается на основе англоязычного медийного дискурса, где источником эмпирического материала служит коммуникативный блок «новостная статья — комментарий к ней». Это позволяет сопоставить стереотипные представления о депрессии, формируемые СМИ, и ее интерпретацию аудиторией, которая является сходной или различной; *впервые* описан метафорический ландшафт (символическое пространство, внутри которого располагаются взаимосвязанные метафорические модели депрессии) в англоязычном социуме. *Личный вклад авторов* заключается в анализе феномена депрессии, где применен комплексный подход, сочетающий анализ когнитивной базы лингвистических приемов и их рассмотрение с позиций стилистики. Данный подход еще только начинает формироваться в отечественной лингвистике. Представленный анализ позволяет выявить образы депрессии в статьях и комментариях к ним, отражающих этноспецифику восприятия депрессии в англоязычном социуме.

Социокультурная интерпретация феномена болезни в целом и феномена депрессии в частности невозможна без учета базовых характеристик англосаксонской лингвокультуры (Angloculture), вариантами которой выступают британская и американская культуры. Так, в рамках типолого-характерологического подхода, разработанного в трудах Ф. Клакхона и Ф. Шродбека (Cluckhohn, Strodbeck, 1963), Г. Хофстеда (Hofstede, 1984) и др., англосаксонская культура характеризуется по параметру «отношение к окружающему миру» как культура деятельностного типа, ориентированная на активное преобразование окружающего мира, достижение конкретных целей, контроль за всеми происходящими событиями, преодоление трудностей, упорную работу, направленную на получение материальных благ (Козлова, 2012, с. 49). Как отмечает Л. А. Козлова, одним из ключевых слов англосаксонской культуры, и особенно ее американского варианта, выступает слово *challenge*, которое воплощает в себе такие культурные ценности, как «активность, стремление к победе, желание убедиться в собственных силах, уверенность в успехе» (Козлова, 2012, с. 50).

Для англосаксонской культуры индивидуалистского типа характерно позитивное мышление, предполагающее демонстрацию успешности, благополучия, хорошего настроения при любых обстоятельствах. В данной культуре не приняты жалобы на жизнь, плохое самочувствие, проблемы. Оптимистичные, жизнерадостные ответы

на вопросы о состоянии здоровья, положении дел можно услышать даже от людей, находящихся в неприятных и очень тяжелых жизненных ситуациях (ушиб, болезнь, утрата и т. п.) (Ларина, Озюменко, Ишанкулова, 2011, с. 58). Постоянная нацеленность на достижения, демонстрация успешности; недопустимость переживания потерь, противоречащая позитивному мышлению; отчужденность, неизбежная в индивидуалистских культурах, и т. д. — подобные особенности культуры влияют на большую распространенность депрессии в англосаксонских странах, и в частности в Америке, где, согласно недавнему исследованию, проведенному Колумбийским университетом здравоохранения Мейлмана, каждый десятый житель страдает от депрессии. Это наиболее распространенное психическое расстройство в США, являющееся самым сильным фактором риска суицида (Аргументы недели, 2022).

Указанные особенности влияют и на специфику восприятия депрессии. Представители англосаксонской и других западных культур «зачастую связывают депрессивные признаки с потерей контроля над происходящим, беспомощностью и бессилием», испытывая чувство отдаленности и изоляции (Бохан и др., 2016, с. 127).

Кроме того, как показывают результаты кросскультурного исследования по изучению корпусов текстов русских и американских испытуемых, которые писали на психологические форумы с целью получить помощь и поддержку (Гордон, Литинский, 2015), представители англосаксонской культуры со свойственным им рационалистическим отношением к болезням больше осведомлены о феномене депрессии и способах ее лечения, чем русские респонденты. Среди англосаксов господствует представление об эндогенной (внутренней) этиологии депрессии и необходимости ее исключительно медикаментозного лечения (Там же, с. 155). Различного рода зависимости (в частности, алкогольная и интернет-зависимости) как способ спасения от депрессии гораздо менее типичны для британцев и американцев, чем для русских в силу того, что они могут стать препятствием карьерному росту (Там же, с. 153).

Более полное представление о специфике восприятия феномена депрессии в англоязычном социуме и возможных изменениях, происходящих в данном восприятии, можно составить на основе углубленного анализа языковой репрезентации данного феномена. При этом важно учитывать, что объект реального мира, представленный в языке, отличается от объекта, существующего в действительности, так как язык фиксирует отдельные, наиболее значимые для социума признаки и отношения предметов и явлений. Совершенно очевидно, что в основе репрезентации лежит интерпретация внешнего мира, «которая имеет интересубъективный характер и неразрывно связана с пониманием» (Лебедев, 2008, с. 356). Репрезентация является материализацией интерпретации и, в свою очередь, позволяет судить об общенациональной, индивидуальной или дискурсивной интерпретации определенного феномена в рамках той или иной лингвокультуры.

В центре внимания настоящего исследования — репрезентация и, соответственно, интерпретация феномена депрессии в вышеуказанном англоязычном медиадискурсе, представляющем собой совокупность всех речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации (Добросклонская, 2014). СМИ как важнейшее звено медиадискурса выполняют важную социально-культурную функцию в обществе и выступают как инструмент формирования общественного мнения о разных феноменах, включая феномен депрессии, т. е. речь идет об этноспецифичной интерпретации, детерминированной социальным заказом.

Существенным компонентом медийной коммуникации становится сетевой дискурс, где актуальные события получают широкое обсуждение и комментарии, а границы между приватным и публичным общением стираются (Карасик, 2020, с. 26). В результате медиатекст и комментарии к нему образуют единый коммуникативный блок, в котором комментарии оказывают огромное воздействие на восприятие первичного текста, являясь его смысловым развитием (Савельева, 2019). Медиатексты и комментарии читателей к ним содержат определенную оценку обсуждаемого явления, которая формируется на основании информации, предоставленной в текстах, а также знания, опыта и мнения самих комментаторов. При этом комментарии читателей к новостным статьям могут содержать анализ предоставленной информации или эмоциональный отклик на нее. Данные комментарии образуют полилог, включающий в себя комментарии как к самому медиатексту, так и к комментариям других пользователей. Мнения комментаторов могут совпадать с мнением автора медиатекста, а могут быть совершенно противоположными. Учет последних позволяет расширить представления об отношении в обществе к кому-либо или чему-либо.

Языковые средства, используемые для изображения депрессии в масс-медийном дискурсе, а также в социальных сетях и блогах, стали предметом исследований во многих областях, включая психологию, социологию и лингвистику. Ученые полагают, что СМИ оказывают значительное влияние на читателей, формируя: 1) их мнение о депрессии и других расстройствах психического здоровья; 2) уровень толерантности к людям с психическими заболеваниями (Reali, Soriano, Rodríguez, 2016). В медийном дискурсе депрессия обсуждается в медиатекстах, посвященных личным историям о борьбе с депрессией, механизмам заболевания, новым методам лечения и службам охраны психического здоровья, а также сопутствующим сервисам. Следует отметить, что несмотря на рост публикаций о депрессии и других психических заболеваниях, количество стигматизирующих медиатекстов резко сокращается. Если в медиатекстах не удастся представить депрессию как болезнь, восприятие читателями этого состояния может стать искаженным, и личная ответственность за него будет возложена на человека (Reali, Soriano, Rodríguez, 2016). Репрезентация депрессии как болезни заставляет читателей рассматривать другие факторы, которые могли способствовать ее развитию (Reali, Soriano, Rodríguez, 2016).

Лингвистические исследования, посвященные изучению феномена депрессии, фокусируются главным образом на выявлении связанных с ней метафорических моделей (Coll-Florit, Climent, Sanfilippo, Hernández-Encuentra, 2021; Асланов, 2020), позволяющих представить абстрактные понятия через более простые и доступные всем. Ученые отмечают, что среди моделей, концептуализирующих представления о депрессии, преобладают «образно-схематические метафоры, т. е. метафоры, основанные на универсальном для людей опыте телесных движений, пространства и сенсорных процессов» (Цыгунова, 2021, с. 146). Вместе с тем возможны вторичные метафоры, характерные для определенной культуры, и метафоры личного опыта. Как показывают работы Я. Ю и Д. Тэй (Yu, Tay, 2020), метафоры о депрессии, могут выполнять объяснительную функцию, описывать подходы к лечению и переживания, связанные с болезнью, влиять на отношение к депрессии.

Испанский лингвист-когнитолог А. Барселона (Barcelona, 1986) первым выдвинул предположение о том, что депрессия как состояние психического здоровья человека представляется при помощи метафорических и метонимических переносов,

и указал на репрезентацию депрессии через метафорические модели: *депрессия – движение вниз / глубина, депрессия – тьма, депрессия – непреодолимая сила, депрессия – враг, депрессия – неудобство, депрессия – живой организм, депрессия – путь и депрессия – ограниченное пространство*. Данная классификация была составлена на основе фольклорных описаний физиологической и психической симптоматики депрессии.

Дальнейшие исследования, посвященные концептуализации феномена «депрессия», значительно расширили список метафорических моделей, предложенных А. Барселонной. Так, модели *депрессия – бремя, депрессия – захватчик, депрессия – физическая сущность, депрессия – монстр* были выявлены в ходе других исследований (Coll-Florit, Climent, Sanfilippo, Hernández-Encuentra, 2021). Особый интерес представляют метафорические модели депрессии, относящиеся к концептуальной области *военное действие*, а именно модели *депрессия – битва* и *депрессия – оружие* (Coll-Florit, Climent, Sanfilippo, Hernández-Encuentra, 2021). При этом метафорические модели *депрессия – война* и *депрессия – путь* были выделены как наиболее употребительные в английском и в испанском языках (Coll-Florit, Climent, Sanfilippo, Hernández-Encuentra, 2021).

Диагностика и лечение депрессии изучаются преимущественно в связи с терапевтическим дискурсом, в рамках которого описываются симптомы болезни, рассматривается поведение больных, интерпретируются полученные данные. В силу своего закрытого характера терапевтический дискурс не способствует продуцированию социальных стереотипов, связанных с депрессией, и не позволяет составить полное представление об этноспецифике восприятия феномена депрессии в том или ином социуме. Специфика может быть выявлена при обращении к медиадискурсу. Кроме того, выявление этноспецифики восприятия феномена депрессии невозможно без лингвостилистического анализа вербального наполнения метафорических моделей. При этом важно учитывать, что «одни и те же схематизированные образы могут формировать в дискурсе совершенно разные стилистические приемы» (Беляевская, 2013, с. 44). То есть одна и та же метафорическая модель объективируется с помощью разных языковых репрезентантов и является концептуально-метафорическим основанием для разных стилистических приемов (метафоры, сравнения, гиперболы, антитезы и т. д.).

Результаты исследования

Все проанализированные метафорические модели, используемые в англоязычных медиадатекстах и комментариях к ним, были распределены на три группы в соответствии с выполняемыми ими функциями. Первая группа моделей описывает внезапность наступления депрессии и переживания страдающих ею людей. Вторая группа объединяет метафорические модели, формирующие отношение к депрессии как к серьезной болезни, которую надо победить. Третья сравнительно небольшая группа моделей представлена примерами, где депрессия выступает в качестве непозволительной роскоши. Рассмотрим группы более подробно.

Метафорические модели, используемые в ведущих британских и американских СМИ, формируют у читателей отношение к депрессии как к коварной болезни,

которая наступает внезапно и может поразить абсолютно каждого, делая человека беспомощным, лишая его способности контролировать ситуацию. Прежде всего, это метафорическая модель *депрессия – непреодолимая сила*, вербализуемая с помощью метафор-лексем с семой «подавление», «поражение» в структурах их значений (*англ.* overwhelm – подавлять/сокрушить, overtake – сразить, defeat – победить/одолеть, trap – заманить в ловушку). Так, в тексте британского таблоида Daily Mail, посвященного личной истории телеведущей Фионы Филипс, используется метафора *overwhelmed by depression* (подавленный депрессией), чтобы показать, как женщина оказалась полностью во власти болезни, явившейся следствием физического и нервного перенапряжения (здесь и далее сохранена орфография авторов, курсив наш. — Н. Б.-О., А. Л.):

(1) Fiona Phillips has admitted that she once felt ‘overwhelmed’ by depression as she juggled her TV presenting duties with motherhood and caring for her ailing parents¹ (Daily Mail, 6 июня 2018).

С предшествующей метафорической моделью тесно связана ориентационная модель *депрессия – движение вниз (падение, погружение, глубина)*, которая позволяет образно показать процесс течения болезни и опыт переживающих ее людей. Данная модель вербализуется, в частности, с помощью таких метафор-лексем, как глаголы *fall (into in deep depression)* (впасть в глубокую депрессию), *sink (into)* (погрузиться в) и прилагательное *deep* (глубокий). Например, в тексте Daily Mail о певице Джесси Нельсон данные метафоры употребляются в целях описания периода жизни артистки, в течение которого у нее развилось заболевание:

(2) Jesy Nelson reveals she hasn’t spoken to Little Mix in A YEAR... but admits she ‘needs the distance’ after *sinking into deep depression* in the band² (Daily Mail, 7 октября 2021).

Модель *депрессия – движение вниз* вербализуется преимущественно с помощью идиом. Например, в тексте американской газеты The Washington Post употребляется идиома *downward spiral* (наклонная плоскость / усугубление ситуации), которая обозначает радикальное ухудшение ситуации и ярко показывает, что отсутствие знаний о способах борьбы с депрессией может привести к развитию более тяжелого состояния:

(3) As we head into winter, which can stress the coping skills of many people, here are some strategies that can help you resist *the depressive downward spiral*³ (The Washington Post, 29 ноября 2020).

Комментаторы также описывают личный опыт, связанный с депрессией, используя метафорическую модель *депрессия – движение вниз*, в том числе свои средства ее вербализации. При этом приведенная модель может сочетаться с другими моделями, например:

¹ Фиона Филипс призналась, что однажды *она была подавлена депрессией*, когда она совмещала обязанности ведущего на телевидении с материнством и уходом за больными родителями (здесь и далее перевод наш. — А. Л.).

² Джеси Нельсон рассказала, что не разговаривала со своими коллегами по группе «Little Mix» уже год... но признает, что ей «нужна дистанция» после того, как она *погрузилась в глубокую депрессию* в группе.

³ В преддверии зимы, которая может поставить под угрозу способность многих людей справляться с трудностями, вот несколько стратегий, которые помогут вам противостоять *нисходящей спирали депрессии*.

(4) *It (depression) just gets you down it's hard to get back up*⁴ (Daily Mail, 17 апреля 2021).

В этом высказывании рассматриваемая модель, сочетающаяся с моделью *депрессия – захватчик* (глагол-метафора *get down* (овладеть), который вербализуется в переносном значении).

(5) *Let's see what tune he plays should he or a member of family start sinking in the mud that is depression*⁵ (Daily Mail, 24 августа 2014).

В вышеприведенном примере наблюдается сочетание модели *депрессия – движение вниз* с моделью *депрессия – вещество*. При вербализации второй модели происходит трансформация устойчивого метафорического сочетания *sink in(to) depression* (впадать в депрессию) в сочетание *sink in the mud that is depression* (погрязнуть в депрессии). Эта трансформация позволяет еще ярче описать развитие заболевания, которое раз начавшись все более овладевает человеком, и высказать крайне негативное отношение комментатора к депрессии.

Метафорическая модель *депрессия – движение вниз* коррелирует с моделью *депрессия – пространственный низ*, которая в англоязычном медиадискурсе может сочетаться с моделями *депрессия – путь* и *депрессия – тьма*, что наблюдается в медиатексте US Weekly, посвященном знаменитостям, столкнувшимся с депрессией, в котором для изображения периода болезни используется метафора-существительное *path* (путь/траектория) с модифицированными определениями. В структурах значения последних есть сема «депрессия» (*being depressed* (быть в депрессии), *depression* (депрессия)). Данный путь уподобляется глубокой темной яме (метафорическое сочетание *dark* (мрак/неизвестность), *deep hole* (бездонная бочка / проблемная ситуация)), что подчеркивает тяжелое течение заболевания:

(6) *You go the path of being healthy or you go down the path of being depressed, and that depression path can be a really dark, deep hole*⁶ (US Weekly, 2022).

В англоязычных медиатекстах также может быть выделена метафорическая модель, не отмеченная в предшествующих работах, *депрессия – подъем* и антонимичная модель *депрессия – движение вниз*. Эти модели, вербализуемые посредством глагольных лексем-метафор *soar* (взлететь/возрастать), *rise* (вздуться/подниматься), *increase* (расширяться) и т. п., представляют депрессию как болезнь, сопровождающуюся тяжелыми приступами. Метафоры подъема также могут указывать на увеличение масштабов болезни. Так, в статье Daily Mail утверждается, что в период пандемии коронавируса депрессия начала стремительно распространяться среди людей, вынужденных работать дистанционно из дома:

(7) *Paracelsus Recovery said cases of stress, anxiety and depression had soared during lockdown with abuse of drugs and alcohol and eating disorders also spiking*⁷ (Daily Mail, 9 октября 2021).

⁴ Она (депрессия) просто полностью тобой овладевает, и трудно снова подняться.

⁵ Давайте посмотрим, какую мелодию он заиграет, если его или члена его семьи затянет в депрессию.

⁶ Вы идете по пути здоровья или по пути депрессии, и этот путь депрессии может оказаться по-настоящему мрачной, бездонной бочкой.

⁷ Клиника «Парацельсус Реабилитация» сообщила, что во время изоляции резко возросло количество случаев стресса, тревоги и депрессии, при этом резко возросло злоупотребление наркотиками и алкоголем, а также расстройства пищевого поведения.

Наряду с метафорическими моделями *депрессия – непреодолимая сила*, *депрессия – движение вниз* и *депрессия – пространственный низ* серьезность болезни и ее негативное влияние на жизнь страдающего от депрессии человека позволяет подчеркнуть метафорическая модель *депрессия – бремя* (тяжесть, вес), вербализуемая с помощью лексем-метафор *weight* (бремя), *burden* (обуза/нагрузка), *load* (поклажа/ноша). Например, в тексте британского таблоида The Sun расстройства психического здоровья, включая депрессию, описываются как ношение тяжелого груза:

(8) But then I remember that I'm still capable of creating beautiful things and having wonderful connections, and I do that all whilst *carrying the burden of my anxiety, depression and PTSD*⁸ (The Sun, 11 сентября 2020).

Размышляя о причинах наступления депрессии, комментаторы замечают, что иногда очевидного ответа нет, сравнивая при этом заболевание с демоном, который полностью овладевает человеком. В этом случае метафорическая модель *депрессия – человек* сочетается с моделью *депрессия – монстр*, вербализуемой с помощью сравнительного оборота *like a demon* (как демон):

(9) It (*depression*) *come from nowhere* and just takes over you *like a demon*⁹ (Daily Mail, 23 декабря 2021).

Такое изображение депрессии показывает, что она воспринимается социумом как болезнь эндогенного характера, которая внезапно может поразить любого человека без видимых причин. В медиадискурсе и в комментариях для вербализации данной модели могут использоваться метафорические эпитеты, наделяющие депрессию свойствами человека. Например, автор текста американского таблоида US Weekly, описывая тяжелый опыт борьбы с послеродовой депрессией актрисы Джейми Чон, сохраняет ее эпитет *crazy (depression)* (сумасшедшая депрессия), показывающий непонимание людьми причин наступления депрессии в счастливый для женщины период:

(10) «I was so resentful, and I had anxiety and I was angry», Chung told Ashley Graham of her '*crazy*' *postpartum* depression in December 2021¹⁰ (US Weekly, 2022).

Другой комментатор отмечает, что люди, страдающие депрессией, иногда пытаются скрыть свое тяжелое состояние. При этом он использует метафорический эпитет *smiling* (жизнерадостная) в сочетании со словом *depression* (депрессия), по сути, образуя оксюморон:

(11) Huge kudos for talking about his mental health challenges ... *smiling depression*, *hiding behind the mask*, *who would know*¹¹ (Daily Mail, 23 декабря 2021).

Внезапность наступления депрессии описывается в комментариях с помощью метафорической модели *депрессия – человек*. Она лежит в основе приема олицетворения как разновидности метафоры, предполагающей наделение депрессии

⁸ Но потом я вспоминаю, что я все еще способен создавать красивые вещи и иметь прекрасные отношения, и все это я делаю, *неся бремя тревоги, депрессии* и посттравматического стрессового расстройства.

⁹ Она (депрессия) *приходит из ниоткуда* и просто захватывает тебя *как демон*.

¹⁰ «Я была так обижена, у меня было беспокойство и злость», — рассказала Чанг Эшли Грэм о своей «*сумасшедшей*» *послеродовой* депрессии в декабре 2021 года.

¹¹ Огромный респект за рассказ о его проблемах с психическим здоровьем... *жизнерадостная депрессия*, скрывающаяся за маской, кто бы знал.

свойствами человека. Данное олицетворение вербализуется с помощью глаголов *come* (приходить), *visit* (приходить в гости), идиомы *walk side by side* (шагать рядом). Так, в секции комментариев к тексту таблоида Daily Mail о лечении депрессии исправлением осанки один из читателей выражает несогласие с заявленным методом и утверждает, что депрессивное состояние непросто контролировать, оно приходит внезапно, как неожиданный гость:

(12) *Depression comes to visit*¹² (Daily Mail, 31 января 2017).

В частности, в комментарии к тексту Daily Mail о продолжительной борьбе с депрессией валлийского телеведущего комментатор отмечает, что депрессия может наступить у любого человека и важно уметь с ней справиться:

(13) *Depression always walks side by side with you but you got to show it who is the boss*¹³ (Daily Mail, 23 декабря 2021).

Вышерассмотренные метафорические модели способствуют описанию переживания страдающих депрессией людей, что вызывает более гуманное и терпимое отношение к их социальной дисфункциональности. Однако шире в англоязычном медиадискурсе представлены метафорические модели (70 % примеров), позволяющие изобразить депрессию как захватчика или врага, с которым надо сражаться и которого обязательно надо победить.

В англоязычных медиатекстах широко используется милитарная метафорическая модель *депрессия – битва (война)*. В составе данной модели применяются существительные-метафоры *battle* (схватка/борьба), *fight* (сражение) и глаголы-метафоры *fight* (*бороться*), *combat* (противостоять), *beat* (победить/превзойти), *battle* (сражаться), что формирует отношение к депрессии как к серьезному заболеванию, которому необходимо противостоять. Кроме того, она призвана мотивировать страдающих от депрессии на активную борьбу с ней. Так, в тексте британского таблоида The Sun о суициде Хилари Тиш после долгой борьбы с депрессией последняя изображается как битва, в которую могут быть вовлечен любой человек. Текст также показывает разрушительные последствия поражения в этом сражении:

(14) *She, like so many others, bravely fought the disease of depression for as long as she could*¹⁴ (The Sun, 10 августа 2020).

Модель *депрессия – битва* представлена и в комментариях, но здесь наблюдается некая амбивалентность мнений. Так, в комментариях к тексту о распространении депрессии среди подростков британского таблоида Daily Mail один из читателей отмечает, что с депрессией можно легко справиться, если «меньше жалеть себя»:

(15) *Depression can be beaten quite easily, but many prefer to wallow in self-pity*¹⁵ (Daily Mail, 24 августа 2014) (глагол-метафора *beat* (*нобороть/победить*)).

Но автор следующего комментария считает иначе. Для него словосочетание *побежденная депрессия* — это оксюморон, показывающий невозможность такой победы:

¹² *Депрессия приходит* в гости.

¹³ *Депрессия всегда идет рядом с тобой*, но ты должен показать ей, кто здесь хозяин.

¹⁴ Она, как и многие другие, мужественно боролась с депрессией так долго, как только могла.

¹⁵ *Депрессию можно победить* довольно легко, но многие предпочитают погрязнуть в жалости к себе.

(16) *Battled (depression)? The battle never ends*¹⁶ (US Weekly, 1 августа 2021).

Для вербализации данной группы моделей, которая коррелирует с моделью *депрессия – захватчик* используются и идиомы, в частности, идиома *to hit like a ton of bricks* (*ошеломить как обухом по голове*), ярко описывающая страдания человека, оказавшегося во власти депрессии в самый неожиданный момент. Например, в тексте американского таблоида US Weekly депрессии приписывается способность внезапно напасть на человека и завладеть им, например, в обычно счастливый период беременности:

(17) «Given my anxiety, I was prepared for postpartum depression, but nope, prenatal depression got me and hit me like a ton of bricks», the pregnant 90210 alum told The Bump in May 2021¹⁷ (US Weekly, 2022).

Метафорическая модель *депрессия – враг* вербализуется с помощью метафор-лексем с семой «враг» (*enemy* (враг), *foe* (неприятель), *adversary* (противник)) в структурах их значений. Так, в статье о долгой борьбе с депрессией британского боксера Тайсона Фьюри депрессия изображается как более серьезный противник, чем любой спарринг-партнер (существительное-метафора *enemy*):

(18) It (depression) has to be *the biggest enemy* I've ever, ever, ever fought with. More than any opponent¹⁸ (Daily Mail, 3 октября 2018).

Эту метафорическую модель используют и комментаторы, разделяя мнение журналистов о серьезности болезни. Так, она реализована в следующем примере, в котором автор комментария к тексту Daily Mail об американском музыканте Джине Симмонсе употребляет существительное-метафору *foe* в сочетании с эпитетом *tough*, чтобы подчеркнуть опасность болезни:

(19) *Depression is a tough foe* and not always successfully treated with medication, family support and therapy¹⁹ (Daily Mail, 24 августа 2014).

В рамках данной модели метафорически описываются разрушительные для человека последствия депрессии. Например, в комментариях к тексту Daily Mail о популяризации депрессии среди подростков один из участников дискуссии использует метафорический эпитет *crippling (depression)* (расстройства/нарушения), выражая согласие с недопустимостью изображения психических расстройств как характеристики современных подростков. Он подчеркивает разницу между чувством подавленности и серьезным заболеванием:

(20) There is a BIG difference feeling low because of a change in your life at intervals in your life to having *crippling depression* that neither you or anyone else has the ability to pull out of it²⁰ (Daily Mail, 30 июня 2021).

¹⁶ *Битва с (депрессией)? Битва никогда не заканчивается.*

¹⁷ «Учитывая мое беспокойство, я была готова к послеродовой депрессии, но нет, предродовая депрессия охватила меня и ошеломила меня как обухом по голове», — рассказала The Bump, беременная выпускница 90210, в мае 2021 года.

¹⁸ Она (депрессия), должно быть, *самый большой враг*, с которым я когда-либо боролся. Больше, чем любой противник.

¹⁹ *Депрессия — серьезный враг*, и она не всегда успешно лечится с помощью лекарств, поддержки семьи или терапии.

²⁰ Это большая разница между ощущением уныния из-за изменений в вашей жизни в определенные промежутки времени и *парализующей депрессией*, из которой ни вы, ни кто-либо другой не можете выйти.

Наряду с метафорической моделью *депрессия – враг* в англоязычных СМИ встречается модель *депрессия – оружие*, посредством которой также подчеркивается опасность этой болезни. В частности, метафоры, в основе которых лежит эта модель, позволяют понять, какие жизненные обстоятельства могут привести к развитию депрессивного расстройства:

(21) A former contestant of Love Island has revealed the distress of participating in the hit reality TV show *triggered depression*²¹ (Daily Mail, 11 июня 2019) (глагол-метафора *trigger*).

Борьба с депрессией описывается как схватка с противником и автором другого медиатекста таблоида The Sun:

(22) In it the message Amie, from Wigan, said she «tried everything» *to combat her depression*²² (The Sun, 4 декабря 2019).

Метафорические модели *депрессия – битва*, *депрессия – враг*, *депрессия – оружие*, формируя отношение к депрессии как к серьезной болезни, повышают убежденность аудитории в значимости психотерапевтического или медикаментозного лечения. Вместе с тем иногда журналисты прибегают к использованию ироничных высказываний и каламбуров, не соглашаясь с авторами медиатекстов, посвященных депрессии. Так, к тексту Daily Mail о растущих случаях развития депрессии у обоих родителей вскоре после рождения ребенка, несогласие с которой выразило большинство комментаторов, был оставлен комментарий, высмеивающий идею послеродовой депрессии у мужчин и указывающий на то, что мужчины более склонны к депрессии после вступления в брак:

(23) Most blokes get *post marital depression*²³ (Daily Mail, 24 июня 2022).

Следует отметить, что в незначительном количестве англоязычных комментариев (2 % от всех проанализированных примеров) встречается метафорическая модель *депрессия – роскошь*, демонстрирующая отношение к данному феномену не как к болезни, а как к капризу бездельников, который люди, занятые решением насущных проблем, не могут себе позволить:

(24) *Depression is a luxury of the bored*²⁴ (Daily Mail, 13 ноября 2021).

Несмотря на небольшое количество примеров считаем целесообразным выделить данную метафорическую модель в отдельную группу. Части коммуникативного блока медиатекст и комментарии здесь также связаны, поскольку передают контрастное отношение к депрессии — не как к болезни или врагу, а как к капризу бездельников.

Заключение

В англоязычных медиатекстах феномену депрессии уделяется значительное внимание: описываются симптомы заболевания, анализируются причины его возникновения, читатели знакомятся с историями людей, переживших депрессию. Основная цель подавляющего большинства этих публикаций состоит в том, чтобы представить

²¹ Бывшая участница «Острова любви» рассказала, что страдания от участия в популярном реалити-шоу *спровоцировали депрессию*.

²² В сообщении Эми из Уигана говорится, что она «перепробовала все», чтобы *побороть депрессию*.

²³ Большинство парней страдают *послесвадебной депрессией*.

²⁴ *Депрессия — роскошь* для скучающих.

депрессию как тяжелое заболевание, которое наступает внезапно, неподвластно воли человека и требует лечения и больших усилий со стороны больного. Тем самым СМИ убеждают читателей в эндогенном характере депрессии, полностью снимая вину в заболевании с людей, страдающих им, и формируя толерантное отношение к ним. Одновременно они мотивируют больных к лечению.

Установлено, что метафорические модели, используемые в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним, представлены тремя группами в соответствии с выполняемыми ими функциями. К первой группе относятся модели, позволяющие описать внезапность наступления депрессии и переживания страдающих депрессией людей, что вызывает более гуманное и терпимое отношение к их социальной дисфункциональности. Вторая группа представлена метафорическими моделями, формирующими отношение к депрессии как к серьезной болезни и повышающими убежденность аудитории в значимости психотерапевтического или медикаментозного лечения. Третья группа зафиксирована в комментариях к медиатекстам и представлена моделью, где депрессия трактуется как роскошь и неоправданное сожаление по отношению к самому себе, противоречащее пропагандируемому в англоязычном социуме позитивному стилю мышления или демонстрирующее отношение к депрессии не как к болезни, а как к капризу бездельников. Данные комментарии отражают некоторую амбивалентность восприятия депрессии в англоязычном социуме.

Метафорический ландшафт депрессии в англосаксонской культуре в его представленности в медиатекстах и комментариях к ним достаточно широк и разнообразен, что подтверждает значимость феномена депрессии для англосаксонской картины мира. Все выявленные модели служат концептуально-метафорическим основанием для целого комплекса лингвистических средств, к которым относятся метафоры, включая олицетворение, метафорические эпитеты и идиомы с соответствующей метафорической проекцией, сравнения, оксюмороны, ирония. Благодаря этим приемам депрессия предстает в различных образах, отражающих этноспецифику восприятия депрессии: незваного гостя, незримого спутника человека, опасного врага, злого демона, уходящей вниз спирали, поглощающей человека грязи, темной глубокой дыры, тяжелого груза, смертоносного оружия, роскоши для бездельников.

Проведенное исследование расширяет круг знаний об интерпретации феномена депрессии в англоязычном социуме, о лингвистических средствах его репрезентации в англоязычных медиатекстах и комментариях к ним. Работа представляет интерес для исследователей в области когнитивной лингвистики, стилистики, этнолингвокультурологии.

Список источников

1. Depression. *American Psychological Association*. (2023, 13 октября). <https://www.apa.org/topics/depression>
2. Немов, Р. С. (2007). Психологический словарь. Владос. (2023, 13 октября). <https://vocabulary.ru/termin/depressija.html>
3. Олейчик, И. В. Депрессия (от надежды к уверенности). Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научный центр психического здоровья». (2023, 13 октября). <http://www.psychiatry.ru/stat/122>
4. Малова, А. О., Булыгина, И. Е., Никитин, Л. Н., Андреева, А. П., & Ильина, С. И. (2019). Использование антидепрессантов в различных популяционных группах. *Acta Medica Eurasica*, 4, 12–26.

5. Депрессия. Всемирная организация здравоохранения. (2023, 13 октября). <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression>
6. Леон, Ф., Калибацева, З., & Молчанова, Е. С. (2012). Культура и депрессия: определение, диагностические сложности и рекомендации. *Медицинская психология в России*, 6(17). (2023, 13 октября). http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer03.php
7. Kirmayer, L. (2001). Cultural Variations in the Clinical Presentation of Depression and Anxiety: Implications for diagnosis and treatment. *Journal of Clinical Psychiatry*, 62, 22–28.
8. Kleinman, A. (2004). Culture and depression. *The New England Journal of Medicine*, 351, 951–953. <https://doi.org/10.1056/NEJMp048078>
9. Kleinman, A. (1986). *Social Origins of Distress and Disease: Depression, Neurasthenia, and Pain in Modern China*. New Haven. Yale University Press. <http://dx.doi.org/10.1525/maq.1987.1.3.02a00110>
10. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. (1994). American Psychiatric Press.
11. Гордон, А. Г., & Литинский, Д. Г. (2015). Кросскультурный анализ депрессивных переживаний в российской и американской среде. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2, 150–157.
12. Marsella, A. J. (2003). Cultural Aspects of Depressive Experience and Disorders. *Online Reading Psychology and Culture*, 10(2), 3–20.
13. Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Едиториал УРСС.
14. Кульчицкая, Л. В. (2012). Концептуальная метафора, аналогия, модель, парадигма. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, 2, 169–174.
15. Васильева, Л. В. (2010). Роль и функции СМИ в современном обществе. *Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*, 50, 109–112.
16. Попова, В. О., & Балезина, Е. А. (2015). Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания. *Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология*, 2(22), 88–94.
17. Couto, M., Pérez, A., & Parapar, J. (2022). Temporal word embeddings for early detection of signs of depression. *Proceedings of the CIRCLE (Joint Conference of The Information Retrieval Communities in Europe)*. https://eur-ws.org/Vol-3178/CIRCLE_2022_paper_03.pdf
18. Никитина, Е. Н., & Онипенко, Н. К. (2022). Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами). *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 79, 109–130. <https://doi.org/10.17223/19986645/79/6>
19. Tonon, C. (2020). Metaphors of Psychological Deterioration: The Case of Depression. *Le Simplegadi*, 18(20), 122–135. <https://doi.org/10.17456/SIMPLE-161>
20. Боева-Омелечко, Н. Б. (2020). Этнолингвокультурология как интегральная область научных исследований. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 3, 22–29. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-3-22-29>
21. Kluckhohn, F., & Strodtbeck, F. (1963). Variations in Value Orientations. *The American Journal of Psychology*, 76(2), 342–343. <https://doi.org/10.2307/1419185>
22. Hofstede, G. (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills. Sage Publications.
23. Козлова, Л. А. (2012). *Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего*. АлтГПА.
24. Ларина, Т. В., Озюменко, В. И., & Ишанкулова, Д. Г. (2011). О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации. *Вопросы психолингвистики*, 13, 52–63.
25. Почти каждый десятый житель США страдает от депрессии. Аргументы недели. (2023, 13 октября). <https://www.argumenti.ru/society/nature/2022/09/790322>

26. Бохан, Т. Г., Терехина, О. В., Немцев, А. В., Галажинская, О. Н., & Танабасова, У. В. (2016). Проявления коллективизма-индивидуализма в контексте проблемы этнокультуральных факторов депрессии. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 4, 126–133.
27. Лебедев, С. Н. (2008). *Большая Российская энциклопедия*. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».
28. Добросклонская, Т. Г. (2014). Массмедийный дискурс как объект научного описания. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 13(184), 181–187.
29. Карасик, В. И. (2020). Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции. *Политическая лингвистика*, 2(80), 25–34. <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02>
30. Савельева, И. В. (2019). Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3(79), 839–849. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849>
31. Reali, F., Soriano, T., & Rodríguez, D. (2016). How We Think about Depression: The Role of Linguistic Framing. *Revista Latinoamericana de Psicología*, 48(2), 127–136. <https://doi.org/10.1016/j.rlp.2015.09.004>
32. Coll-Florit, M., Climent, S., Sanfilippo, M., & Hernández-Encuentra, E. (2021). Metaphors of Depression. Studying first person accounts of life with depression published in blogs. *Metaphor and Symbol*, 36(1), 1–19. <https://doi.org/10.1080/10926488.2020.1845096>
33. Асланов, И. А. (2020). Метафорический фрейминг в медиатекстах и коммуникации о депрессии: результаты контент-анализа и эксперимента. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6, 3–22. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2020.322>
34. Цыгунова, М. М. (2021). Метафоры депрессии, тревоги и гнева в терапевтическом дискурсе. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание*, 4, 136–152.
35. Yu, Y., & Tay, D. (2020). A Mixed-method Analysis of Image-schematic Metaphors in Describing Anger, Anxiety and Depression. *Metaphor and the Social World*, 10(2), 253–272. <https://doi.org/10.1075/msw.00006.yu>
36. Barcelona, A. (1986). On the Concept of Depression in American English: A cognitive approach. *Revista canaria de estudios ingleses*, 12, 7–34. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=79793>
37. Беляевская, Е. Г. (2013). Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3(36), 41–48.
38. Daily Mail Online. *Daily Mail*. (2023, 13 октября). <https://www.dailymail.co.uk/news/depression/index.html>
39. *US Weekly*. (2021). Media Kit. (2023, 13 октября). https://www.usmagazine.com/wp-content/uploads/2020/11/2021_UsMediaKit_r7_November_2020.pdf
40. *The Sun*. WJEC. (2023, 13 октября). https://resource.download.wjec.co.uk/vtc/2018-19/18-19_3-4/The-sun.pdf
41. The Washington Post. General Ad Rates. *The Washington Post*. (2023, 13 октября). <https://www.washingtonpost.com/wp-stat/site/mediakit/20-1090-01-General.pdf>

References

1. Depression. *American Psychological Association*. (2023, October 13). <https://www.apa.org/topics/depression> (In English).
2. Nemov, R. S. (2007). *Psychological Dictionary*. Vlados. (2023, October 6). <https://vocabulary.ru/termin/depressija.html> (In Russ.).
3. Oleichik, V. S. *Depression (from hope to confidence)*. Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Center of Mental Health». <http://www.psychiatry.ru/stat/122> (In Russ.).
4. Malova, A. O., Bulygina, I. E., Nikitin, L. N., Andreeva, A. P., & Ilyina, S. I. (2019). Use of antidepressants in different population groups. *Acta Medica Eurasica*, 4, 12–26. (In Russ.).

5. *Depression*. World Health Organization. (2023, October 13). [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression_\(In_Russ.\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression_(In_Russ.)).
6. Leon, F., Kalibatseva, Z., & Molchanova, E. S. (2012). Culture and depression: definition, diagnostic challenges and recommendations. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*, 6(17). (In Russ.).
7. Kirmayer, L. (2001). Cultural Variations in the Clinical Presentation of Depression and Anxiety: Implications for diagnosis and treatment. *Journal of Clinical Psychiatry*, 62, 22–28. (In English).
8. Kleinman, A. (2004). Culture and depression. *The New England Journal of Medicine*, 351, 951–953. <https://doi.org/10.1056/NEJMp048078> (In English).
9. Kleinman, A. (1986). *Social Origins of Distress and Disease: Depression, Neurasthenia, and Pain in Modern China*. New Haven. Yale University Press. <http://dx.doi.org/10.1525/maq.1987.1.3.02a00110> (In English).
10. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. (1994). American Psychiatric Press. https://www.academia.edu/11886511/DSM_IV_TR_Diagnostic_and_statistical_manual_of_mental_disorders (In English).
11. Gordon, A. G., & Litinsky, D. G. (2015). Cross-cultural analysis of depressive experiences in Russian and American environments. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Psychology. Pedagogy. Education*, 2, 150–157. (In Russ.).
12. Marsella, A. J. (2003). Cultural Aspects of Depressive Experience and Disorders. *Online Reading Psychology and Culture*, 10(2), 3–20. (In English).
13. Lakoff, J., & Johnson, M. (2004). *Metaphors we live by*. Editorial URSS. (In Russ.).
14. Kulchitskaya, L. V. (2012). Conceptual metaphor, analogy, model, paradigm. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2, 169–174. (In Russ.).
15. Vasilyeva, L. V. (2010). The role and functions of the media in modern society. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, 50, 109–112. (In Russ.).
16. Popova, V. O., & Balezina, E. A. (2015). The role of mass media in the formation of stereotypes of mass consciousness. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Sociology. Psychology*, 2 (22), 88–94. (In Russ.).
17. Couto, M., Pérez, A., & Parapar, J. (2022). Temporal word embeddings for early detection of signs of depression. *Proceedings of the CIRCLE (Joint Conference of The Information Retrieval Communities in Europe)*. (In English).
18. Nikitina, E. N., & Onipenko, N. K. (2022). Syntax and semantics of psych verbs (on the problem of linguistic interpretation of texts written by persons with mental disorders). *Tomsk State University Journal of Philology*, 79, 109–130. <https://doi.org/10.17223/19986645/79/6> (In Russ.).
19. Tonon, C. (2020). Metaphors of Psychological Deterioration: The Case of Depression. *Le Simplegadi*, 18(20), 122–135. <https://doi.org/10.17456/SIMPLE-161> (In English).
20. Boeva-Omelechko, N. B. (2020). Ethnolinguoculturology as an Integral Field of Scientific Research. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 3, 22–29. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-3-22-29> (In Russ.).
21. Kluckhohn, F., & Strodtbeck F. (1963). Variations in Value Orientations. *The American Journal of Psychology*, 76(2), 342–343. <https://doi.org/10.2307/1419185> (In English).
22. Hofstede, G. (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills. Sage Publications. (In English).
23. Kozlova, L. A. (2012). *Ethnocultural potential of the grammatical structure of the language and its implementation in the grammar of the speaker*. AltGPA. (In Russ.).
24. Larina, T. V., Ozyumenko, V. I., & Ishankulova, D. G. (2011). On the positive thinking of representatives of the Anglo-Saxon culture and its reflection in language and communication. *Questions of psycholinguistics*, 13, 52–63. (In Russ.).
25. Almost one in ten residents of the United States suffers from depression. *Arguments of the week*. (2023, October 13). <https://www.argumenti.ru/society/nature/2022/09/790322> (In Russ.).

26. Bokhan, T. G. Terekhina, O. V., Nemtsev, A. V., Galazhinskaya, O. N., & Tanabaso-va, U. V. (2016). Manifestations of collectivism-individualism in the context of the problem of ethno-cultural factors of depression. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 126–133. (In Russ.).
27. Lebedev, S. N. (2008). *The Great Russian Encyclopedia*. Scientific publishing house «Bolshaya Rossijskaya enciklopediya». (In Russ.).
28. Dobrosklonskaya, T. G. (2014). Mass media discourse as an object of scientific description. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 1(184), 181–187. (In Russ.).
29. Karasik, V. I. (2020). Epidemic in the mirror of media discourse: facts, evaluations, positions. *Political Linguistics*, 2(80), 25–34. <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02> (In Russ.).
30. Saveleva, I. V. (2019). Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 79, 839–849. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849> (In Russ.).
31. Reali, F., Soriano, T., & Rodríguez, D. (2016). How We Think about Depression: The Role of Linguistic Framing. *Revista Latinoamericana de Psicología*, 48(2), 127–136. <https://doi.org/10.1016/j.rlp.2015.09.004> (In English).
32. Coll-Florit, M., Climent, S., Sanfilippo, M., & Hernández-Encuentra, E. (2021). Metaphors of Depression. Studying first person accounts of life with depression published in blogs. *Metaphor and Symbol*, 36(1), 1–19. <https://doi.org/10.1080/10926488.2020.1845096> (In English).
33. Aslanov, I. A. (2020). Metaphorical framing in media texts and communication about depression: results of content analysis and experiment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6, 3–22. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2020.322> (In Russ.).
34. Tsygunova, M. M. (2021). Metaphors of depression, anxiety and anger in therapeutic discourse. *Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 6. Linguistics*, 4, 136–152. (In Russ.).
35. Yu, Y., & Tay, D. (2020). A Mixed-method Analysis of Image-schematic Metaphors in Describing Anger, Anxiety and Depression. *Metaphor and the Social World*, 10(2), 253–272. <https://doi.org/10.1075/msw.00006.yu> (In English).
36. Barcelona, A. (1986). On the Concept of Depression in American English: A cognitive approach. *Revista canaria de estudios ingleses*, 12, 7–34. (In English).
37. Belyaevskaya, E. G. (2013). Conceptual metaphor as a source of stylistic devices in discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3(36), 41–48. (In Russ.).
38. Daily Mail Online. *Daily Mail*. (2023, 13 октября). <https://www.dailymail.co.uk/news/depression/index.html> (In English).
39. *US Weekly*. (2021). Media Kit. (2023, October 13). https://www.usmagazine.com/wp-content/uploads/2020/11/2021_UsMediaKit_r7_November_2020.pdf (In English).
40. *The Sun*. WJEC. (2023, October 13). https://resource.download.wjec.co.uk/vtc/2018-19/18-19_3-4/The-sun.pdf (In English).
41. The Washington Post. General Ad Rates. *The Washington Post*. (2023, October 13). <https://www.washingtonpost.com/wp-stat/site/mediakit/20-1090-01-General.pdf> (In English).

Информация об авторах

Наталья Борисовна Боева-Омелечко — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Анна Викторовна Ленец — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Information about the authors

Natalya B. Boeva-Omelechko — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of the English Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University.

Anna V. Lenets — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the German Philology Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.07

ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СИНТАКСИСА: РЕКИ, МОРЯ И ОКЕАНЫ

Девятова Надежда Михайловна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Аннотация. В статье рассматривается синтаксический и когнитивный потенциал существительных, называющих природные объекты: *река, море, океан*. Ставится цель — выявить синтаксические особенности моделей с локативным субъектом, разнообразие проявлений таких значений, как состояние и экзистенция объектов. Особенности синтаксического поведения определяются как ядерными, так и периферийными признаками концепта. К ядерным признакам следует отнести величину природного объекта, наличие/отсутствие границ, текучесть, интенсивность проявления состояния, неконтролируемость, опасность для человека: *река течет, несется; море бушует*. Ядерные признаки по-разному проявляются, в частности, в метафорах и сравнениях. В морских метафорах признак объема реализуется как нерасчлененное множество: *море книг, море улыбок*. В генитивных метафорах с компонентом «река» актуализируются смыслы «движение», «текучесть»: *река бессмертного полка, река жизни*.

Различия в сочетаемости свидетельствуют о разной роли концептов в русской языковой картине мира. Концепт «река» обладает богатым когнитивным потенциалом и для русского человека символизирует Родину.

Большая освоенность пространства реки проявляется в значительном количестве сравнений, образующихся на основе центральных и периферийных признаков, например цвета, блеска.

Разное падежное оформление локативного субъекта *река, море, на реке, на море* позволяет по-разному передать степень его активности.

В работе реализованы когнитивные основы анализа, структурно-семантический метод, общенаучные методы наблюдения, описания.

Ключевые слова: локативные синтаксемы, модели со значением экзистенции и состояния, когнитивный потенциал имени, концепт, метафора, сравнение, эталон сравнения, компаративная константа.

Для цитирования: Девятова, Н. М. (2023). Природные объекты в пространстве русского синтаксиса: реки, моря и океаны. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 94–103. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.07>

Original article

UDC 811.161.1'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.07

NATURAL OBJECTS IN THE SPACE OF RUSSIAN SYNTAX: RIVERS, SEAS AND OCEANS

Nadezhda M. Deviatova

Moscow City University,
Moscow, Russia,deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Abstract. The article examines the syntactic and cognitive potential of nouns naming natural objects: *river, sea, ocean*. The goal is to identify the syntactic features of models with a locative subject, a variety of manifestations of such meanings as the state and existence of objects. The features of the nominations and their syntactic embodiment are determined by the key nominative feature — the difference in the volume of natural objects, manifested in a variety of ways through metaphors and comparisons. Marine metaphors represent the sign of volume as an undifferentiated multitude: *a sea of books, a sea of smiles*. The genitive metaphors with the «river» component emphasize the meanings of «movement», «fluidity» as *the river of the immortal regiment, the river of life*. The discrepancy in compatibility reveals the different role of concepts in the Russian language picture of the world. The concept of «river» has a rich cognitive potential and for a Russian person symbolizes the Motherland.

The river and the sea differ in the way they empathize «the intensity of state manifestation», «uncontrollability», «danger to humans»: *the river flows, rushes; the sea rages*. There is a variety of river space manifestations accumulated in a large number of comparisons. Comparisons with the river standard are formed both on the basis of both central and peripheral features of the concept. It is in comparisons with sea and ocean natural objects, where the comparative constants reflecting the central features of the object are more common.

The different case design of the locative subject *river, sea, at the river, at the sea* allows to present the space as dynamic or static in different ways, reveal various degrees of its activity.

The article implements methods of conceptual, structural and semantic analyses, which encourages further considering the objects under study in the full scope of their semantic and syntactic properties.

Keywords: locative syntaxemes, models with the meaning of existence and state, cognitive potential of the name, concept, comparison, comparison standard, comparative constant.

For citation: Devyatova, N. M. (2023). Natural objects in the space of Russian syntax: rivers, seas and oceans. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 94–103. <https://doi.org/DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.07>

Введение

Слово в языке представляет сложный и многогранный объект и изучается во всем объеме его семантико-грамматических и синтаксических свойств. Современный этап лингвистики связан с укрупнением лингвистического объекта: внимание со слова и предложения перемещается на более крупный объект — концепт. При исследовании концепта подчеркивают его культурную специфику: «Концепт — единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» (Алексеев, 2019 с. 77), (Русский язык, 2020, с. 11);

«Язык выражает ценности общества... Средствами выражения ценностей культуры являются особые языковые единицы — концепты» (Воркачев, 2003, с. 10–11).

Существительные с локативным значением *река, море, океан* организуют модели со значением существования – экзистенции – и состояния. Исследуются синтаксические конструкции с локативным субъектом в форме именительного и предложного падежей. Выявляются разные способы передачи состояния и интенсивности его проявления. Рассматривается сочетаемость единицы, передающая ее когнитивный потенциал и культурную значимость.

Настоящая публикация является продолжением серии статей, посвященных исследованию отдельных концептов русского языка, где дается анализ их когнитивного и сравнительного потенциала. Природные объекты в науке изучались по-разному: как мифологемы в связи с проблемой мифологического мышления (Иваницкий, 2014, с. 249), (Топоров, 1982, с. 578) и др., как образы литературы (Символика воды в русской словесности и мировой культуре, 2022, с. 32, 242).

Объекты, представляющие водные пространства, в различной степени освоены русским языком. Более значимым объектом для русского человека является река. Когнитивный потенциал единицы выявляется в результате анализа ее сочетаемости, синтаксического потенциала, роли в отдельных синтаксических конструкциях, в том числе сравнительных конструкциях, в которых образность исследуется в связи с характером их компонентов (Девятова, 2010, с. 58).

Природные объекты и их отражение в языке: синтаксический и когнитивный потенциал

Различие в словах отражается в их лексическом значении, в системе дифференциальных признаков. Так, существительные *река* и *море*, называющие водные пространства, различаются совокупностью признаков, в том числе определением размера. Например: *река* — «постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока до устья» (Ожегов, 1991, с. 674); *море* — «часть океана — большое водное пространство с горько-соленой водой» (Там же, с. 363). Как можно видеть, река имеет направление движения, границы (берега), начало и конец (река впадает в море), ей присуща определенная форма. Признак «направление движения» находит отражение в метафоре *парус судьбы*, анализ этой и других водных метафор см. в работе: (Лапутина, 2021, с. 155). Море безбрежное, не имеет начала и конца (*не кончается синее море*). Река, море, океан как стихия характеризуются признаком неконтролируемости состояния.

Значимый признак размера, объема определяет место анализируемых единиц в языковой картине мира, их когнитивный и синтаксический потенциал. Указанная особенность по-разному проявляется в русских метафорах: *море света, море работы, море литпродукции, море магазинов, море удовольствий, море подарков, море писем, море запахов* и др. Например: *лес рук, пульсирующее людское море, голые руки, как нива, как океан золотых колосьев, зеленые, синие, голубые...* (М. Голованова. Муха-Цокотуха).

Размер объектов объясняет различия в их сочетаемости и когнитивных возможностях. О. Ю. Казмирчук обращает внимание на поэтическую функцию номинации *море*. В цикле «Переделкино» Б. Пастернака *море* выступает как способ расширения

пространства силой художественного воображения. Обращение к названной реалии позволяет передать возможности творческого мышления: «И столько широты во взоре, / И так покорно все извне, / Что где-то за стволами море / Мерещится все время мне» (Цит. по: Казмирчук, 2008, с. 191).

Река организует метафоры на основе других признаков, например признака движения, текучести. Значимыми признаками являются направленность движения, его начало и конец: *течет река бессмертного полка, река времен, река забвенья (=Лета), река жизни*. Например: «Под окном — река забвенья, / Испарения болот, / Хмель чужого поколения / И тревожит, и влечет» (А. Тарковский. Разобрал головоломку...). Ср.: *река жизни – начало и конец – жизнь отдельного человека; океан жизни – жизнь как таковая*. В противопоставлении *реки жизни / океана жизни* можно видеть противопоставление общего и частного. Признак объема и здесь проявляется как нерасчлененное множество.

Метафоры жидкости немногочисленны — *реки крови* (ср.: *море крови*), *реки/море слез*.

Генитивные метафоры океана немногочисленны и менее привычны: *океан очарованья, океан добра, океан огня, океан лет, океан народных масс, океан жизни* и некоторые другие.

Их различия не исчерпываются особенностями в толковании названных существительных.

Река, море, океан занимают разное место в жизни русского человека, в его языковой картине мира. Река — обладающий большим культурным ореолом, привычный для русского человека объект. Исследователи отмечают глубокую связь таких объектов с культурой народа: «Первые, известные истории цивилизации возникли возле великих рек. Тигр и Ефрат, Инд и Ганг, Хуанхе и Янцзы, Нил — это колыбели вedomой нам и притягательной своей изначальностью тайны явления культуры. Там, в далеком прошлом, закладываются ее основы, которые станут благословением и проклятием “культурного” грядущего. И, среди этих основ — покорение реки. Не возделывание почвы, а возделывание воды создает этимологический смысл культуры. Искусство возделывания рек создает основу нашего прошлого, являясь истоком культуры» (Сергеев, 2001).

Обращает на себя внимание факт разной представленности конструкций, в частности конструкций сравнительных, с эталонами *река, море, океан*, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹.

Река составляет привычную среду обитания русского человека. Б. Ахмадулина так определила место реки в картине мира: «Еще возможно для ума и слуха вести игру, где действует река, пустое поле, дерево, старуха, деревня в три незрячих огонька» (Б. Ахмадулина. Сумерки). Дополняет общую картину кладбище: «У *кладбища* направо пылил пустырь, а за ним голубела *река*» (здесь и далее курсив наш. — Н. Д.) (А. Ахматова. Читая Гамлета) (сюжет Офелии А. Ахматова помещает в русское пространство).

Еще шире пространство России у Н. Рубцова:

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы

¹ Большинство примеров составили примеры из Национального корпуса русского языка: ruscorgo.ru (дата обращения: 01.04.2023–01.07.2023).

Люблю твою, Россия, старину,
 Твои леса, погосты и молитвы,
 Люблю твои избышки и цветы,
 И небеса, горящие от зноя,
 И шепот ив у омутной воды,
 Люблю навск, до вечного покоя...

(Н. Рубцов. Видения на холме)

Изучаемые объекты организуют модели со значением существования и состояния, пространственной ориентации. Например: «*Издалика долго течет река Волга*» (Л. Ошанин. Течет Волга).

Обратим внимание на особенности экзистенциальных глаголов *течет*, *бежит река*. В первом случае глагол *течет* передает идею эпохальности, вечности. Во втором случае река предстает как нечто более земное, близкое человеку.

Состояние природного объекта может передаваться при помощи глаголов-олицетворений: *спит река; несетя, речка плачет; Ветер зарю полощет / В теплой воде озер...* (Н. Рубцов. Встреча); *Время придет уезжать — / Речка моя туманная будет бежать и бежать* (Н. Рубцов. Тихая моя родина); *В реке мурлычет кошкою вода* (Н. Рубцов. Ночь коротка, а жизнь, как ночь...).

Мифологичность, антропоцентричность русского мышления находит отражение и в таких номинациях, как *Волга-матушка, Амур-батюшка* и др.

Выделенность формы оказывается значимой для реки, в отличие от моря и океана. Форма движения объекта и его пространственная ориентация передаются в разнообразных сочетаниях: *река петляла, река пересекает границу, огибает подножье горы, змейка-река, река изогнулась, ушла куда-то в сторону, распадалась на сотни рукавов, опоясала местность, Волга впадает в Каспийское море*.

Речка, пруд, в отличие от моря, представляют близкие человеку реалии: они входят в поле его наблюдения, составляют близкое ему, очеловеченное пространство: *Моя родина милая, / Свет вечерний погас. / Плачет речка унылая / В этот сумрачный час.* (Н. Рубцов. Отрывок); *Крыша. Над крышей луна. / Пруд. Над прудом бузина.* (Н. Рубцов. Вспомнилось море).

Один из общих признаков, объединяющих реку, море, океан, — стихийность, неконтролируемость проявлений состояния объекта: река может разливаться, выходить из берегов, ринуться вниз и этим нанести вред человеку. Например: *Как мимо башен, идилов, гробниц / Катунь неслась широкою лавиной, И кто-то древней клинописью птиц / Записывал напев ее былинный* (Н. Рубцов. Шумит Катунь).

Разгул стихии на море, на океане более мощный, от моря и океана исходит большая угроза для человека: *Вдруг вода загрохочет у бортов кораблей, / Забурилит, заклокочет, / Как в кипящем котле* (Н. Рубцов. Портовая ночь). *Море разгневалось; / Многогорбый старик океан, / Багровые волны-горбы / Разбивает о лбы валунов* (Н. Рубцов. Соловьи).

Состояние моря, в отличие от реки, проявляется более многообразно: *Море плещется; Море спокойное, гладкое море; Море шумит; Море волнуется; Море бушевало; Вокруг ходило море*. Например: *Под ними тусклым оловянным листом лежало море* (И. Ефремов. Сердце змеи); *Да, море лоснилось и дышало длинными валами, как после работы* (Б. Житков. Мираж); *Море лежало, холодея, как нартученный испод зеркала, и лишь легко спохватывалось и всхлипывало по ободкам* (Б. Пастернак. Воздушные пути).

В передаче разной степени интенсивности состояния участвуют различные глаголы: *море лежало, дышало, шумело, клубилось, бушевало, штормило, вздымало волны, обрушивало на берег* и др.

Океану присущи те же проявления. Море и океан бушуют; там, в отличие от реки, бывает шторм.

Многие русские пословицы подчеркивают роль исследуемых объектов в языковой картине мира. В. М. Мокиенко приводит варианты русской пословицы *Жизнь прожить — не поле перейти*: *Жизнь прожить — не море переплыть*; *Жизнь прожить — море переплыть*; *Жизнь прожить, что море переплыть: побарахтаешься — и ко дну* (Мокиенко, 2022, с. 13).

Море, в отличие от поля, передает более сильную оценку: метафора говорит о необходимости больших сил для преодоления серьезных жизненных трудностей.

Обратим внимание на различия моделей, объясняемые падежной формой локативного субъекта.

Модель с именительным субъекта позволяет передавать состояние метафорически, приписывая природному объекту свойства человека, подчеркивая активность природного объекта: *О чем, скажи мне, море пело?* (О. А. Юрьев. Январские ямбы); *Слушает море под вечер горячие речи* (Б. Б. Рыжий. Молодость, свет над башкою, случайные встречи...); *Под серой глыбой крепости старинной / Вздыхает море мерно и тепло* (Л. А. Алексеева. На Адриатике).

Частотны и модели с предложным падежом со значением состояния природного объекта: *На море шум, На море буря, На реке навигация, на реке ледоход*.

В фольклоре есть отдельная синтаксема *на море-океане (море-океан)*, где стирается граница между объектами. Для русского человека это огромные, бесконечные пространства: *На море-океане, на острове Буяне. Или: Лишь далеко на океане-море, / На белом камне, посредине вод, / Сияет книга в золотом уборе, / лучами упираясь в небосвод* (Н. Заболоцкий. Голубиная книга). В поэтическом языке эта форма сохраняет следы фольклорной стилизации: *На Оке... на Океане, на горе ... горе Хрустальной, на горю... горючем камне золотой ларец поставлен* (С. И. Кирсанов. Надо бросить пригоршню пороха...).

Синтаксема *на океане* как локативный субъект состояния встречается значительно реже, нежели *на море*, при этом не имеет каких-либо существенных от нее отличий. Например: *Буря свирепствует на океане, а не в закрытом русском море*.

Предложный локативный организует и другие синтаксические модели, например со значением «локативный субъект и его характеристика по тому, что происходит в названном пространстве». При этом локативные субъекты *на реке, на море* обладают определенными сходствами. Синтаксемы *на море, на реке* могут обозначать не только водное пространство, но и местность, расположенную близ реки или моря. Например: *Есть на море пустынном монастырь / Из камня белого, золотоглавый, / Он озарен немеркнувшею славой* (Н. С. Гумилев. Пятистопные ямбы).

При локативном субъекте в предложном падеже состояние чаще называется именительным падежом. Например: *Буря на море, на море буря, небо немое осоловело, тучи на небе* (Н. Е. Горбаневская. Буря на море, на море буря...); *На море тишь, а на море затишь; Весна на море; На море волны то вверх, то вниз; Бушует на море осенний шторм; Только на море ветры дули, / Был сердитый прибой высок; Тихо на море*.

И река, и море выступают как пространства, где кипит активная жизнь. Например: *В полный голос зашлась тишина, / И случилось на море трясенье* (Ю. П. Кузнецов).

Последнее искушение); *На море лодку качала волна, спасли водолазы — достали со дна* (Г. А. Сапгир. Приняли таблетки и легли в постель...).

Синтаксемы *в реке, в море, в океане* называют динамическое пространство: *Рыбаки выходили в море*.

Различно и поведение анализируемых реалий в составе сравнительных конструкций. Как было показано в нашей статье (Девятова, 2022, с. 434–440), *река* организует сравнение на основе компаративных констант, отражающих идею движения (*течет, несется, бежит*).

В следующих примерах сравнение организовано на основе ядерных признаков концепта: *В дожде, асфальтом отраженный, / Струится Невский, как река, / Стремленьем воли неуклонной / К Игле, победно вознесенной / И зацепившей облака* (В. А. Рождественский. *В дожде, асфальтом отраженный...*); *Время уносит тебя, как река* (С. Липкин. *Техник-интендант*); *Жизнь моя, от васильков и каши, / Как река, ты вышла на простор!* (В. А. Рождественский. *Вижу я: у городской заставы...*); *Итак, страданье, как река, несло по руслу сна* (И. Сельвинский. *Кандалы*).

Из периферийных признаков концепта моря отметим цвет, блеск. В качестве постоянного эпитета выступает признак *синий*. Например: *Ведь глаза твои, как будто море, голубым колышутся огнем* (С. Есенин); *Она летает, приседая, / Она, должно быть, из Китая, / Здесь на нее похожих нет, / Она из тех забытых лет, / Где капля малая лазори, как море синее во взоре* (А. А. Тарковский. *Бабочка в госпитальном саду*); *Черный асфальт заблестел, как река* (НКРЯ).

Анализируя признак цвета в сравнениях и метафорах, В. Г. Кульпина (Кульпина, 2019, с. 124) выделяет в польском языке цветовое обозначение *зеленое море*. О поэтике грамматических категорий см., например: (Геймбух, 2008, с. 122).

Отметим и другие периферийные признаки: *Рыдая, о грудь мою билась, / Как море о грудь корабля* (Н. М. Рубцов) (контакт с предметом); *Мы с тобою старые, как море, море у которого лежим* (Е. А. Евтушенко. *Неподвижность*) (признак вечности, возраста).

В качестве объектов сравнения выступают разные сущности. Чаще это человек, его чувства и состояния, природные объекты, понятия высокой степени абстракции (*время, жизнь*) и др. Сравнения с эталонами *река, море* достаточно разнообразны.

Разные состояния природного объекта часто сопровождаются производством разнообразных звуков, позволяющих передать различную степень интенсивности состояния. Например: *Как море, рокотала медь, / И хриплый ангел плакал слева / Холодными слезами гнева / О тех, кто не полюбит впредь* (В. Л. Корвин-Пиотровский. *Он ловко палочкой взмахнул...*); *Быть может, кровь шумит в виске, / Стихи скандируя, как море?* (А. Е. Адалис. *Я слышу музыку опять...*); *Я на палубу вышел, а Волга бушевала, как море в грозу* (Б. А. Слуцкий. *Воспоминание*).

Шум моря как эталон сравнения встречаем в описаниях других природных объектов: реки, деревьев (*сосны шумят, как море*), материала, поэзии и др.

Океан как эталон сравнения актуализирует признак большого объема: *жизнь как океан безбрежный, как океан объемлет шар земной; веселье безбрежное, как океан; мир необъятный, как океан; даль огромна, как океан; душа безмерная, как океан*.

Другой признак, реализованный в сравнении, — глубина океана. Например: *глубок, как океан безбрежный; глубокий, как океан, ужас; глаза лучистые и глубокие, как океан безбрежный*.

Сравнение может строиться на признаке «разные проявления состояния океана»: *вечер тихий, как океан; как океан, разверзлись небеса; металась степь, как океан; бурный, как океан; стихия, волнуемая, как океан; невуч, как океан; как океан, роптала Москва* и др.

Океан для человека — это до конца неисследуемое и непознаваемое: *неодолимая, как океан; земля, женская душа, как океан, неисследуема; Майя неисчерпаема, как океан* и др. Непознаваемость океана связана с его древностью, вечностью: *стар почти, как океан*.

Область приложения сравнения *как океан* достаточно широка. Это человек, его состояния, земля, географическое пространство, мир человека.

В стихотворении Я. Полонского со стихией связывается представление о поэтическом творчестве, которое соединяется с образом Родины:

Писатель, — если только он Волна, а океан — Россия,
 Не может быть не возмущен,
 Когда возмущена стихия.
 Писатель, если только он
 Есть нерв великого народа,
 Не может быть не поражен,
 Когда поражена свобода.

(Я. Полонский. В альбом К. Ш...)

Заключение

Значимость концептов *река, море, океан* выражается в богатстве разнообразных синтаксических конструкций со значением экзистенции, состояния. Природным объектам свойственны достаточно разнообразные состояния, различия между которыми обусловлены разной степенью интенсивности, связанной с ядерным признаком исследуемых природных объектов — величиной.

Признак объема, различающий объекты, по-разному отражается в русских метафорах и сравнениях. Генитивные метафоры с основанием *река* активируют признак жидкости, текучести, наличие естественных границ, морские метафоры активируют количественный признак.

В сравнениях концепты *река* и *море* реализуют ядерные и периферийные признаки.

С формой представления локативного субъекта — именительным и предложным — связана способность по-разному представлять пространство — как активное, динамическое или статическое.

Исследование моделей с разными природными объектами позволило определить их место в русской языковой картине мира.

Когнитивные особенности единиц отражают степень освоенности природных объектов русским человеком. Большую роль в русской языковой картине мира играет концепт *река*, выступающий как символ Родины. Разнообразны и ее синтаксические проявления. Река чаще выступает и в русских сравнениях.

Список источников

1. Алексеев, А. В. (2019). Репрезентация культурной значимости слова в художественном тексте (диахронический аспект). *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 4, 9–16.
2. Воркачев, С. Г. (2005). Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 4, 76–83.
3. Геймбух, Е. Ю. (2018). Проблемы поэтики грамматических категорий. *Отечественная филология: курсы по выбору* (с. 122–138). МГПУ.
4. Девятова, Н. М. (2010). Об образном сравнении и его типологии. *Болгарская русистика*, 3–4, 56–64.
5. Девятова, Н. М. (2022). Река как образ русского сравнения. *Символика воды в русской словесности и мировой культуре* (с. 434–440). Коллективная монография. Книгодел.
6. Иваницкий, А. И. (2014). *Онтология моря в русских поэтических системах*. Воронеж.
7. Казмирчук, О. Ю. (2008). Стихотворение Б. Л. Пастернака «Летний день» в контексте «перedelкинского» цикла. *Новый филологический вестник*, 1(6), 188–193.
8. Кульпина, В. Г. (2019). Карнавальные воплощения цвета в сравнениях и метафорах (к проблеме перцепции и перевода сравнительных цветообозначений в польском и русском языках). *Карнавал в языке и коммуникации* (с. 121–134). Сборник статей. Российский государственный гуманитарный университет.
9. Лапутина, Т. В. (2021). Сочетаемость лексических средств в современной политической метафоре. *История и современность филологических наук* (с. 153–156). Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. МГПУ.
10. Мокиенко, В. М. (2022). Паремнологическое поле Валентина Ильича Зимины. *Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее* (с. 11–12). Материалы Международной научно-практической конференции. МПГУ.
11. Ожегов, С. И. (1991). *Словарь русского языка: 70 000 слов*. Русский язык.
12. Сергеев, К. (2001). О реках. *Портал «Стихи.ру»*. (2023, 13 октября). <https://stihi.ru/2002/01/13-423?ysclid=ln7nntnzhk128442293>
13. *Русский язык и литература*. (2020). Ч. 1. Русский язык. Учебник. Инфра-М.
14. *Символика воды в русской словесности и мировой культуре*. Коллективная монография. (2022). Книгодел.
15. Топоров, В. Н. (1995). *Миф, ритуал, символ, образ: исследования в области мифопоэтического: избранное*. Прогресс – Культура.

References

1. Alekseev, A. V. (2019). Representation of the cultural significance of the word in the artistic text (diachronic aspect). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 4, 9–16. (In Russ.).
2. Vorkachev, S. G. (2005). Linguoconceptology and intercultural communication: origins and goals. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 4, 76–83. (In Russ.).
3. Heimbuch, E. Yu. (2008). Problems of poetics of grammatical categories. *Russian Philology: elective courses* (pp. 122–138). MCU. (In Russ.).
4. Devyatova, N. M. (2010). On figurative comparison and its typology. *Bolgarskaya rusistika*, 3–4, 56–64. (In Russ.).
5. Devyatova, N. M. (2022). The river as an image of Russian comparison. *The symbolism of water in Russian literature and world culture* (pp. 434–440). A collective monograph. Knigodel. (In Russ.).
6. Ivanitsky, A. I. (2014). *Ontology of the sea in Russian poetic systems*. Voronezh. (In Russ.).
7. Kazmirchuk, O. Yu. (2008). B. L. Pasternak's poem «Summer Day» in the context of the «Peredelkin» cycle. *New Philological Bulletin*, 1(6), 188–193. (In Russ.).

8. Kulpina, V. G. (2019). Carnavalesque embodiments of color in comparisons and metaphors (to the problem of perception and translation of comparative color denotations in Polish and Russian). *Carnival in language and communication* (pp. 121–134). A collection of articles. Russian State Humanities University. (In Russ.).
9. Laputina, T. V. (2021). Combinability of lexical means in modern political metaphor. *History and modernity of philological sciences* (pp. 153–156). Collection of scientific articles on the materials of the International scientific conference. MCU. (In Russ.).
10. Mokienko, V. M. (2022). Paremiological field of Valentin Ilyich Zimin. *General and Russian phraseology: from the past to the future* (pp. 11–21). Materials of the International scientific and practical conference. MPGU. (In Russ.).
11. Ozhegov, S. I. (1991). *Dictionary of the Russian language: 70 000 words*. Russkij yazyk. (In Russ.).
12. Sergejev, K. (2001). About rivers. *Poetry.ru portal*. (2023, October 13). <https://stihi.ru/2002/01/13-423?ysclid=ln7nntnzhk128442293> (In Russ.).
13. *Russian language and literature*. (2020). Part 1. Russian language. Textbook. Infra-M. (In Russ.).
14. *Symbolism of water in Russian literature and world culture*. A collective monograph. (2022). Knigodel. (In Russ.).
15. Toporov, V. N. (1995). *Myth, ritual, symbol, image: studies in the field of mythopoetic: a selection*. Progress – Culture. (In Russ.).

Информация об авторе

Надежда Михайловна Девятова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Nadezda M. Devyatova — Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.08

**ВАСИЛЬКИ И КОЛОКОЛЬЧИКИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА****Огольцева Екатерина Васильевна**

Московский педагогический государственный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия,

tertiumcomp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент языковой картины мира, связанный с функционированием флоронимов *василек* и *колокольчик* в сфере образной деривации и в системе образных сравнений. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к выявлению коннотаций и фоновых знаний, сопряженных с лексической семантикой имен существительных разных лексико-семантических групп, а также относительно малой изученностью деривационного и фразеологического аспектов проблемы. Поэтому ставится вопрос о влиянии этимологии слова, его деривационной истории, на развитие системы переносно-метафорических и образно-символических значений. На материале текстовых фрагментов, иллюстрирующих общеязыковые образные структуры и ключевые направления их авторских трансформаций, рассматривается соотношение объективного и субъективного начал в лингвокогнитивном феномене «картина мира». В качестве основных методов исследования используются: метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ, а также элементы компонентного и словообразовательного анализа. Автор приходит к выводу, что значимость тех или иных номинаций в аспекте анализа их образно-метафорических, символических значений определяется как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. Показано, что субъективные, наивные представления языкового коллектива: а) культурно обусловлены; б) связаны с объективными признаками того или иного растения; в) находят регулярное отражение в системе русской фразеологии и образной деривации. Установлены общие и различительные признаки номинаций *василек* и *колокольчик* с точки зрения их репрезентации в русской языковой картине мира. На новом языковом материале доказана продуктивность комплексного подхода к выявлению структур языкового знания, соотносимых с номинациями конкретных предметов. Такой подход предполагает анализ номинаций с позиции их деривационной истории и актуального лексического значения, функционирования в системе образной производной лексики и фразеологии, в аспекте языковой, закрепленной в словарях семантики и возможных направлений авторской трансформации.

Ключевые слова: языковая картина мира, флороним, устойчивое сравнение, индивидуально-авторское сравнение, эталон, образ, символ.

Для цитирования: Огольцева, Е. В. (2023). Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 104–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.08>

Original article

UDC 811.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.08

**CORNFLOWERS AND BLUEBELLS
WITHIN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD****Ekaterina V. Ogol'tseva**

Moscow Pedagogical State University,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia,
tertiumcomp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Abstract. The article considers a fragment of the linguistic picture of the world associated with the floronyms *cornflower* and *bell* functioning in the sphere of figurative derivation and in the system of figurative comparisons. The relevance of the research is due to linguists' increasing interest in identifying connotations and revealing background knowledge related to the lexical semantics of nouns of different lexico-semantic groups, as well as the relatively small study of the derivational and phraseological aspects of the problem. In this regard, there is an issue begging the question concerning the influence of the word etymology, its derivational history, on developing a system of figurative-metaphorical and figurative-symbolic meanings. Relying on text fragments illustrating common language figurative structures and the principle directions of their author's transformations, the problem of correlating objective and subjective principles in the linguocognitive phenomenon «worldview» is touched upon. The key research methods employed are as follows: the method of dictionary definitions analysis, contextual analysis, along with elements of component and word-formation analysis. The author comes to the conclusion that the significance of certain nominations in the aspect of tackling the issues in their figurative, metaphorical, symbolic meanings is determined by both extralinguistic and intra-linguistic factors. It is shown that subjective, naive representations of the language group are a) culturally conditioned; b) associated with objective features of a particular plant; c) are regularly reflected in the system of Russian phraseology and figurative derivation. The common and distinctive features of the *cornflower* and *bell* nominations are revealed from the point of view of their representation in the Russian language picture of the world. The new language material comes relevant when emphasizing the productivity of an integrated approach to identifying the structures of language knowledge associated with the nominations of specific subjects. This approach involves the analysis of nominations in terms of their derivational history and actual lexical meaning; in terms of their functioning in the system of figurative derived vocabulary and phraseology; in terms of linguistic semantics fixed in dictionaries and possible directions of the author's transformation.

Keywords: linguistic picture of the world, floronym, stable comparison, individual author's comparison, standard, image, symbol.

For citation: Ogoltseva, E. V. (2023). Cornflowers and bells in the Russian language picture of the world. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 104–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.08>

Введение / Introduction

Изучение структур языкового знания, сопряженных с номинациями тех или иных конкретных предметов, на наш взгляд, должно учитывать несколько взаимосвязанных аспектов: 1) происхождение лексемы, ее словообразовательную структуру и деривационный потенциал; 2) закономерности лексической

сочетаемости; 3) парадигматические связи; 4) функционирование в составе устойчивых языковых единиц языка; 5) употребление в фольклоре и авторских произведениях разных жанров. Только при таком комплексном подходе можно в полной мере исследовать то, что принято называть фрагментом языковой картины мира. «Картина мира, как языковая, так и пропозитивно-дискурсная, по своей природе являет собою соединение субъективного и объективного начал, поскольку она отражает объективный мир сквозь призму субъективного видения. Она может отражать и воображаемый, выдуманный человеком мир в форме вымыслов, фантазий, мечтаний, художественных конструктов. В этом субъективизме раскрывается положение о “возможных мирах”, развиваемое в современных когнитивных и культурологических направлениях лингвистических исследований» (Блох, 2006, с. 19). Изучение номинаций, сопряженных с миром природы, особенно интересно в плане анализа взаимодействия научной и наивной картин мира (Касевич, 1996, с. 77).

Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно представить результаты исчерпывающего анализа по всем указанным направлениям. Поэтому мы ставим перед собой скромную задачу лишь наметить некоторые из них, подробнее остановившись на деривационном и фразеологическом аспектах. Цель статьи — на основе анализа словообразовательной и лексической семантики лексем «василек» и «колокольчик» выявить особенности их функционирования в текстах, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), уделяя особое внимание лингвокультурному потенциалу данных номинаций, реализующемуся в сфере русской производной лексики и в системе компаративной фразеологии.

В последнее время метафорический потенциал наименований растений в целом и цветочной лексики в частности привлекает внимание как лексикологов, так и специалистов в области фразеологии и лингвокультурологии. Появляются исследования, посвященные системному анализу семантики фитонимов в русском языке (Летова, 2021). Образы цветов в языковой картине мира анализируются на материале паремий (Архипова, Куроедова, 2021). Ставится вопрос о важности сопоставительного анализа флоронимов как компонентов фразеологических единиц (Лескова, 2021). На этом фоне такой колоритный объект, как наименования цветущих растений в системе русских устойчивых сравнений, едва затронут специальными лингвистическими исследованиями, см., в частности: (Бойко, 2008). Наша статья в какой-то мере восполняет этот пробел.

Методология, объект и процедура исследования

Рассмотрение фрагмента русской языковой картины мира, соотносимого с двумя наименованиями цветов, широко распространенных в российской флоре, потребовало привлечь такие приемы, как словообразовательный и этимологический анализ, описание семантики слова посредством компонентного анализа. Продуктивными оказались также метод анализа словарных дефиниций и контекстуальный анализ, которые дали возможность оценить взаимодействие объективного и субъективного, научного и наивного в предпринятой нами реконструкции фрагмента картины мира.

Наш выбор в качестве объекта исследования именно этих двух лексем — *василек* и *колокольчик* — определяется как экстралингвистическими, так и собственно

языковыми факторами: принадлежностью обоих растений к полевым цветам; сходством цветовой гаммы; кажущейся однотипностью словообразовательной структуры сопоставляемых номинативных единиц. В самом деле, обыденное языковое сознание склонно воспринимать обе номинации как лексикализованные диминутивы. Последних вообще очень много среди наименований растений. В. Солоухин в очерке «Трава» отмечает: «Русский человек (надо бы сказать, народ. — В. С.) настолько влюблен в природу, что эта его нежность заметна даже по названиям трав» (Солоухин, 1986, с. 10). Далее приводится длинный перечень наименований, в котором немало уменьшительно-ласкательных образований: *касатик, баранчик, лютики, белая кашка, заячья лапка, белоголовка, богородицыны слезки, ноготки, матренка, одуванчики, душистый колосок, калачики, хрустальная травка, божьи глазки, вьюнки, богородская травка, купавка, анютины глазки* и мн. др. (Там же). Кстати, современные исследователи обращают внимание и на высокую значимость фитонимов в авторской картине мира самого В. А. Солоухина (Сухова, 2022).

Важно отметить, что по отношению к номинации «василек» версия об уменьшительно-ласкательном деривационном значении финали *-ек* оказывается недостоверной. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера указывает на возможное греческое происхождение наименования «василек» и находит соответствия в украинском, сербохорватском, латинском языках. Отмечается также родство с польским *bazylika* (не случайно польское имя *Vazyli* соответствует русскому *Василий*) (Фасмер, 1986, т. 1, с. 277). Таким образом, *-ек* в структуре наименования цветка — это, скорее всего, результат усложнения морфемной структуры, переосмысленный компонент *ик*, который исторически является частью основы. Восприятию слова «василек» как диминутива способствует и омоним — имя собственное, в котором суффиксу *-ек* в самом деле приписывается ласкательное значение. Ср. в загадке: *Ярко-синий, пушистый / Он в хлебе родится, / В еду не годится. / Так маленького Васю называют / И те цветы, что в поле собирают*. Примерно так же раскрывает этимологию этого слова и «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского. Оба словаря приводят дериват «васильковый» и отмечают его образно-переносное значение: «синий». По свидетельству В. И. Даля, многие диалектные наименования этого растения своей внутренней формой выражают именно синий (или голубой) цвет: *блататка, синовица, синецветка, синюха* (Даль, 1955, с. 167). П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» дает, пожалуй, наиболее подробную характеристику истории этого слова: «ВАСИЛЁК <...> травянистое сорное растение семейства сложноцветных, глушащее посевы, *Centaurea cyanus*. Прил. **василько́вый**, -ая, -ое. Ср. укр. **волошка** — «василек», блр. **Валошка** — тж. <...>» (выделено автором цитируемого текста. — Е. О.) (Черных, 1993, с. 135). Далее автор словаря отмечает, что славяне по-разному называли это растение: *метличина* или *синчец* (болг.), *модрац*, от *модар* — «синий» или *различак* (с.-хорв.), *modracka* (*modrý* — синий) (чеш.). Как видим, внутренняя форма большинства славянских эквивалентов русского *василька* основана на семантическом признаке цвета (синий или светло-голубой). То же можно сказать и о неславянских языках (немецком, французском). Интересно, что П. Я. Черных допускает связь *василька* с *василиском*: «В словаре Поликарпова (1704, с. 39): *василки* — “зелие”. Возникло, по-видимому, в результате переосмысления (сближения) с *Василий, Василько* или с *василиск* — “змея”) названия растения из семейства губоцветных базилик — “душистый василёк”, *Ocimum*

basilicum (basilicus — “царский” <...>) (курсив автора цитируемого текста. — Е. О.) (Там же).

Совершенно иная деривационная история у *колокольчика*. Во-первых, здесь совершенно очевидна диминутивная природа суффикса *-чик*, который появляется уже на первом этапе семантической деривации (*колокол* → *колокольчик* — маленький колокол, с помощью которого звонят, извещая о чем-либо). Во-вторых, авторы этимологических словарей пишут о звукоподражательном происхождении исходного наименования *колокол*: «КОЛОКОЛЬ <...> Звукоподражательное. Корень удвоен без перебора (удвоение интенсивное). Образование первичное (исконное): лит. *kaĩkalas* *колокольчик* (из **kalkalas*), сскр. *kaĩkaṇas* *обруч, кольцообразное украшение; kaĩkaṇĩ* — *украшение с колокольчиками; kalakalas* *беспорядочный шум, крик.* <...> Индс. корень: **gal-gala, *gel-gel-(u)* <...>» (курсив автора цитируемого текста. — Е. О.) (Преображенский, 1910–1914, с. 336). Отмечается также, что в неударенном виде этот корень встречается «во многих словах, означающих звук», например, в латинском глаголе *calo*, *-are* *восклицать, созывать* (Там же, с. 337). Вместе с тем в работах, посвященных истории колокольного звона на Руси, можно встретить и другую версию происхождения этого слова: в современном корне «**КОЛОКОЛ**» находят созвучие с общеславянским **kolo* — «круг», «дуга», «колесо» (ср. другие слова с подобной же образной основой — *около, околица, колоторот* и т. д. — во всех этих случаях имеет место сравнение обозначаемого предмета по параметру формы с неким эталоном (круг!) или идея движения предмета по кругу, по дуге). Так или иначе, внутренняя форма этого слова несет информацию не о цвете, а о форме или о характере звучания. Отмеченные различия в этимологии данных слов, в характере образной номинации влекут за собой и многие особенности их употребления.

Сразу подчеркнем, что и *василек*, и *колокольчик* — образы чрезвычайно активные как в фольклоре, так и в русской авторской поэзии. И. С. Куликова в монографии «Мир русской природы в мире русской литературы: слова-названия растений в русской художественной картине мира» делит названия цветов на непозитические и поэтические, причем к последним она относит ромашку, ландыш, василек, колокольчик, незабудку (Куликова, 2006, с. 19).

Образ «василек» встречается в компаративных конструкциях разных типов, однако явно преобладающей является прототипическая структура — устойчивое сравнение **как (словно, точно, будто) василек**, применяемая преимущественно по отношению к синим (или голубым) глазам человека (Огольцев, 2001). Ср. существительные *глаза, очи, глазки* в контекстах: *Другая девушка была полненькая, черненькая, с синими, как васильки, глазами* (Д. Л. Мордовцев. Москва слезам не верит)¹. Данное устойчивое сравнение (УС) используется в качестве характеристики внешности как мужчины, так и женщины. Заметно лишь возрастное предпочтение в употреблении этого компаративного фразеологизма: он характеризует чаще всего глаза ребенка или молодого человека.

Глаза как васильки — это, как правило, глаза ярко-синие, насыщенного голубого цвета. Подобная закономерность находит прямое отражение в системе слов-сопроводителей: синие-синие, темно-голубые: *Наконец, подняла на него свои большие*

¹ Здесь и далее используются фрагменты текстов из источника: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.08.2023). Курсив и полужирный в цитатах наши. — Е. О.

влажные глаза, темно-голубые, как васильки под росой, улыбнулась сквозь слезы, чутко насторожилась <...> (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей). Синевя глаза, как правило, сопряжена с их яркостью, сиянием, даже горением; синие как васильки глаза — это чаще всего именно яркие глаза. Ср. авторскую замену слова-сопроводителя — прилагательного причастием «горящие» или глаголом «горят»: *Как васильки или как молнии горят ее глаза* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды). Кроме основной, прототипической структуры, широко употребляются и другие компаративные конструкции: «похожий(-ие) на василек (васильки)»; сложное существительное «глаза-васильки»; устойчивая метафора «васильки».

Трансформация основания сравнения может быть частичной: наряду с признаком цвета может актуализироваться либо эмоциональное впечатление, производимое синими (голубыми) глазами, либо черты характера обладателя таких глаз; ср. эпитеты «чудные», «мечтательные» и т. п.: *Но громче, неистовее всех хохотала веселая, красивая девушка с чудными, как васильки, синими глазами* (Л. А. Чарская. Так велела царица).

В индивидуально-авторских сравнениях цвет «как у васильков» может характеризовать самые разные объекты: это могут быть глаза не только человека, но и животного, а также неодушевленные предметы, например элементы одежды (при этом основание сравнения остается неизменным — синий цвет). Основание сравнения, как правило, настолько очевидно для читателя, что анализируемая компаративная структура часто используется в эллиптическом варианте, т. е. признак-основание опускается.

В текстах XIX–XX веков с васильком сравнивается **человек** по разным признакам: *Пригреешь меня немного, и я оживаю, как василек от солнечных лучей* (В. А. Швец. Дневник); *Как василек во ржи, затаилась в толпе Натуленька; жарко молится* (Б. А. Садовской. Пшеница и плевелы); *Я в плену у жизни и верчусь, как василек на полевой дороге, приставший к грязному колесу нашей русской телеги* (М. М. Пришвин. Дневники). Обратим внимание на то, что в структуре авторских (свободных) сравнений часто присутствуют компоненты, распространяющие элемент В — образ компаративной конструкции: *как василек от солнечных лучей; как василек во ржи, как василек на полевой дороге*.

Интересно, что объектом сравнения может быть даже отвлеченное понятие; так, с образами голубых цветов (*василька* и *незабудки* прежде всего) неразрывно связаны воспоминания о детстве, ностальгия по давнему, но дорогомому прошлому: *И цветет детство в душе, вот как эти полевые незабудки, как васильки!* (Н. Ю. Устрялов. Дневник).

В поэтических текстах авторские сравнения с образом «василек» чаще встречаются не с прилагательными, а с глаголами: этот цветок предстает как скромное, нежное, уязвимое живое существо, которое способно прятаться, скрываться от людских глаз. Считая сорняком, ненужным, бесполезным растением, его топчут, втирают в пыль, безжалостно уничтожают.

«*Васильки во ржи*» или «*васильки среди пшеницы*» — один из высокочастотных образов в русской поэзии: *Как васильки во ржи, цветут в лице глаза* (С. А. Есенин. Исповедь хулигана). В есенинском тексте сравнение распространяется авторской метафорой, которая является результатом яркого окказионального сочетания: «цветут глаза». Очевидно, что анализ синтагматических связей флоронима «васильки» дает дополнительные ценные сведения, касающиеся образно-символического аспекта его семантики. Отметим, кстати, что васильки бывают и лиловые, и желтые, и белые, и розовые, и даже красные. Однако языковая система выбирает именно признак «синий» и использует его почти исключительно для описания цвета глаз человека.

Цветение васильков — символ круговорота в природе. С одной стороны, это знак начала весны или начала лета. С другой стороны, васильки на сжатом поле — признак наступающей осени: *В районе Бреста и Ивангорода зацвели васильки, рожь и белая акация (весна окончилась)* (Д. Н. Кайгородов. Из русской природы); *Вокруг хутора сплошной желтый ковер сжатого поля; изредка красят его лишь запоздалые васильки, да мак* (Г. А. Гоштовт. Дневник).

Васильки — символ возраста человека; они как бы проживают с человеком всю его жизнь, от юности до старости. Регулярной реализации этого символического значения служит природное свойство васильков менять свой цвет в зависимости от времени суток, от освещения, места произрастания и от возраста растения: *«<...> васильки, ярко-синие на солнце в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость»* (Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат); *«Я все смотрю на седые васильки, и беспокойное, тоскливое чувство овладевает мною: «Что скажет завтра физик о вечности красок?»* (В. Брагин. В стране дремучих трав).

По отношению к василькам часто используется эпитет «небесный» и его дериваты; наблюдается также соседство образа васильков и образа неба как однофункциональных, характеризующих один и тот же объект: *В проплешинах овсов небесно сияли мелкие васильки, если мы задевали сапогами межи, в глуби их начинали потрескивать и порскать черными семенами дикие маки* (В. Астафьев. Обертон).

Многие контексты подчеркивают, что васильки — дикое, сорное растение, которое забивает рожь и другие злаки, и поэтому от него не жалко избавляться; вместе с тем в текстах регулярно делается акцент на противоречии между тем вредом, который приносят посевам эти растения, и их невинной, небесной красотой: — *Кажись, васильки нарисованы, — хрипло сказал Колька Дрождев, — хоть и сорная трава, но голубая* (Ю. Коваль. Клеенка); *Васильки этакого невиданного поднебесного цвета, будто и вправду порядочный цветок* (Г. Е. Николаева. Битва в пути).

Васильков много в полях и на лугах, в разнотравье, и растут они вместе с таволгой, колокольчиками, ромашками, шалфеем, медуницей, бурьяном, подорожником, клевером, маками. Образ василька — один из цветочных образов России — широко используется в названиях художественных произведений, в живописи, поэзии, песенном жанре и т. п. (ср.: «Васильки Шагала» А. Вознесенского, романс «Всё васильки» в его многочисленных вариациях как результат переработки отрывка из стихотворения «Сумасшедший» А. Н. Апухтина).

Многие авторы, описывая васильки, прибегают к приему олицетворения: *Я шел через луговины и пажити, через заросли шиповника и коровьи стада, мне в пояс кланялись хлеба и улыбались васильки* (В. Ерофеев. Москва-Петушки); *Открыто веселая. Рожь и васильки... Давние-давние соседи. И васильки синеглазо улыбаются: ржище вольготно и нам ладно* (В. Бочарников. Синие глаза лета); *Большой луг на пологом берегу речушки укрыла густая сочная трава и множество цветов. Среди них выделялись васильки. Высокие, статные, а голубоглазые...* (А. Г. Асмолов. Принцесса Ро). Интересно, что не только голубые или синие глаза сравниваются с васильками, но и, наоборот, васильки сравниваются с глазами человеческими, т. е. образ сравнения и предмет образной характеристики способны меняться местами, демонстрируя свойство взаимной обратимости.

Несомненно, васильки — один из выразительнейших образов памяти и, вероятно, это неслучайно. Лирически-печальный ореол, который мы наблюдаем вокруг этого

незатейливого цветка, отчасти обусловлен тем, что он нередко встречается на могилах: *Тут красовались пышные гвоздики и огромные подсолнечники, пестрели разноцветные маки, благоухал канупер, ковром расстилались ноготки, колокольчики, зинзивер и — украшение могил — васильки.* (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе).

Образ василька овеян глубокой романтикой, порожденной ностальгическими чувствами детства и Родины: *Вспоминал красную рубаху в синем сосняке, густую здоровую смолу в воздухе, детское длинное лето, мягкие круги на воде вечером, когда играет мелкая рыба, мятую васильки на чьей-то русой голове...* (С. Н. Сергеев-Ценский. Бабаев).

Васильки растут повсюду, они неприхотливы. Во многих контекстах подчеркивается **незатейливость** этих цветов, которая маркируется эпитетами «скромные», «неброские», «простые», «обыкновенные». В то же время васильки вместе с другими растениями российских лугов ассоциируются с красотой гармоничных цветовых сочетаний, вызывая исключительно положительные эмоции, о чем свидетельствует частое употребление анализируемого флоронима с эпитетами «милые», «родные» и пр. Васильки могут осознаваться и как символ простой, непритязательной, гармоничной жизни на природе, чистоты и невинности.

В русской литературе васильки — это и символ ожидания любви, и образ чистого, романтического чувства: *Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, и васильки ее, давно увядшие, до сих пор хранятся у меня...* (И. С. Тургенев. Свидание).

Полевые или луговые васильки — излюбленный мотив вышитых вещей, частый рисунок на блузках, платьях, на вороте рубахи, на клеенках, скатертях, занавесках и салфетках: *А на скатерти синели васильки, вышитые самой Ксюшей* (Г. Алексеев. Зеленые берега); *Была у меня полотняная салфетка, ну я и сшила с нее и еще васильки с двух сторон вышила для приятности.* (В. Михальский. Одинокому везде пустыня).

В старину женщины собирали васильки в бутоньерки и прикрепляли к платью: *Волосы ее были прибраны чище обыкновенного и свежие васильки украшали грудь ее* (В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова). Для мужчины васильки в петлице — часть костюмного кода, символ ожидания самой главной в жизни встречи. Васильками украшали волосы, плели из них венки, прикрепляли к шляпкам: *Наденька, обыкновенно, помогала ей в этом занятии; а Пелагея Петровна все собирала васильки во ржи: наберет целую охапку васильков и начнет, бывало, плести из них венки, сплетет венок и украсит им соломенную шляпку Лидии Ивановны <...>* (И. И. Панаев. Опыт о хлыщах).

Совершенно очевидно, что образ васильков в поле неразрывно связан с образом самой России: *Я — по полю вдоль реки: света тьма, нет Бога! В чистом поле — васильки, дальняя дорога. Вдоль дороги — лес густой с бабами ягами, А в конце дороги той — плаха с топорами...* (В. Высоцкий. Моя цыганская); *Как голубые огоньки, / Среди золотых стеблей / Растут родные васильки / Для радости моей* (А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга).

Употребление второго флоризма — «**колокольчик**» — также сопряжено как с его этимологией, так и с современной семантической структурой слова. «Словарь русского языка» (МАС) под редакцией А. П. Евгеньевой в четырех томах указывает на семантическую связь между диминутивом («маленький колокол») и вторым значением, которое является результатом метафорического переноса (сходство по форме)

и используется уже для обозначения иного предмета — растения. Два лексико-семантических варианта, зафиксированных в МАС, относятся к разным лексико-семантическим группам. В обоих случаях имеет место своего рода лексикализация уменьшительно-ласкательной формы. Обратим внимание на то, что словарная дефиниция отражает сему образного сравнения: «с <...> цветками, похожими на маленький колокол» (МАС, 1982, с. 75).

Словарь А. Г. Преображенского приводит однокоренные слова *колокольчик*, *колокольный*, *колокольня*, *колоколёц* (предсмертное, хриплое дыхание), *колоколка* (головка растений), *колокольчатый*, диал. *колоколить* (звонить, трезвонить), указывает на этимологическую связь слов данного гнезда со старославянским «клакол» и на их звукоподражательную природу.

Любопытно, что у В. И. Даля находим собрание пословиц и поговорок, упоминающих колокол (но не колокольчик-цветок!) и те звуки, источником которых он является. В системе устойчивых сравнений слово «колокольчик» также присутствует в основном своем значении «маленький колокол, звонок». Сравнению подвергается чаще всего женский (детский, девичий) голос (по признакам «звенеть», «заливаться»; «звонкий», «высокий», «нежный», «чистый», «тоненький», «заливистый»): *Ночами ей снилось: маленькая кудрявая девочка бежит по комнате, и голосок у девочки звонкий как колокольчик*. (А. В. Перегудов. В те далекие годы). В текстах часто встречается и творительный сравнения. Это устойчивые выражения, употребляющиеся в основном как характеристика голоса человека, его пения или смеха, реже — при описании пения птиц или голоса другого животного (например, лая собаки): *С террасы зазвенели колокольчиками детские свежие голоса* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Запоздавшая весна).

Особого внимания заслуживают контексты, в которых сближаются два колокольчика — колокольчик звонящий и колокольчик-цветок: *«Как колокольчик прозвенело имя, / Как колокольчик — Дина — колокольчик / Лиловый, среди полей, звенящий солнцу»* (М. О. Цетлин (Амари). Айседора: «Сегодня пир, сегодня радость солнца...»). С одной стороны, сравнение осуществляется по признаку «звонкий» и характеризует звучание имени, а с другой — возникает образ полевого колокольчика, «звенящего солнцу». В ином контексте смех человека уподобляется звону колокольчиков, но именно цветов: *Она смеялась, как тысяча тысяч синих колокольчиков. Она засмеялась. Колокольчики. Похоже на смех Офелии* (Василий Аксенов. Звездный билет. Юность. 1961).

Обратим внимание: из двух сопоставляемых нами образов именно *василек* (не колокольчик!) широко распространен во фразеологии как эталон цвета. На активность цветообозначений в устойчивых единицах языка указывают многие известные ученые, в частности: (Ковшова, 2012, с. 218), однако не менее важно и то, что сам по себе выбор эталонов цвета очень прихотлив и на первый взгляд алогичен.

Заслуживает внимания и прилагательное «колокольчиковый», которое тоже употребляется главным образом в значении «звонкий, чистый, нежный, как колокольчик» и характеризует звучание человеческого голоса, смех, реже — иные звуки: *Голос ее был колокольчиковый — хотя мне сказали, что Дине немало лет* (Д. Осокин. Утиное горло). Ср. также: *колокольчиковый звук речей демократов* (В. Маканин); *серебряный колокольчиковый смех* (А. Битов); *колокольчиковый голосок* (В. Ю. Кунгурцева); *колокольчиковые звуки финала* (Е. Евтушенко); *колокольчиковая музыка пианино*

(А. Г. Малышкин). Во всех приведенных контекстах значение прилагательного «колокольчиковый» мотивируется первым значением существительного «колокольчик» (*маленький колокол*).

Другие фрагменты, в которых это прилагательное связано со вторым значением существительного (*цветок, растение*), очень немногочисленны. В последнем случае могут актуализироваться два основных значения: 1) безобразное значение «относящийся к колокольчикам» или «состоящий из колокольчиков»: *колокольчиковые полянки, колокольчиковая семья* и пр.; 2) похожий на колокольчики по внешнему виду: «*сиреневые цветочки колокольчикового типа*». В научных и научно-популярных текстах (реже — в художественных и публицистических) употребляется также ботанический термин, наименование семейства растений — субстантиват «колокольчиковые»: *Но далеко не все знают, что колокольчик (Campanula) — всего лишь один из многочисленных (около 80) родов семейства колокольчиковых* (Красота без звона. Аргументы и факты. 23.06.2005).

Более широкое употребление существительного «колокольчик» в первом значении подтверждается сведениями НКРЯ: из трехсот проанализированных нами были отобраны те, в которых колокольчик — это название цветка (всего таких фрагментов оказалось 55, что составляет 18,3 %).

Чрезвычайно интересны примеры, в которых сближаются значения исходного мотивирующего существительного «колокол» и мотивированного «колокольчик-2», благодаря тому, что образованные от них прилагательные сосуществуют в одном контексте:

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над *колокольчиковым* лугом
Собор звонит в *колокола!*
Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу *звон и колокольный,*
И *колокольчиковый* *звон.*
И *колокольцем* каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

(Н. Рубцов. Левитан)

Колокольчики сближает с колоколом не только форма: они еще и позванивают на ветру: *...Он слышал, как голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка...* (Н. В. Гоголь. Вий); *Колокольчики мои, / цветики степные! / Что глядите на меня / Темно-голубые / И о чем звените вы / в день веселый мая / средь некошеной травы / головой качая?* (А. К. Толстой. Колокольчики мои...). Звенят колокольчики только поздней осенью, перед морозами.

Для поэтических текстов характерен прием олицетворения: как и васильки, колокольчики уподобляются человеку, однако основанием сравнения являются, как правило, не синий цвет, а форма и расположение соцветий на стебле: колокольчики «наклоняют головки», «качают головками». Очень часто применяются эпитеты

«поникшие», «склоненные»: *Они очень красивые, эти белые цветы, колокольчики, склоняющиеся книзу, как в молитве* (Г. Садулаев. Шалинский рейд).

Они, как правило, «синие», «голубые», «голубоватые», «голубенькие», «темно-голубые», «лазоревые». Встречаются колокольчики сиреневатые, лиловые, тускло-лиловые. Колокольчики не столь яркие цветы, как васильки, они чаще употребляются с эпитетами «светло-голубые», «нежные», «прозрачные», «бледные»: *Разочарованное стекло от глаз к подбородку, и лицо Эви сразу сделалось длинным, как светлый луговой колокольчик, если его сорвать и перевернуть* (Ю. Лавряшина. Улитка в тарелке).

Колокольчики растут и в лесу, и в степях, и в полях, и в горах, нередко на выгоревших местах, прямо на пепелищах. Так же как и василек, колокольчик нередко сопровождается эпитетом «скромный», что во многом объясняется непритязательностью данных цветов, растущих в любых условиях, например в расщелинах между камнями: *Скучную кирпичную стену способно оживить даже всего одно маленькое растеньице колокольчика, выросшее в щели* (В. Иршенкова. Свой уголок я убрала цветами).

Судя по материалу НКРЯ, букеты из колокольчиков не так хороши, как из васильков, и венки из них плетут реже. В венке они чаще соседствуют с другими полевыми цветами: *На голове её несколько криво водружён был широкий веночек из полевых трав и цветов: колокольчиков, лютиков, васильков, розовых звёздочек с переводящимися лепестками, — Ваня звал эти цветы часиками* (В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел).

Как мотив русской вышивки колокольчики, вероятно, тоже менее популярны, однако упоминания о вышивках с колокольчиками тоже встречаются, причем этот мотив причудливо переплетается в народном сознании со звенящими колоколами: *Развернула: узор знакомый — не то колокола, не то цветы — колокольчики, сплетенные между собой извилистыми усиками* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Колокольчик богато представлен в русской поэзии. Широкую известность получило стихотворение А. К. Толстого, вошедшее в школьную программу и положенное на музыку (романс на стихи П. П. Булахова). Оно стало настолько популярным, что у многих возникает сомнение в том, что у него есть конкретный автор. Ср. заглавие статьи: «*Колокольчики мои, цветики степные...*» — народна ли эта песня? (Т. Яковлева. Частный взгляд на народность культуры. *Менестрель*. 2013).

Колокольчик (как и исходное «*колокол*») — один из эталонов формы, который широко применяется для описания других предметов, прежде всего цветов: *У цветков, имеющих воронкообразную форму (колокольчики, наперстянка, львиный зев), кусочками ваты заполняют полость трубки* (Л. Белецкая. Флористическая живопись. *Наука и жизнь*. 2009).

В связи с тем, что колокольчик имеет характерную воронкообразную форму, внутри которой полое пространство, ему часто уподобляются головные уборы. В 20-х годах XX века была в моде дамская шляпка в форме колокольчика — *клош* (фр. *cloche* — «колокол»), созданная французской модисткой К. Ребу. Такие шляпки, которые воспринимались как символ юности, свободы, раскрепощенности, чаще всего делали из фетра. Они плотно облегли голову и надвигались низко на лоб, а в конце 20-х годов XX века в соответствии с новой модой их поля стали заворачивать наверх. Вместе с тем возможен обратный перенос: цветочек колокольчика уподобляется головному убору: *А рядом с Ваней стояла коротышка ростом с локоток, макушка крошки*

*Додо́лы как раз уперлась в **цветок-колокольчик**, росший на поляне* (В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел).

Колокольчики — символ нежной, чистой, скромной красоты и свежести: *Арбузной свежестью веет от ваших помыслов, они чисты и прекрасны, как запах свежей травы, клевера, кашки и колокольчиков — да, именно колокольчиков — после дождя* (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»). По отношению к колокольчикам, как и по отношению к другим полевым и луговым цветам, широко употребляются такие определения, как «простые», «непритязательные», «скромные», «безыскусственные». Скромность как качество человеческой натуры, «милое», привлекательное для русского человека, нередко сравнивается с колокольчиком: *«Алексей Константинович не был “властителем дум”; его поэзия расцвела любимым им полевым колокольчиком, прячущимся в траве. Но кто скажет, что милее душе... Колокольчики мои, Цветики степные! Что смотрите на меня, Темно-голубые?»* (Л. Серова. Гармонии таинственная власть. Наука и жизнь. 2007).

Наши наблюдения над функционированием лексем «василек» и «колокольчик» в русских поэтических и прозаических текстах подтверждают тот неоспоримый факт, что фитонимы-метафоры составляют значимую часть индивидуальных поэтических картин мира, каждая из которых представляет собой своеобразное творческое преломление русской национальной картины мира как общекультурного феномена (Афанасьева, 2020).

Заключение

Итак, очевидно, что номинации *колокольчик* и *василек* представляют значительный интерес для анализа русской языковой картины мира. Эти образы роднит не только синий цвет, но и неприхотливость, широкая распространенность в самых разнообразных российских ландшафтах, красота их сочетаний с другими полевыми и луговыми цветами. Объективные признаки анализируемых растений неразрывно связаны с субъективными, наивно-лингвистическими, культурно обусловленными представлениями о них языкового коллектива, что находит отражение в системе русской фразеологии и текстах разных стилей и жанров.

Анализ образов василька и колокольчика в наивной картине мира наглядно показывает существенное различие между ними: если первый образ — преимущественно эталон синего цвета, то второй — синкретичный образ, в котором совмещаются и сложно переплетаются признаки цвета, формы и звучания. Обе номинации возвышаются над конкретно-вещными образами и относятся к сфере отвлеченных представлений, символизируя такие духовные ценности, как скромность, нравственная чистота, доверие и верность, надежда на будущее и светлые воспоминания о милом сердцу прошедшем.

Список источников

1. Блох, М. Я. (2006). Концепт и картина мира в философии языка. *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)* (с. 37–40). Материалы Международной научно-практической конференции, 17–19 марта 2006 года. Элпис.

2. Касевич, В. Б. (1996). *Буддизм. Картина мира. Язык*. Петербургское Востоковедение.
3. Летова, А. М. (2021). *Семантические особенности фитонимов в русском языке* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].
4. Архипова, Н. Г., & Куроедова, М. А. (2021). Образ цветка как фрагмент языковой картины мира (на материале русского и китайского языков). *Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», 92*, 110–114.
5. Лескова, Е. В. (2021). Особенности изучения фразеологизмов с компонентом-флоронимом на занятиях по РКИ: лингвокультурологический аспект. *Филология и культура, 4(66)*, 270–274.
6. Бойко, Л. Г. (2008). Мир флоры в устойчивых сравнениях. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 10(34)*, 75–77.
7. Солоухин, В. А. (1986). *Трава*. Современник.
8. Сухова, К. И. (2022). Фитонимический код в лирике В. А. Солоухина (на примере цветочных растений). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 4(47)*, 76–83.
9. Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. 2-е изд. Т. I. Прогресс.
10. Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. 2-е изд. Т. II. Прогресс.
11. Даль, В. И. (1955). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. I. А–З. Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
12. Даль, В. И. (1881). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. II. И–О.
13. Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь русского языка*: 13 560 слов: в 2 т. Т. I. Русский язык.
14. Преображенский, А. Г. (1910–1914). *Этимологический словарь русского языка*. Т. I. А–О. Типография Г. Лиснера и Д. Совко.
15. Куликова, И. С. (2006). *Мир русской природы в мире русской литературы: слова-названия растений в русской художественной картине мира*. Наука, Саха.
16. *Национальный корпус русского языка*. (2023, 30 августа). <http://www.ruscorpora.ru>
17. Огольцев, В. М. (2001). *Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимомантонимический)*. Русские словари: Астрель: АСТ.
18. *Словарь русского языка (МАС)*: в 4 т. (1982). А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова (Ред.). 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Русский язык.
19. Ковшова, М. Л. (2012). *Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры*. Монография. Либроком.
20. Афанасьева, Н. А. (2020). Русская поэтическая картина мира: лингвистический подход. *Филологический класс, Т. 25, 4*, 80–87.

References

1. Bloch, M. Ya. (2006). The concept and picture of the world in the philosophy of language. *Problems of semantics of linguistic units in the context of culture (linguistic and linguometodic aspects)* (pp. 37–40). Materials of International Scientific and Practical Conference, 2006, March 17–19. Elpis. (In Russ.).
2. Kasevich, V. B. (1996). *Buddhism. A picture of the world. Language*. Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.).
3. Letova, A. M. (2021). *Semantic features of phytonyms in the Russian language* [Dissertation ... for the PhD (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
4. Arkhipova, N. G., Kuroedova M.A. (2021). The image of a flower as a fragment of the linguistic picture of the world (based on the material of Russian and Chinese). *Bulletin of the Amur State University. Series «Humanities», 92*, 110–114. (In Russ.).
5. Leskova E. V. (2021). Features of the study of phraseological units with a component-a floronym in the classroom on RCT: linguoculturological aspect. *Philology and Culture, 4(66)*, 270–274. (In Russ.).

6. Boyko, L. G. (2008). The world of flora in stable comparisons. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(34), 75–77. (In Russ.).
7. Soloukhin, V. A. (1986). *Herb. Sovremennik*. (In Russ.).
8. Sukhova, K. I. (2022). Phytonymic code in the lyrics of V. A. Soloukhin (on the example of flower plants). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 4(47), 76–83. (In Russ.).
9. Fasmer, M. (1986). *Etymological Dictionary of the Russian language*: in 4 vol. 2nd Ed. Vol. I. Progress. (In Russ.).
10. Fasmer, M. (1986). *Etymological Dictionary of the Russian language*: in 4 vol. 2nd Ed. Vol. II. Progress. (In Russ.).
11. Dal, V. I. (1955). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 vol. Vol. 1. A–Z. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovaroj. (In Russ.).
12. Dal, V. I. (1881). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: in 4 vol. Vol. II. I–O. (In Russ.).
13. Chernykh, P. Ya. (1993). *Russian Russian Historical and Etymological dictionary*: 13 560 words: in 2 vol. Vol. 1. Russkiy yazyk. (In Russ.).
14. Preobrazhensky, A. G. (1910–1914). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 1. A–O. Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko. (In Russ.).
15. Kulikova, I. S. (2006). *Russian Russian Nature World in the world of Russian literature: words are the names of plants in the Russian artistic picture of the world*. Nauka, Saga. (In Russ.).
16. The National Corpus of the Russian language. (2023, August 30). <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.).
17. Ogoltsev, V. M. (2001). *Russian Dictionary of stable comparisons (synonymous-antonymic)*. Russkie slovari: Astrel': AST. (In Russ.).
18. *Dictionary of the Russian language (MAS)*: in 4 vol. (1982). A. P. Evgenieva, G. A. Razumnikova (Eds.). Vol. 2. Russkiy yazyk. (In Russ.).
19. Kovshova, M. L. (2012). *Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture*. Monograph. Librocom. (In Russ.).
20. Afanasyeva, N. A. (2020). The Russian poetic picture of the world: a linguistic approach. *Philological class*, Vol. 25, 4, 80–87. (In Russ.).

Информация об авторе

Екатерина Васильевна Огольцева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Information about the author

Ekaterina V. Ogoltseva — Doctor of Philology, docent, Professor of the Department of the Russian Language, Moscow Pedagogical State University; Professor of the Department of Slavic Philology at St. Tikhon Orthodox University of the Humanities.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Научная статья

УДК 81`37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.09

**СОМАТИЧЕСКИЙ КОД РУССКОЙ ПЕЧИ
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ****Якушевич Ирина Викторовна¹,
Бурмина Виктория Ильинична²**^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,¹ yakushevichiv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>² burmina@outlook.com

Аннотация. Цель работы — описание множества лексических единиц, составляющих группу сомонимов русской печи. Сомонимы представляют собой совокупность лексических единиц, обозначающих части или области тела, т. е. входят в состав соматического кода, который транслирует культурную информацию посредством языка. Русская печь как явление культуры занимает центральное место в ряде жанров русского фольклора, а интерпретация ее семантики является актуальной проблемой этнолингвистики и лингвокультурологии. Печь сопоставляется с человеком в рамках оппозиции «верх – низ». В работе описаны и проанализированы сомонимы верхнего, среднего и нижнего уровней тела человека. Перенос названий осуществлен на основе сходства по форме частей тела и деталей печи с учетом их функционирования.

В результате анализа сомонимов верхнего, среднего и нижнего уровней тела человека авторы пришли к следующим выводам. Названия верхней части печи соотносятся с головой и лицом человека. Детали средней части могут соотноситься и с головой, и со станом: причина кроется в мифологических воззрениях славян на жизненные центры. Сомонимы нижнего уровня тела человека применительно к печи могут располагаться не только внизу, у пола, но и посередине, внутри, а также сверху, в трубе.

Источником лексического материала статьи послужили диалектные словари русского языка.

Ключевые слова: сомонимы, соматический код, русская печь, лингвокультурология, этнолингвистика.

Для цитирования: Якушевич, И. В., Бурмина, В. И. (2023). Соматический код русской печи в русских народных говорах. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 118–127. <https://doi.org/DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.09>

Original article

UDC 81'37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.09

SOMATIC CODE OF RUSSIAN STOVE
IN RUSSIAN VERNACULAR DIALECTSIrina V. Yakushevich¹,
Victoria I. Burmina²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,¹ yakushevichiv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>² burmina@outlook.com

Abstract. The research aims at describing a set of lexical units that make up a group of the Russian stove somonyms. Somonyms are a set of lexical items denoting parts or areas of the body, that is, they are part of the somatic code that translates cultural information through language. Russian stove as a cultural phenomenon occupies a central place in a number of Russian folklore genres, and the interpretation of its semantics is a relevant issue in terms of ethnolinguistics and linguoculturology. The Russian stove is compared to a person within the upper – lower opposition. The paper describes and analyzes the somonyms of the upper, middle and lower levels of the human body. The transfer of names is carried out on the basis of similarity in the shape of body parts and furnace parts, considering their functioning.

The analysis of the top-level somonyms of the human body (head and neck) showed that the upper part of the Russian stove is identified with the head and face of a person. The analysis of the somonyms of the middle part of the human body proves that, despite the person's traditionally formed interpretation of their own body, the somonyms of the Russian stove do not quite correlate with the human body, the somonyms naming the upper part of the human body can also denote the middle part, they relate to the head, then to the mill. The reason for this probably lies in the mythological ideas of man concerning the vital centers: the Slavic mythology consider the head and belly (navel) to be the vital centers. The analysis of the somonyms of the lower level of the human body (legs) showed that, in relation to the Russian stove, such somonyms can be located not only below, near the floor, but also in the middle, inside (in the hole), as well as above, in the pipe.

The source of lexical material was dialect dictionaries of the Russian language.

Keywords: somonyms, somatic code, Russian stove, linguoculturology, ethnolinguistics.

For citation: Yakushevich, I. V., Burmina, V. I. (2023). Somatic code of the Russian stove in Russian vernacular dialects. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 118–127. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.09>

Введение

Сохранение культурных традиций и идентичности нации — проблемы, которые не теряют своей актуальности в мире. Современные исследователи акцентируют внимание на том, что для лингвистики одной из важнейших задач является изучение национального менталитета (Якушевич, 2022, с. 201). Русская печь — культурный код, ведь она занимает центральное место в ряде жанров русского фольклора: сказке, былине, быличке, свадебных песнях, причитаниях, загадках, пословицах; роль печи обнаруживается в погребальном и свадебном обрядах; в обрядовых действиях, связанных со скотом; в народной демонологии, в магии и гадании,

любовном заговоре (Топорков, 2009, с. 39). Интерпретация семантики *русской печи* — актуальная проблема этнолингвистики и лингвокультурологии.

Цель исследования — рассмотреть культурный (соматический) код русской печи, описать лексические единицы, составляющие группу сомонимов русской печи. Источником лексического материала служат диалектные словари (Борисова и др., 2000–2002; Герд, 1994–2002; Дегтярев, 2003; Левичкин и др., 2006; Областной словарь вятских говоров, 1996–2008; Паникаровская, 1983–2007; Юмсунова, 1999; Филин и др., 1968–2013).

Под соматическим кодом понимается совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные и количественные характеристики, состояния и действия (Гудков, 2007, с. 117). Культурная информация транслируется посредством языка, находит свое отражение в говорах и фольклоре.

Соматический код — самый древний код культуры (Красных, 2001, с. 6). Познание мира человеком началось с познания самого себя. Он идентифицировал себя с окружающим миром, противопоставлял и отождествлял. Так появились соматизмы, под которыми подразумевается широкое понятие, включающее в себя части тела человека (рука, голова и т. д.), номинации костей, внутренних органов, органов чувств и болезни человека (Мугу, 2003, с. 13; Гудков, 2007, с. 72).

В своем диссертационном исследовании Р. Ю. Мугу приводит достаточно полную классификацию соматизмов в зависимости от характера объекта номинации (Мугу, 2003, с. 15), среди которых выделяется более узкая группа сомонимов. Это лексические единицы, обозначающие части и области человеческого тела (Мугу, 2003, с. 13). Данные слова выступают объектом нашего исследования.

Осмысление печи как человеческого тела упоминается в ряде изысканий. Некоторые части печи как группа соматизмов выделены И. А. Подюковым при рассмотрении терминов обустройства избы (*голова, лоб, чело, хайло*) (Подюков, 2016, с. 52). С. З. Агранович и Е. Е. Стефанский в контексте изучали концепт ‘печь’ (Агранович, 2003, с. 63). И. В. Якушевич при анализе символической модели «печь – человек» в диалектной лексике вычленяет слова, одновременно обозначающие части печи и части тела человека (Якушевич, 2019, с. 483).

Соматический код русской печи

В текстах архаических заговоров человек определенным образом соотносит расположение частей тела по условной горизонтальной линии (от внутренней анатомии, органов, к внешней — частям тела) и вертикальной. Доминирует вертикальное «упорядочивание» человеческого тела: «сверху вниз с головы до пят» (Мазалова, 2001, с. 14).

Оппозиция *верх – низ* наиболее значима для большинства культур, мифологические картины изображают мир преимущественно по вертикали. Особая значимость вертикальной оси обусловлена строением человека: именно его тело структурирует пространство, задает его мерность (Масалева, 2010, с. 70).

В статье мы рассмотрим «внешний атлас тела человека с головы до ног» (Гудков, 2007, с. 117). Тело человека условно можно разделить на три уровня: верхний (голова и шея), средний (тело и руки), нижний (ноги).

Наша гипотеза заключается в том, что в русской диалектной лексике отражено мифологическое представление о печи как о двойнике человека, и поэтому названия ее частей метафорически соотносимы с частями тела человека, которые рассматриваются по вертикали «верх – низ».

Сомонимы верхнего уровня тела человека: голова и шея

Начнем рассмотрение русской печи с самой узнаваемой ее детали — арочного проема во внутреннюю часть, отверстия, которое закрывается заслонкой после топки. Это *устье*, этимологически номинация связана со словом *уста* (Черных, 1999, т. 2, с. 293). *Устье* расположено на передней стенке печи — *лице* (новг.) (Сыщиков, 2006, с. 62). *Устье* печи визуально напоминает рот, а в подтверждение тому обнаруживается и слово *роток* (костром.) — ‘устье печи для сушки рыбы’ (Филин и др., 1968–2013, т. 35, с. 205).

Заглянув в отверстие печи, мы увидим арочный свод, который служит для прогрева печи до более высокой температуры. Арочный свод имеет номинации: *нёбо*, *понёбо*. *Нёбо* — ‘верхняя часть свода русской печи’ (Евгеньева, 1986, с. 422). *Нёбо* печи, как и *нёбо* человека, имеет сводчатую форму. *Понёбо* (влад.) — ‘свод русской печи’ (Филин и др., 1968–2013, т. 29, с. 254).

Помимо *нёба*, в отверстии печи, внутри, мы обнаруживаем *шейку*, нижнюю часть печной трубы (кем.) (Сыщиков, 2006, с. 72), или *шею* — ‘дымоход печи’, ‘передняя часть русской печи, чело’ (рост.) (Десятрев и др., 2003, с. 989). Перенос осуществляется по причине сходства по форме с шеей человека.

Над *устьем*, также внутри печи, находится *печная голова* — (волог.) ‘верхняя часть печи над ее устьем’ (Сыщиков, 2006, с. 61). Здесь имеет место метафорический перенос головы человека как верхней части его тела. Еще одно название *печной головы* — *кожух* (волог.) — ‘лицевая часть печки, выступ спереди над устьем русской печи’ (Филин и др., 1968–2013, т. 14, с. 52). Имеется в виду оболочка трубы, ее «одежда», «покрытие» (Трубачев, с. 12). Эту же деталь также называют *челишником* (Левичкин и др., 2006, с. 553). Внутренняя форма связана со словом *чело*. *Печная голова*, *кожух*, или *челишник* — место над *шестком* печи, куда выходит дым из топки через устье. *Шесток* — внешнее пространство перед устьем, на него ставят посуду с пищей до или после приготовления.

Печь украшали *приголовашками* (волог.). Это ‘выступ над шестком или устьем у русской печки’. На *приголовашек* (или *приголовашку*) можно положить небольшие предметы, необходимые в быту у печки, например спички. Приставка *при-* указывает на то, что *приголовашек* находится в непосредственной близости с верхней частью печи — печной головой, присоединен к ней (Паникаровская, 1983–2007, т. 8, с. 41).

В русских говорах встречаются диалектизмы, обозначающие боковую стенку печи, если смотреть на нее изнутри устья, заглянув в него (Федотов, с. 39). Эти два боковых углубления устья, куда сгребают уголь, соотношены со щеками человека или скулами. Их так и называют — *скул*, *скуло́*, *заскул*, *заскульшико* и *щёки*. *Скул* (тул.) — ‘бок русской печи’ (Филин и др., 1968–2013, т. 38, с. 180). *Скуло́* (тул.) — ‘одно из боковых углублений русской печи перед топкой’ (Там же, с. 183). *Заскул* (курск.) — ‘место в русской печи, куда сгребают жар’ (Филин и др., 1968–2013: т. 11, с. 39). *Заскульшико* (курск.) — ‘прохладное место в топке русской печи’ (Там же).

В донских говорах задняя стенка устья печи называется *затылок* (рост.); он, безусловно, противопоставлен тыльной стороне русской печи (Дегтярев и др., 2003, с. 183).

Итак, анализируя сомонимы русской печи, соотносимые с верхней частью тела человека, мы обнаружили следующие лексические единицы: *печная голова, кожух, челишник, челушко, подчелочник, приголовашек, приголовашка, устье, роток, затылок, лицо, понёбо, нёбо, скул, скуло, заскул, заскульшко, щёки, хайло, шейка*. Лицевая часть печи отождествляется с головой и лицом человека.

Сомонимы среднего уровня тела человека: стан и руки

Рассматривать эту группу сомонимов, называющих части тела среднего уровня, начнем опять с обозначения самой узнаваемой детали печи. Но теперь это будет не печное отверстие, а предмет, которым это отверстие закрывают, — заслонка. В иркутской области ее называют *пуп*, или *свекрухин пуп* (иркут.) — ‘заслонка у печки’. Есть конкретный пример употребления этого слова в детской игре: «Олень назначает, кому что делать для выкупа фанты в ноги кланяться, сплясать, свекрухин пуп показать (т. е. принести и показать заслонку)» (иркут.) (Филин и др., 1968–2013, т. 33, с. 127).

Над заслонкой и над устьем, как было сказано ранее, есть часть печи, которую изготавливали, чтобы положить какой-то небольшой предмет, например спичечный коробок: *плечо, заплечик, приплечник, приплечье*. *Плечо* (моск.) — ‘верхний внешний край печи’ (Сыщиков, 2006, с. 61). *Заплечик* — ‘часть печи’ (урал.) (Филин и др., 1968–2013, т. 10, с. 329). *Приплёчник* (иркут.) — ‘выступ на передней стороне русской печи’ (Филин и др., 1968–2013, т. 31, с. 348), *приплечье* (урал.) — ‘выступ на боковой стороне русской печи’ (Филин и др., 1968–2013, т. 31, с. 348).

Теперь снова заглянем внутрь печи. Здесь есть *пазуха* (волог.) — ‘стенка над челом печи вместо кожуха, кончающаяся наверху конусом’, а также *пазуха* (новосиб.) — ‘угол в печке; место, куда сгребают угли’ (Сыщиков, 2006, с. 62; Филин и др., 1968–2013, т. 25, с. 149). *Пазуха* этимологически имеет значения: ‘рука’, ‘предплечье’, ‘плечо’, ‘подмышка’ (Фасмер, 1986–1987, т. 3, с. 187). Новосибирская номинация *пазухи* – *запазуха* (новосиб.) — ‘боковые выемки в печи между задним и передним челом’ (Филин и др., 1968–2013, т. 10, с. 299).

В печной трубе обнаруживается *локоть* (яросл.) — ‘колени в печной трубе’ (Филин и др., 1968–2013, т. 17, с. 114).

Зад (тунк.) — ‘задняя часть русской печи’ (противоположная той, которая состоит из очага с трубой и *опечка*) (Филин и др., 1968–2013, т. 10, с. 39).

Опечек — основание печи, которое возводилось над фундаментом.

Дуплё (олон.) — ‘верхний свод печки’ (Филин и др., 1968–2013, т. 8, с. 258). Но словом *дуплё* в смоленском диалекте называют ягодицы (смол.) (Филин и др., 1968–2013, т. 8, с. 258).

Тыло (тунк.) ‘внутренняя боковая стенка русской печи’. *Тыл* буквально — «выпуклость», затем — «затылок» и далее — «задняя часть чего-л. вообще» (Шанский, 1971, с. 487), т. е. задняя часть тела человека или каркаса печи.

Итак, анализируя сомонимы верхней части тела человека, мы выделили следующие лексические единицы: *пуп, плечо, заплечик, приплечник, приплече, пазуха, запазуха, локоть, зад, дуплё, тыло*.

Печь делится на части (сомонимы) не *снизу вверх*, согласно традиционному представлению о теле человека, а, скорее, по горизонтали. Одни и те же части печи переосмысливаются и называются по-разному в рамках определенной части тела человека, соотносятся то с головой, то со станом. Причину такого осмысления можно искать в славянской мифологии. Голова — наиболее важная часть тела, этоместилище сознания, орган, управляющий всем телом (Мазалова, 2001, с. 15). *Живот* в значении *часть тела* возник в результате смыслового переноса из существительного живот в значении *жизнь* (Шанский, 1971, с. 147), в пупе находится сосредоточение жизненных сил, их баланс и распределение (Мазалова, 2001, с. 39). В мифологических представлениях славян *голова* и *живот* — жизненные центры, значимые части тела, номинации которых переносятся на печь, детали печи вокруг этих *центров* получают также номинации-сомонимы, печь выступает как бы в обличье человека. Русская печь в избе — «организующий центр дома, символ духовного и материального единства живущих в доме родственников, источник жизни» (Толстая, 2002, с. 142).

Сомонимы нижнего уровня тела человека: ноги

Важно, что не только голова и живот являются жизненным центром человека, но и ноги (Мазалова, 2001, с. 41). Интересно, что диалектизм *нога* называет не только ту деталь печи, которая находится внизу ее остова. Это может быть нижняя часть любой детали печи. Так, в Вологодской области *нога* — ‘деревянное основание печки’ (Филин и др., 1968–2013, т. 21, с. 264), а в Архангельской и Ярославской областях нога — ‘основание трубы русской печи’ (Филин и др., 1968–2013, т. 21, с. 264).

В Вятской области *нога* — ‘одна из наружных боковых стенок у отверстия русской печи’ (Областной словарь вятских говоров, 1983–2007, т. 6, с. 250), а *ножка* (вят.) — ‘углубление в печи, в противоположной стороне от горна, куда ставят чугуны’ (Там же, с. 249). В кировском говоре также у печи есть *ноги* (кир.) — ‘наружные боковые стенки отверстия у печи’ (Сыщиков, 2006, с. 61). *Ногами* эти части печи названы потому, что они являются опорой печи или печной трубы.

В печной трубе есть *коленко* (перм.) — ‘поворот у печной трубы’ (Борисова и др., 2000–2002, т. 1, с. 442), получившее название по внешнему сходству с соответствующей частью тела человека.

Стопа (яросл.) — ‘остов печи от основания до трубы’ (Филин и др., 1968–2013, т. 41, с. 231). Стопа как часть тела человека — непосредственно та часть, которая соприкасается с землей, т. е. функционально — это то, что служит основанием, опорой.

Пошва (влад.) — ‘основание печи, часть печи, опече, пошва’. Пошва — подошва обуви (алт.) (Филин и др., 1968–2013, т. 31, с. 26), это, как и у человека, та часть, что непосредственно соприкасается с землей.

Итак, анализируя сомонимы нижней части тела человека, мы обнаружили следующие лексические единицы: *нога, ноги, ножка, коленко, стопа, пошва*. Несмотря на то что перечисленные номинации применительно к человеку входят только в группу

пояса нижних конечностей, у печи они расположены не только внизу, у пола, они встречаются и посередине, внутри (в отверстиях), а также сверху, в трубе. Это связано с относительностью понимания семы 'низ': в одном случае это низ всего печного сооружения (*нога, пошва, стопа*), а в другом — только одной из ее деталей (*коленко, ноги, ножка*).

Заключение

Мы рассматриваем культурный код как многогранное понятие, в котором объединены явления природы и предметы, созданные руками человека, а также элементы внешнего и внутреннего миров. В основе культурного кода лежат сложившиеся у народа представления о сходстве и различии окружающих их объектов, особенности мировоззрения (Маслова, 2016, с. 16).

Культурный код печи выражен целой системой диалектизмов, отражающих антропоморфное восприятие печи как двойника человека.

Соматический код русской печи заключается в мифологическом осмыслении человека собственного тела, перенесенного на названия деталей русской печи. Нами были обнаружены сомонимы верхней, средней и нижней частей его тела. Перенос названий осуществлен на основе сходства по форме частей тела и деталей печи с учетом их функционирования.

Сомонимы — совокупность лексических единиц, обозначающих части или области тела, т. е. входят в состав соматического кода, который транслирует культурную информацию посредством языка.

Названия верхней части печи сопоставляются с верхней частью тела человека (головой и лицом). Что касается ее средней части, здесь не наблюдается такого точного переноса номинаций: обнаруживаются сомонимы как головы, так и стана. Сомонимы нижнего уровня тела человека применительно к печи могут располагаться не только внизу, у пола, но и посередине, внутри, а также сверху, в трубе.

Список сокращений

- Алт. — Алтайское
- Влад. — Владимирская губерния (область)
- Волог. — Вологодская область
- Вят. — Вятская губерния (область)
- Иркут. — Иркутская губерния (область)
- Кем. — Кемский район Карелии
- Кир. — Кировская область
- Костром. — Костромская губерния (область)
- Курск. — Курская область
- Моск. — Московская область
- Новг. — Новгородский район Новгородской области
- Новосиб. — Новосибирская область
- Олон. — Олонецкая губерния (Олонецкий район Республики Карелия)
- Перм. — Пермская губерния (область)
- Рост. — Ростовская область
- Смол. — Смоленская губерния (область)

Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области

Тул. — Тульская губерния (область)

Тунк. — Тункинский район Бурятии

Урал. — Уральский регион

Яросл. — Ярославская губерния (область)

Список источников

1. Агранович, С. З. (2003). *Миф в слове: продолжение жизни*. Очерки по мифолингвистике. Самарская гуманитарная академия.
2. *Большой толковый словарь донского казачества*. (2003). В. И. Дегтярев (Ред.). Русские словари: Астрель.
3. Гудков, Д. Б. (2007). *Телесный код русской культуры*. Материалы к словарю. Гнозис.
4. Мазалова, Н. Е. (2001). *Человек в традиционных соматических представлениях русских*. Петербургское востоковедение.
5. Масалева, Н. В. (2010). *Соматизмы в русской языковой картине мира* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Иваново].
6. Маслова, В. А. (2016). *Коды лингвокультуры*. Флинта.
7. Мугу, Р. Ю. (2003). *Полисемантизм соматической лексики: На материале русского и немецкого языков* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп].
8. *Областной словарь вятских говоров*. (1996–2018). Научная лаборатория «Духовная и материальная культура Вятского края в прошлом и настоящем».
9. Подюков, И. А. (2016). *Особенности метафорического моделирования народной строительной терминологии. Социо- и психолингвистические исследования*, 4, 51–54.
10. *Славянская мифология*. Энциклопедический словарь. (2002). С. М. Толстая (Ред.). Институт славяноведения РАН. Международные отношения.
11. *Словарь вологодских говоров*. (1983–2007). Т. Г. Паникаровская (Ред.). Издательство ВГПИ/ВГПУ.
12. *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья*. (1999). Под редакцией Т. Б. Юмсуновой. Издательство СО РАН, ОИГТМ.
13. *Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. (2006). А. И. Левичкин (Ред.). Наука.
14. *Словарь пермских говоров: в 2 т.* (2000–2002). А. Н. Борисова и др. (Сост.). Книжный мир.
15. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. (1994–2002). А. С. Герд (Ред.). Издательство Санкт-Петербургского университета.
16. *Словарь русских народных говоров: в 52 т.* (1968–2013). Ф. П. Филин (Ред.). Наука.
17. *Словарь русского языка: в 4 т.* (1986). А. П. Евгеньева (Гл. ред.). Академия наук СССР, Институт русского языка. Русский язык.
18. Сыщиков, А. Д. (2009). *Лексика крестьянского деревянного строительства*. Материалы к словарю. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
19. Топорков, А. Л. (2009). *Печь. Славянские древности: в 5 т.* (Т. 4, с. 39–44). Этнолингвистический словарь. Под редакцией Н. И. Толстого. Российская академия наук. Институт славяноведения и балканистики.
20. Фасмер, М. (1986–1987). *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* Астрель.
21. Черных, П. Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Русский язык.
22. Шанский, Н. М. (1971). *Краткий этимологический словарь русского языка*. Просвещение.
23. Красных, В. В. (2001). *Язык, сознание, коммуникация*. МАКС Пресс.

24. Якушевич, И. В. (2019). Символическая модель «печь – человек» в диалектной лексике. *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект* (с. 481–484). Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Транзит-ИКС.

25. Якушевич, И. В., & Маркина, Л. В. (2002). Диалектные названия синицы: внутренняя форма слова и символическое значение. *Вестник славянских культур*, Т. 66, 200–213.

References

1. Agranovich, S. Z. (2003). *Myth in the word: Continuation of life*. Essays on Mytholinguistics. Samara Humanitarian Academy. (In Russ.).
2. *A large explanatory dictionary of the Don Cossacks*. (2003). V. I. Degtyarev (Ed.). Russkie slovari: Astrel'. (In Russ.).
3. Gudkov, D. B. (2007). *The body code of Russian culture*. Materials for the dictionary. Gnozis. (In Russ.).
4. Mazalova, N. E. (2001). *A man in the traditional somatic representations of Russians*. Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.).
5. Masaleva, N. V. (2010). *Somatisms in the Russian language picture of the world* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Ivanovo]. (In Russ.).
6. Maslova, V. A. (2016). *Codes of linguoculture*. Flinta. (In Russ.).
7. Mugu, R. Yu. (2003). *Polysemantism of somatic vocabulary: On the material of the Russian and German languages* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Maykop]. (In Russ.).
8. *Regional dictionary of Vyatka dialects*. (1996–2018). Scientific laboratory «Spiritual and material culture of the Vyatka region in the past and present». (In Russ.).
9. Podyukov, I. A. (2016) Features of metaphorical modeling of folk construction terminology. *Socio Psycho Linguistic Research*, 4, 51–54. (In Russ.).
10. *Slavic Mythology*. Encyclopedic Dictionary. (2002). S. M. Tolstaya (Ed.). Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
11. *Dictionary of Vologda dialects*. (1983–2007). T. G. Panikarovskaya (Ed.). Izdatel'stvo VGPI/VGPU. (In Russ.).
12. *Dictionary of dialects of Old Believers (Semey) of Transbaikalia*. (1999). Edited by T. B. Yumsunova. Izdatel'stvo SO RAN, OIGTM. (In Russ.).
13. *Dictionary of the Vologda regional dialect in its everyday and ethnographic application*. (2006). A. I. Levichkin (Ed.). Nauka. (In Russ.).
14. *Dictionary of Perm dialects: in 2 vol.* (2000–2002). A. N. Borisova et al. (Comp.). Knizhnyj mir. (In Russ.).
15. *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions*. (1994–2002). A. S. Gerd (Ed.). Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
16. *Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vol.* (1968–2013). F. P. Filin (Ed.). Nauka. (In Russ.).
17. *Dictionary of the Russian language: in 4 vol.* (1986). A. P. Evgenieva (Chief Ed.). Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Russkij yazyk. (In Russ.).
18. Sleuths, A. D. (2009). *Vocabulary of peasant wooden construction*. Materials for the dictionary. Faculty of Philology of St. Petersburg State University. (In Russ.).
19. Toporkov, A. L. (2009). Furnace. *Slavic antiquities: in 5 vol.* (Vol. 4, pp. 39–44). An Ethnolinguistic dictionary. Edited by N. I. Tolstoy. Russian Academy of Sciences. Institute of Slavic Studies and Balkanistics. (In Russ.).
20. Fasmer, M. (1986–1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.* Astrel'. (In Russ.).

21. Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. Russkij yazyk. (In Russ.).
22. Shansky, N. M. (1971). *A short etymological dictionary of the Russian language*. Prosveshchenie. (In Russ.).
23. Krasnykh, V. V. (2001). *Language, consciousness, communication*. MAKS Press. (In Russ.).
24. Yakushevich, I. V. (2019). The symbolic model of «oven – man» in dialect vocabulary. *Language categories and units: syntagmatic aspect* (pp. 481–484). Materials of the XIII International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Professor A. B. Kopeliovich and the 100th anniversary of pedagogical education in the Vladimir region. Tranzit-IKS. (In Russ.).
25. Yakushevich, I. V., & Markina, L. V. (2002). Dialect names of titmice: the inner form of the word and symbolic meaning. *Bulletin of Slavic Cultures*, Vol. 66, 200–213. (In Russ.).

Информация об авторах

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Виктория Ильинична Бурмина — аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Irina V. Yakushevich — Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Victoria I. Burmina — Postgraduate of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines Department, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.10

НОМИНАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО МЕРОПРИЯТИЯ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Алексеева Елена Альбертовна

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия,

elena.alexeeva14@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется ростом интереса ученых к проблемам региональной идентичности, сопряженным с расширением роли регионов в реализации процессов развития, в связи с чем возникает необходимость определения и изучения маркеров, отражающих процесс формирования региональной идентичности. В статье анализируются номинации фестивальных мероприятий, проводимых в Воронеже и Воронежской области, рассматриваемые как комплексный маркер региональной идентичности.

Цель исследования — дать определение комплексного маркера идентичности, изучить его свойства на примере номинаций фестивалей Воронежа и Воронежской области с точки зрения заключенных в нем типов идентичностей.

Проведенное исследование позволило установить, что номинации фестивалей Воронежа и Воронежской области являются комплексным маркером региональной идентичности, в котором, с одной стороны, отражены идентичностные характеристики фестиваля как знакового регионального мероприятия; с другой — идентичностные характеристики, вытекающие из семантического анализа номинации фестиваля как лингвистической единицы. Было обнаружено, что фестивали отражают два типа идентичности: культурную и территориальную, которая, в свою очередь, подразделяется на локальную, городскую, национальную и глобальную. При характеристике номинаций фестивалей было установлено, что они представляют собой сложное единство, состоящее из апеллятивного индекса, обозначающего формальные черты фестивального мероприятия, и монопризнаковой номинации, передающей дополнительные сведения о системе региональной культурной идентичности.

В статье предложено и описано понятие комплексного маркера идентичности, выработан алгоритм его исследования.

Ключевые слова: региональная идентичность, культурная идентичность, маркер идентичности, фестивали искусств, фольклорные фестивали, номинации фестиваля, типы идентичности.

Для цитирования: Алексеева, Е. А. (2023). Номинация культурного мероприятия как комплексный маркер региональной идентичности. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 128–148. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.10>

Original article

UDC 811.11-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.10

NOMINATION OF A CULTURAL EVENT AS A COMPREHENSIVE MARKER OF REGIONAL IDENTITY

Elena A. Alekseeva

Voronezh State University,

Voronezh, Russia,

elena.alexeeva14@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the growing research interest in the issues of regional identity in the context of the roles of the regions as well as their growing functional involvement in social and cultural development. Hence, the focus is on the markers that reflect the process of regional identity formation. The article observes different nomination festivals held in the city of Voronezh and Voronezh region, which are regarded as a complex marker of the regional identity.

The aim of the study *is to describe the features and functions of the complex marker of the regional identity* relying on the nominations of festivals held in the city of Voronezh and Voronezh region. The methodology of the study includes linguistic observation, generalization, statistical method, description and classification of the empirical data.

The study consistently proves that nominations used for naming festivals in the city of Voronezh and Voronezh region can be regarded as a complex marker of the regional identity which represents the local festivals both as hallmark events and the events of the linguistic identity regarding the semantic analysis findings. The festivals described in the article show two types of identity: cultural and territorial. The latter includes local, urban, national and global variants. The analysis of the festival features reveals a complicated nature of the festival nomination, which consists of appellative indexer and mono feature nomination. The former refers to formal features of the festival, whereas the latter implies additional information about the regional cultural identity. The article suggests and describes the concept of a complex identity marker as well as the algorithm of its exploring.

Keywords: regional identity, cultural identity, identity marker, art festivals, folklore festivals, festival nomination, type of identity.

For citation: Alekseeva, E. A. (2023). Nomination of a cultural event as a comprehensive marker of regional identity. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 128–148. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.10>

Введение

Проблемы идентичности приобретают особую актуальность на современном этапе в виду обострившегося противостояния между глобалистским видением мира и стремлением национальных обществ к отстаиванию своих интересов, осознанию своей самости, идентичности. Будучи многоаспектным явлением, идентичность выступает предметом исследования многих научных областей (философия, политология, экономика, социология, культурология, межкультурная коммуникация, социолингвистика, лингвокультурология и др.), каждая из которых изучает ее отдельные грани, делая вклад в создание общей картины идентичности.

Теоретические вопросы данной проблематики освещают в своих работах отечественные и зарубежные ученые: Т. А. Нестик, С. П. Перегудов, М. В. Назукина, Л. В. Смирнягин, М. П. Крылов, Е. Г. Довбыш, М. Китинг, Н. С. Дягилева, И. С. Семенов, В. А. Тишков, И. М. Бусыгина, А. М. Карпенко, Л. Г. Викулова, Н. С. Агеева, Р. Ф. Туровский, А. А. Ворожбитова, Д. С. Докучаев, А. В. Чепкасова, О. Г. Чупрына, U. Beck, N. Dower, N. Stromquist, F. Pichler, D. Sampson.

Особый интерес у тех, кто занимается проблемами идентичности, вызывает специфика региональной идентичности, связанная с переосмыслением роли регионов в реализации процессов развития. Так, исследователи говорят о новом регионализме, который в условиях ретерриториализации выступает более многомерным явлением, чем традиционный регионализм, так как сфера его интересов не ограничивается только экономическими вопросами, но и включает в себя социальную и культурную проблематику (Карпенко, 2008).

Региональная идентичность рассматривается исследователями в качестве своего рода точки сборки в процессе конструирования социально-политического пространства региона (Карпенко, 2008, с. 4; Keating, 1998; Бусыгина, 2006).

В обширной научной литературе, посвященной изучению региональной идентичности, затрагивается такая проблематика, как: общетеоретические вопросы региональной идентичности в России и зарубежных странах (Китинг, 2003; Бусыгина, 2001; Туровский, 2003, 2005); анализ процессов регионализации, социального конструирования, выявления роли «другого» в ходе конструирования национальной идентичности (Нойман, 2004); различия между региональной и этнической идентичностями (Смирнягин, 2007); система отношений, конструирующая реальность и конструируемая в социальном взаимодействии (Докучаев, 2012); сетевая идентичность в сфере региональной образовательной среды (Викулова и Агеева, 2021); типология региональной идентичности на основе анализа взаимозависимости культурного и стратегического уровней (Назукина, 2017).

Изучение проблем региональной идентичности не может не затронуть лингвистического аспекта идентичности. В общем виде языковые аспекты идентичности исследователи чаще всего связывают с такими факторами, как: самоидентификация личности, собственно языковая идентичность, конструирование различных видов идентичности личности, идентификация автора, речевое портретирование, отражение национальных концептов (Лаппо, 2013); анализ механизмов идентификации личности в различных типах дискурса, описание языковых особенностей кризиса идентичности (Лингвистические аспекты..., 2012); языковая идентификация в процессе этнической идентификации (Теркулов, 2023, с. 27); связь имени с передачей идентичности (Чупрына, 2021, с. 80–86).

Что касается лингвистического аспекта региональной идентичности, его проблемы затронуты в научных трудах, посвященных изучению региональной языковой личности (Ворожбитова, 2008), региональной специфики дискурса (Чепкасова, 2013). Несмотря на наличие работ, поднимающих данную проблему, она находится в стадии активного изучения, открывающей большой простор для ее научного осмысления.

Таким образом, актуальность статьи определяется необходимостью выявления и описания способов репрезентации региональной идентичности, отражающих процесс ее формирования, изучения ее свойств, особенностей функционирования, роли в формировании имиджа региона.

В сфере наших интересов находится вопрос об определении маркеров региональной идентичности, позволяющих проводить детальный анализ свойств этого понятия. Полагаем, что наиболее осязаемой, материальной, очевидной формой выражения региональной идентичности служит ее лингвистическая репрезентация, представляющая собой языковую номинацию того или иного объекта региональной идентичности. Анализ языковых номинаций объекта региональной идентичности дает возможность определить механизмы осмысления, формирования и репрезентации феномена региональной идентичности.

В настоящей статье изучаются номинации такого объекта региональной идентичности, как фестивальные мероприятия, проводимые в Воронеже и Воронежской области. Мы рассматриваем данные номинации как комплексный маркер региональной идентичности, включающий в себя, с одной стороны, характеристики фестиваля как культурного мероприятия, отражающего особенности региональной идентичности; с другой стороны, лингвистический способ репрезентации культурного мероприятия.

Объектом исследования выступают номинации фестивалей Воронежа и Воронежской области как маркеры региональной идентичности.

Предметом исследования выступают содержательные и лингвистические характеристики комплексного маркера региональной идентичности на примере номинаций фестивалей Воронежа и Воронежской области.

Цель исследования — дать определение комплексного маркера идентичности, изучить его свойства на примере номинаций фестивалей Воронежа и Воронежской области с точки зрения заключенных в нем типов идентичностей.

Для достижения обозначенной цели были сформулированы следующие задачи: рассмотреть аспекты изучения идентичности; выявить роль фестивалей в формировании имиджа региона с точки зрения определения заключенных в них видов идентичностей; выделить и описать маркеры обнаруженных типов идентичностей, содержащиеся в номинациях фестивалей.

В соответствии с данными задачами в работе применялись такие методы исследования: анализ научной литературы по изучаемой проблематике, методы наблюдения, обобщения, статистический подсчет, описание и классификация экспериментального материала.

В качестве материала исследования были использованы номинации и описания фестивалей, проходящих в Воронеже и Воронежской области в период с 2015 по 2021 год, представляющих собой крупные театральные манифестации, известные как в рамках региона, так и за его пределами. Способом сплошной выборки был выявлен двадцать один фестиваль на основе региональных и национальных печатных и электронных СМИ, информационно-справочных, рекламных материалов, буклетов, сайтов фестивалей, порталов органов государственной власти.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем предложено и описано понятие двухкомпонентного комплексного маркера идентичности применительно к номинациям культурных мероприятий; представлены классификации номинаций фестивалей с точки зрения выражения типов идентичности, выработан алгоритм исследования номинации как комплексного маркера идентичности.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении интерпретации лексических единиц с точки зрения отражения идентичности с учетом систематизации знаний об идентичностном потенциале объектов регионального ландшафта.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели обратимся к осмыслению теоретических положений об идентичности, релевантных для проводимого исследования. Они связаны с выделением типов идентичности: глобальной, национальной, региональной, городской и культурной, — и представлением специфических черт региональной идентичности.

Глобальная идентичность понимается как глобальная идентификация, которая заключается в осознании индивидом принадлежности к глобальному мировоззрению, под которым понимается значимость для индивида глобальных проблем (Нестик, 2017; Sampson, 1957). Также к глобальной идентичности относят возможность оценивать себя в качестве мирового целого, принимать многочисленность языковых и культурных картин мира, беспокоиться о защите прав других индивидов (Dower, 2002; Stromquist, 2009), открытость другой культуре, глобальный и локальный опыт как взаимодополняющие принципы (Beck, 2006), принятие многообразия, открытость новому и ориентация в будущее, самосознание гражданина мира, соотнесение себя с миром и одобрение другой культуры (Pichler, 2009).

Национальная идентичность — это коллективная идентичность национально-государственного социума, характеризующая самосознание его граждан. Ее опорой служит чувство принадлежности индивида к определенной нации и желание его развития (Семененко, 2017; Велилаева, Абдуллаева, 2020).

В нашем исследовании рассматривается российская идентичность как разновидность национальной идентичности. Это «комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов или их сообществ с Россией (Российской Федерацией) и ее гражданами» (Перегудов, 2017, с. 156).

На понимание *региональной идентичности* влияют разные подходы к интерпретации региона. Наиболее распространенная версия — понимание региона как единицы территориальной структуры государства, единицы административно-территориального деления (Назукина, 2017).

По мнению М. П. Крылова, региональная идентичность — это культурно-историческое явление, совокупность культурных отношений, которые связаны с малой родиной (Крылов, 2010, с. 13–20).

Исследователи обращаются к вопросу структурирования понятия региональной идентичности. Так, одни выделяют следующие уровни региональной идентичности: 1) культурный уровень, к которому относятся ментальность и картина мира региона, его мифологемы, обычаи, диалекты, повседневные практики; 2) стратегический уровень — использование идентичности для достижения политических целей. Региональная идентичность — это не только суждения жителей об уникальности региона,

но и представления о территории внешних наблюдателей, а также образы и стереотипы, устанавливающие отношение к региону (Назукина, 2017, с. 511).

Другие указывают на наличие компонентов региональной идентичности. Так, по мнению М. Китинга, существует три компонента: 1) когнитивный, связанный с осознанием существования региона, с его географическими границами, со сравнением своего региона с другими, с нахождением особенных характеристик региона (через язык, историю, кухню и т. д.); 2) эмоциональный — восприятие своего региона жителями и сравнение с другими идентификациями; 3) инструментальный, в рамках которого образ региона используется в качестве основы для политической мобилизации и коллективных действий (Китинг, 2003, с. 93).

Также исследователи обосновывают культурологический подход к изучению региональной идентичности, отмечая «проблему культурной дифференциации регионов в составе единого государства», называют региональную идентичность «культуромаркирующим основанием региона» (Казакова, 2008, с. 19).

В настоящее время значение городов как полифункционального, системообразующего пространства для развития стран, регионов и макрорегионов усиливается. Поэтому вопросы *городской идентичности* становятся все более актуальными, хотя данный термин до конца не устоялся и иногда употребляется как понятие, выражающее частное явление по сравнению с общими понятиями локальной и региональной идентичности (Довбыш, 2017, с. 516–517). Городская идентичность понимается как «компонент социальной идентичности личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города» (Дягилева, 2013).

Культурная идентичность, пожалуй, один из самых дискутируемых и исследуемых типов идентичности ввиду ее разнообразия, неоднородности, подверженности трансформациям, отсутствия четко очерченных границ и фиксированного объекта. Множество подходов к осмыслению понятия культурной идентичности напрямую связано со сложностью самого понятия культуры.

Культурная идентичность обладает как собственно культурной, так и социальной природой: религиозная, языковая, поколенческая, классовая, национальная или территориальная идентичности включают в себя различные ценности и смыслы, которые отличают их носителей (Семененко, 2017а).

Культурная идентичность соположена с такими типами идентичности, как: 1) этнокультурная идентичность, которая подразумевает общее происхождение, общую память, верования, общую духовную и материальную культуры в рамках сообщества (Тишков, 2001, с. 230); 2) социокультурная идентичность, описывающая принадлежность индивида к сообществу, которое выстраивается на общих культурных основаниях, общих социальных институтах, национальной культуре или местных традициях (Семененко, 2017а, с. 314).

Для решения поставленных задач исследования мы опираемся на понимание культурной идентичности как осознание индивидом принадлежности «к определенной культуре и влияние этого понимания на восприятие самого себя и на восприятие общности норм и образцов культуры» (Чупрына, 2021, с. 77).

Важными представляются размышления о взаимоотношениях между идентичностями. Так, говоря о соотношении региональной и этнической идентичностей, Г. М. Казакова отмечает, что «региональная идентичность интегрирует этнически разнородные элементы, является основанием для поликультурного единства населения

региона» (Казакова, 2008, с. 17). Автор также утверждает принцип комплементарности различных видов и масштабов идентичностей, предполагающий соотношения национальной, региональной и локальной идентичностей; принцип «многослойности региональной идентичности и существование в ней локальных уровней — малых территорий: город, село, местность» (Казакова, 2008, с. 17).

Настоящее исследование началось в рамках реализуемых в Воронежском государственном университете под руководством автора в период 2015–2022 годов проектов Эрасмус+, посвященных изучению европейской идентичности, в том числе способов репрезентации европейской и региональной идентичностей на примере изучения французских и российских регионов. Было обнаружено, что одним из способов выражения региональной идентичности выступают номинации городских и региональных объектов, которые мы определили как комплексные маркеры региональной идентичности. Исследования показали, что эти объекты и, соответственно, их номинации многочисленны и разнообразны, в связи с чем возникает «необходимость в их упорядочивании, систематизации. В поисках модели/рамки для структурированного изучения данных объектов мы используем понятие “вербальный ландшафт городского/регионального нарратива”, представляющего собой совокупность взаимосвязанных компонентов, открытую к модификациям и развитию, которая структурирована по вербальным локациям, соответствующим разнообразным сферам городского пространства (история, спорт, культура, промышленность, коммуникация и т. д.)» (Алексеева, 2022, с. 34). Номинации региональных объектов формируют «региональный/городской текст» в широком смысле слова, к которому мы относим: 1) номинации объектов, локаций, принадлежащих к той или иной местности, упоминающиеся в таких источниках, как художественная литература, региональная медиасфера, карты, путеводители, буклеты, вывески, афиши, указатели, рекламные объявления, стенды, информационные пространства; 2) номинации мероприятий культурного, спортивного, социально-экономического и иного характера, которые в совокупности создают текстовое региональное/городское пространство и шире — вербальный ландшафт регионального нарратива.

Под *комплексным маркером идентичности* понимаем номинацию объекта или мероприятия, идентичностный потенциал которой складывается из двух компонентов: 1) документального, связанного с информацией об объекте или мероприятии; 2) собственно языкового, представленного непосредственно номинацией объекта или мероприятия, содержащей отсылки к его идентичностному потенциалу.

С учетом изложенного и для решения поставленных в статье задач обратимся к исследованию свойств комплексного маркера идентичности на примере номинаций фестивалей Воронежа и Воронежской области.

Результаты исследования

В соответствии с предложенным определением комплексного маркера идентичности, состоящим из двух компонентов, анализ номинаций фестивалей Воронежа и Воронежской области осуществляется посредством изучения: 1) документального компонента комплексного маркера идентичности, который включает в себя анализ фестиваля как культурного мероприятия, формирующего региональный бренд, с точки

зрения изучения его характеристик, роли в культурном бренде региона, определения заключенных в нем типов идентичностей; 2) собственно языкового компонента комплексного маркера идентичности, который предполагает анализ номинаций фестивалей с точки зрения лексико-семантических свойств составляющих их элементов, уточняющих и акцентирующих идентичностный потенциал номинаций фестивалей.

Далее рассмотрим реализацию указанных компонентов комплексного маркера идентичности на примере фестивалей Воронежа и Воронежской области.

1. Документальный компонент комплексного маркера идентичности

Изучение документального компонента комплексного маркера идентичности, предполагающее анализ фестиваля с точки зрения заключенных в нем типов идентичностей и его роли в культурном имидже региона, проводится в три этапа. На *первом этапе* осуществляется сбор информации о фестивале как о культурном мероприятии, формирующем региональный бренд. *Второй этап* предполагает вычленение лексических маркеров в собранных документальных материалах, позволяющих обнаружить типы идентичности, присущие фестивалям. На *третьем этапе* формулируется роль фестивалей в имидже региона.

На *первом этапе* на основе анализа информации о назначении и целях фестивалей Воронежа и Воронежской области они были разделены на две группы: 1) фестивали искусств; 2) фольклорные фестивали.

В группу *«Фестивали искусств»* входят десять фестивальных мероприятий: Международный Платоновский фестиваль искусств, Детский театральный фестиваль «Маршак», Международный фестиваль камерной музыки «Воронежская камерата», Фестиваль современной хореографии «RE:Форма танца», Фестиваль поэтического искусства «Мандельштамфест», Фестиваль-конкурс любительских театральных коллективов «Театральные встречи в Никольском», Фестиваль современного искусства «Чернозем», Фестиваль книги, Международный фестиваль джазовой музыки «Джазовая провинция», Фестиваль «Ночь в Дивногорье».

К группе *«Фольклорные фестивали»* относятся одиннадцать фестивальных мероприятий: Губернский праздник «Фольклорная весна в Воронеже», Областной фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу», Областной фестиваль казачьего творчества «Казачье братство», Всероссийский фестиваль народной песни, музыки и танца «На родине М. Е. Пятницкого», Всероссийский фестиваль фольклора и ремесел «Русь песенная, Русь мастеровая», Межрегиональный песенный фестиваль-эстафета «Песни над Доном», Межрегиональный фестиваль народной игрушки и фольклора «Игрушка-говоруха», Областной фестиваль народной музыки «Савальские россыпи», Губернский фестиваль «Воронеж фольклорный», Областной фестиваль художественных коллективов и исполнителей «Воронеж многонациональный», Фестиваль духовного и патриотического творчества «Песни Святого Лога».

Затем был собран документальный материал об истории создания каждого фестиваля, о цели, назначении, его организаторах и участниках, формате, месте и времени проведения, включая комментарии из СМИ и т. д., который был обобщен в виде информационных карточек и использован для проведения следующего этапа работы.

Второй этап исследования документального компонента комплексного маркера идентичности предполагает вычленение лексических маркеров идентичности, присутствующих в материалах информационных карточек.

Для этого мы соблюдаем принципы метода коммуникативно-семантического анализа, предложенного И. А. Стерниным (Стернин, 2011), предполагающего изучение значения лексической единицы по семе значения, актуализованной в конкретном контексте, на основе применения диагностических маркеров. Применяя этот метод к анализу сведений из информационных карточек для определения типов идентичностей, присущих фестивалям, мы предлагаем использовать понятие «диагностические маркеры идентичности», которые представляют собой лингвистические единицы разного уровня (языковые, стилистические, содержательные, текстовые), служащие для обнаружения значений идентичности, реализуемых в определенном информационном пространстве (Алексеева, 2020).

Изученный материал показал, что каждый фестиваль содержит две группы идентичностей: культурную и территориальную. Первая отражает разнообразие культурного фонда региона, поэтому она присуща всем изучаемым мероприятиям. Вторая, определяемая нами по месту проведения фестиваля, составу участников и видам художественной деятельности, подразделяется на региональную, национальную и глобальную идентичности. Для уточнения характеристики региональной идентичности важным в нашем случае оказывается учет локализации фестивалей, которые проходят как в городе Воронеже, так и в муниципальных поселениях Воронежской области, поэтому для более точного анализа исследуемого материала мы разделяем региональную идентичность на городскую и локальную. В статье раскрываются типы территориальной идентичности, заключенные в номинациях фестивалей.

На данном этапе исследования документального компонента комплексного маркера идентичности на основе семантического анализа сведений из информационных карточек о фестивалях выделяются диагностические маркеры идентичности. Последние в нашем случае представляют собой лексические единицы, содержащие отсылку к таким явлениям, как локация проведения фестиваля, отнесенность участников фестиваля, известных людей, учреждений культуры, творческих организаций, знаковых событий, праздников, традиционных видов искусства и т. д. к определенным административно-территориальным образованиям, которые способствуют обнаружению типов идентичности, присущих каждому мероприятию.

Учитывая, что для выполнения данной задачи был проанализирован большой объем документального материала, мы проиллюстрируем механизм выделения типов территориальной идентичности на примере двух фестивалей искусств (Международный Платоновский фестиваль искусств, Детский театральный фестиваль «Маршак») и двух фольклорных фестивалей (Губернский праздник «Фольклорная весна в Воронеже», Областной фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу»).

Фестивали искусств

Международный Платоновский фестиваль искусств

Типы идентичности, формирующие данный бренд, установленные на основе диагностических маркеров идентичности (выделены курсивом):

Городская идентичность: 1) фестиваль назван в честь писателя *А. П. Платонова*, который родился в *Воронеже*; 2) в рамках фестиваля проходят мероприятия по четырем направлениям «Театр», «Музыка», «Выставки» и «Литература» в театрах,

концертных залах, филармонии, музеях, книжных и литературных клубах, *городских пространствах Воронежа*; 3) в 2020 году в связи с эпидемиологической ситуацией международная программа частично прошла в видеоформате, а также была предложена программа «*Воронежский кейс*», представившая фестивальные спектакли *воронежских театров* с участием *воронежских артистов*.

Локальная идентичность: 1) в рамках фестиваля концерты, постановки проводятся в меловом карьере *Белый колодец (Хохольский район Воронежской области)*, в парке Дворца принцессы Евгении Ольденбургской (*Рамонский район Воронежской области*); 2) 63 % воронежцев считают Платоновский фестиваль гордостью *региона*.

Национальная идентичность: 1) участие *российских режиссеров* в фестивале (Лев Додин, Андрей Могучий, Юрий Бутусов); 2) *российских музыкантов* (Российский национальный оркестр, Большой симфонический оркестр им. П. И. Чайковского, Михаил Плетнёв, Вадим Репин, Максим Венгеров); 3) *российских писателей, издателей и публицистов* (Борис Куприянов, Григорий Служитель, Алексей Поляринов, Алексей Сальников, Гузель Яхина, Алексей Иванов); 4) на фестивале представлены коллекции из *российских музеев* (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственная Третьяковская галерея, Русский музей, Московский музей современного искусства, Мультимедиа Арт Музей).

Глобальная идентичность — участие *зарубежных режиссеров и хореографов* (Роберт Уилсон и Михаэль Тальхаймер, Филипп Жанти, Даниэле Финци Паски, Деклан Доннеллан, Эймунтас Някрошюс, Пиппо Дельбоно, Пилар Альварес, Корнель Мундруцо, Анжелен Прельжокаж, Уэйн МакГрегор), *зарубежных театров* (немецкий театр «Berliner Ensemble», парижский театр «Bouffes du Nord», Нидерландский театр танца, британский театр «Sadler's Wells»), *зарубежных музыкантов* (Kronos Quartet, Камерата Королевского оркестра Концертгеба, Люка Дебарг, Давид Фрай, Элис Сара Отт, Давид Герингас, Марио Брунелло, Миша Майский, Максим Венгеров, Гидон Кремер).

Детский театральный фестиваль «Маршак»

Типы идентичности, формирующие данный бренд, выделенные на основе диагностических маркеров идентичности:

Городская идентичность: 1) С. Я. Маршак, в честь которого назван фестиваль, родился в *Воронеже*; 2) организатор фестиваля — *Воронежский государственный театр юного зрителя*; 3) участие *Воронежского театра кукол «Шут»* им. В. А. Вольховского (спектакли «Тараканище», «Сказки бабушки Корольковой», «Плывет, плывет кораблик по имени Маршак» по стихотворениям С. Я. Маршака и др.).

Национальная идентичность: 1) участие *российских театров* (Театр Наций, Российский академический молодежный театр, театр им. Е. Вахтангова, Московский Губернский театр, Московский театр юного зрителя, Детский музыкальный театр им. Н. Сац, Театр «Практика», Театр.doc, Большой драматический театр им. Г. А. Товстоногова, Александринский театр, Екатеринбургский театр юного зрителя, Новосибирский театр «Глобус»).

Глобальная идентичность: 1) участие *зарубежных театров* (Karlsson Haus, театры Белоруссии, Армении, Казахстана — в 2015 году; Германии, Эстонии — в 2016 году; Норвегии, Латвии, Казахстана — в 2017 году; Франции, Швейцарии — в 2018 году; Бельгии, Израиля — в 2019 году); 2) *зарубежных партнеров* фестиваля (в 2017–2019 годах — культурный отдел *посольства Франции* в Российской Федерации).

С учетом результатов исследования десяти фестивалей искусств были сделаны выводы о том, что они обладают следующими типами идентичности:

- городской — 100 % фестивалей;
- локальной — 50 %;
- национальной — 100 %;
- глобальной — 40 %.

Каждый фестиваль искусств отражает совокупность разных видов идентичности:

- 1) городская, локальная, национальная, глобальная идентичность — 10 % фестивалей;
- 2) городская, национальная, глобальная идентичность — 30 %;
- 3) городская, локальная, национальная идентичность — 40 %;
- 4) городская, национальная идентичность — 20 %.

Фольклорные фестивали

Губернский праздник «Фольклорная весна в Воронеже»

Типы идентичности, формирующие данный бренд, выделенные на основе диагностических маркеров идентичности:

Локальная идентичность: 1) в рамках фестиваля проводятся выставки и мастер-классы декоративно-прикладного творчества и ремесел мастеров *различных районов Воронежской области*; 2) исполнение *традиционных песен* региона областными коллективами; 3) организация тематических площадок, отражающих *самобытность районов области*: «Эртильская уха», «Богучарский подсолнух», концерт-дефиле «Этностиль — это модно!», на котором были представлены *подлинные костюмы районов области*; 4) фотозона по сюжетам *крестьянского быта*; 5) интерактивные мероприятия: *старинные игры, хороводы, игра на старинных музыкальных инструментах*.

Городская идентичность: 1) фестиваль проходит в *Центральном парке г. Воронежа* на двадцати пяти фестивальных площадках, в том числе на сцене *Зеленого театра*; 2) участие фольклорных коллективов *из г. Воронежа*.

Областной фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу»

Типы идентичности, формирующие данный бренд, выделенные на основе диагностических маркеров идентичности:

Локальная идентичность: 1) проведение фестиваля в муниципальном поселении *Новая Усмань* в 20 километрах от Воронежа на берегу реки Усманки; 2) участие *местных творческих коллективов*; 3) участники фестиваля исполняют обряды *на берегу реки*: водят хороводы, плетут венки, исполняют *обрядовые песни*; 4) участие фольклорного ансамбля «Время» из *Новой Усмани*, возрождающего традиционное мужское пение, издавна распространенное в *Воронежской губернии*; 5) посещение службы и молебна в *Спасском храме*.

Национальная идентичность: 1) фестиваль посвящен *празднику Троицы*, который является общим для всех православных россиян; 2) в фестивале принимали участие ансамбли из *нескольких областей России* (Липецкая, Курская, Белгородская, Волгоградская, Ростовская, Астраханская и Брянская области и Краснодарский край).

Распределение типов идентичности среди одиннадцати фольклорных фестивалей Воронежа и Воронежской области выглядит следующим образом.

Фольклорные фестивали обладают разными типами идентичности в следующей пропорции: локальной идентичностью — 100 % фестивалей, национальной — 55 %; городской — 27 %.

Указанные типы идентичностей присутствуют в фольклорных фестивалях в следующих соотношениях: только локальная идентичность — 9 %, сочетание локальной и национальной идентичности — 64 %, локальной и городской — 27 %.

На *третьем этапе* исследования документального компонента комплексного маркера идентичности формулируется роль фестивалей в развитии бренда Воронежа и Воронежской области. На основе обобщения результатов первого и второго этапов исследования, т. е. сбора документальных сведений о фестивалях и их лексического анализа в целях вычленения диагностических маркеров идентичности, были определены следующие роли фестивалей в имидже Воронежа и Воронежской области применительно к каждой из двух выделенных групп фестивалей.

Роль фестивалей искусств в формировании имиджа города и области

В совокупности фестивали искусств играют немаловажную роль в формировании имиджа города и области, так как:

- показывают Воронежу образцы мирового искусства;
- демонстрируют миру культурный потенциал Воронежа;
- развивают и продвигают воронежскую культуру, межрегиональные, межнациональные и международные культурные связи;
- на базе Воронежской филармонии представляют различные направления камерной музыки разных стилей: барокко, классицизм, романтизм, музыка XX и XXI веков;
- на базе Воронежского театра оперы и балета с участием воронежской и международных трупп раскрывают актуальные тенденции современного танца и балета;
- дают возможность аудитории узнать о различных проявлениях поэтического искусства;
- сохраняют и развивают народный театр, любительское театральное искусство;
- информируют о развитии современного искусства Воронежа, России и мира;
- популяризируют чтение, библиотечное дело, книгоиздание в Воронеже;
- знакомят воронежских слушателей с направлениями современной импровизационной музыки как международного, так и локального масштабов;
- рассказывают об уникальном региональном природном ландшафте через призму искусства.

Роль фольклорных фестивалей в формировании имиджа города и области

В совокупности фольклорные фестивали играют значимую роль в создании имиджа города и области:

- популяризируют и сохраняют народную культуру;
- берегут традиции народов, проживающих на территории области, их национальную и культурную самобытность, поддерживают взаимопонимание между ними;
- распространяют традиционную казачью культуру в Черноземье;
- сохраняют творческое наследие известного музыканта и фольклориста М. Е. Пятницкого;
- поддерживают самобытные творческие коллективы;
- приобщают к национальной культуре и сохраняют народные игрушечные промыслы;

- укрепляют нравственные ценности, усиливают духовные русские культурные традиции;
- воспитывают патриотизм через музыкально-поэтическое искусство.

2. Собственно языковой компонент комплексного маркера идентичности

В рамках собственно языкового компонента комплексного маркера идентичности проводится анализ номинаций фестивалей с точки зрения семантики их компонентов, уточняющих и акцентирующих идентичностный потенциал фестивалей.

Основным репрезентантом, лицом фестивалей служат их названия, которые транслируются различными информационными каналами в целях сообщения населению о проведении фестивального мероприятия: городскими рекламными поверхностями, афишами, печатными и электронными СМИ, соцсетями, флаерами, буклетами и т. д., — и призваны тем самым привлечь внимание к событию культурной жизни. Опираясь на мнение исследователей эргонимов, названий городских объектов (Носенко, 2007), можно предположить, что номинации фестивалей представляют собой свернутый текст, в котором заложен существенный коммуникативно-номинативный потенциал, важный для понимания региональной идентичности и коммуникации. Таким образом, номинации фестивалей, будучи комплексным маркером идентичности, являются лингвистическим знаком, содержащим элементы, определяющие характерные черты фестиваля, его идентичностный потенциал, выполняющие информативную и номинативную функции.

Рассмотрим номинативный потенциал номинаций фестивалей с опорой на их лексико-семантический состав.

Для изучения лексико-семантических свойств наименований фестивалей мы опирались на классификацию эргонимов, предложенную Н. В. Носенко, в которой выделялись прямо информирующие, косвенно информирующие и условные названия (Носенко, 2007). В анализируемом материале номинации фестивалей относятся к прямо информирующему типу, которые указывают на свойства объекта напрямую.

Так как изучаемые номинации — многокомпонентные языковые знаки, к характеристике их семантической структуры применимо понятие ядра и периферии. В такого рода конструкциях ключевой, основообразующий семантический компонент формирует обычно ядерную область, а периферийная область сообщает дополнительную семантическую информацию (Алимурадов, 2010). К ядерной зоне многокомпонентных структур лингвисты относят такой элемент, как «*апеллятивный индексатор*», который представляет собой описательный компонент комплексной номинативной единицы, а к периферийной — понятие монопризнаковой номинации, определяющей ядро по тому или иному семантическому признаку, передающей конкретный признак определяемого предмета (Будникова, 2019; Зиннатуллина, 2013).

С учетом этих положений рассматриваем номинации фестивалей как сложное единство, состоящее из апеллятивного индексатора, обозначающего тип мероприятия (*Международный фестиваль камерной музыки «Воронежская камерата»*), и монопризнаковой номинации, т. е. непосредственно названия фестиваля (*Международный фестиваль камерной музыки «Воронежская камерата»*).

Исследование показало, что апеллятивный индексатор содержится во всех изучаемых номинациях фестивалей. При этом в девятнадцати из них апеллятивные индексаторы сопровождаются монопризнаковыми номинациями, представляющими

собой отдельное название фестиваля (например, Детский театральный фестиваль «Маршак», Международный фестиваль камерной музыки «Воронежская камерата»). В двух номинациях фестивалей отсутствуют монопризнаковые номинации, в них используются только апеллятивные индексы (Международный Платоновский фестиваль искусств, Фестиваль книги).

В свою очередь, апеллятивный индекс также имеет сложную структуру, содержащую структурно-семантическое ядро и периферийные элементы, распространяющие его. Ядро апеллятивного индекса в исследуемых номинациях, отражающее тип фестиваля, выражено двумя лексическими единицами: «Фестиваль» и «Праздник». Ядро «Фестиваль» зафиксировано в подавляющем большинстве номинаций фестивалей (20), в то время как ядро «Праздник» присутствует в одной номинации (*Губернский праздник «Фольклорная весна в Воронеже»*). В двух номинациях ядро апеллятивного индекса «Фестиваль» используется с уточняющими словами, указывающими на специфику формата мероприятия: *Фестиваль-конкурс любительских театральных коллективов «Театральные встречи в Никольском»*, *Межрегиональный песенный фестиваль-эстафета «Песни над Доном»*.

Далее рассмотрим номинативный потенциал апеллятивного индекса и монопризнаковой номинации.

Назначение апеллятивного индекса в изучаемых номинациях состоит в передаче следующей информации о фестивале:

1) ядро номинации «Фестиваль» (4,5 %, 1 единица) — *Фестиваль «Ночь в Дивногорье»*;

2) ядро номинации «Фестиваль» + вид творческой деятельности фестиваля (14 %, 3 единицы) — *Фестиваль современной хореографии «RE:Форма танца»*, *Фестиваль поэтического искусства «Мандельштамфест»*, *Фестиваль современного искусства «Чернозем»*;

3) ядро номинации «Фестиваль-конкурс» + состав участников (4,5 %, 1 единица) — *Фестиваль-конкурс любительских театральных коллективов «Театральные встречи в Никольском»*;

4) ядро номинации «Фестиваль» + вид творческой деятельности фестиваля (12 %, 2 единицы) — *Фестиваль духовного и патриотического творчества «Песни Святого Лога»*, *Фестиваль книги*;

5) статус фестиваля + ядро номинации «Праздник» (4,5 %, 1 единица) — *Губернский праздник «Фольклорная весна в Воронеже»*;

6) статус фестиваля + ядро номинации «Фестиваль» + вид творческой деятельности фестиваля (38 %, 8 единиц) — *Международный фестиваль камерной музыки «Воронежская камерата»*, *Международный фестиваль джазовой музыки «Джазовая провинция»*, *Областной фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу»*, *Областной фестиваль казачьего творчества «Казачье братство»*, *Всероссийский фестиваль народной песни, музыки и танца «На родине М. Е. Пятницкого»*, *Всероссийский фестиваль фольклора и ремесел «Русь песенная, Русь мастеровая»*, *Межрегиональный фестиваль народной игрушки и фольклора «Игрушка-говорушка»*, *Областной фестиваль народной музыки «Савальские россыпи»*;

7) статус фестиваля + вид творческой деятельности фестиваля + ядро номинации «Фестиваль-эстафета» (4,5 %, 1 единица) — *Межрегиональный песенный фестиваль-эстафета «Песни над Доном»*;

8) статус фестиваля + ядро номинации «Фестиваль» (4,5 %, 1 единица) — *Губернский фестиваль «Воронеж фольклорный»*;

9) статус фестиваля + ядро номинации «Фестиваль» + состав участников (4,5 %, 1 единица) — *Областной фестиваль художественных коллективов и исполнителей «Воронеж многонациональный»*;

10) статус фестиваля + указание на писателя, в честь которого назван фестиваль, + ядро номинации «Фестиваль» + вид творческой деятельности фестиваля (4,5 %, 1 единица) — *Международный Платоновский фестиваль искусств*;

11) целевая аудитория + вид творческой деятельности фестиваля + ядро номинации «Фестиваль» (4,5 %, 1 единица) — *Детский театральный фестиваль «Маршак»*.

Таким образом, специфика фестиваля, выраженная апеллятивным индексатором, носит официально-формальный характер, указывая на тип и статус фестиваля, вид творческой деятельности, состав участников, целевую аудиторию.

Назначение монопризнаковой номинации состоит в дополнении информации о специфике фестиваля, которое мотивировано следующими факторами:

1) фамилия поэта, в честь которого назван фестиваль: «*Маршак*»;

2) фамилия поэта, в честь которого назван фестиваль, + корень ядра номинации «Фестиваль»: «*Мандельштамфест*»;

3) природная специфика региона: «*Чернозем*»;

4) объект народного творчества, которому посвящен фестиваль: «*Игрушка-говорушка*»;

5) праздник, в честь которого проводится фестиваль: «*На Троицу*»;

6) вид творческой деятельности + формат проведения мероприятия + место проведения: «*Театральные встречи в Никольском*»;

7) показатель новизны фестиваля + вид творческой деятельности: «*RE: Форма танца*»;

8) музыкальное направление + место проведения: «*Джазовая провинция*», «*Песни над Доном*», «*Песни Святого Лога*»;

9) место проведения + вид творческой деятельности: «*Воронеж фольклорный*»;

10) время проведения + место проведения: «*Ночь в Дивногорье*»;

11) музыкальное направление + время проведения + место проведения: «*Фольклорная весна в Воронеже*»;

12) место проведения фестиваля + музыкальное направление: «*Воронежская камерата*»;

13) обобщенное название участников фестиваля: «*Казачье братство*»;

14) место проведения фестиваля + фамилия известного фольклориста, в честь которого назван фестиваль: «*На родине М. Е. Пятницкого*»;

15) национальная российская принадлежность традиций + вид искусства: «*Русь песенная, Русь мастеровая*»;

16) место проведения фестиваля + показатель музыкального разнообразия коллективов, выступающих на фестивале: «*Савальские россыпи*».

Таким образом, специфика фестиваля, выраженная монопризнаковой номинацией, носит неформализованный, креативный, часто образный характер.

Как показывает анализ номинаций фестивалей, они содержат компонент-номинацию региональной составляющей, выраженный именами собственными, которые несут дополнительные смыслы, усиливающие региональный контекст фестиваля. Имя собственное выступает здесь как «особый антропоцентрический маркер,

позволяющий выявить формирование ценностных ориентиров» (Коршунова, 2015, с. 170) у жителей и гостей региона. Так, в номинациях фестивалей были обнаружены следующие группы номинаторов локальной и городской составляющих:

I. Антропонимы, представленные именами известных литераторов и музыкантов, жизнь которых связана с Воронежем:

1) фамилии писателей: *Международный Платоновский фестиваль искусств, Маршак*;

2) фамилии поэтов: *Мандельштамфест*;

3) фамилии музыкантов: *На родине М. Е. Пятницкого*.

При этом фамилии использованы в различных вариантах написания: 1) фамилия в качестве образованного от нее прилагательного: *Платоновский*; 2) фамилия без инициалов: *Маршак*; 3) фамилия с инициалами: *М. Е. Пятницкого*; 4) фамилия, входящая в составное слово названия фестиваля: *Мандельштамфест*.

II. Топонимы Воронежской области:

1) гидронимы (водные объекты): *Песни над Доном, Савальские россыпи*;

2) астионимы (поселения городского типа): *Воронежская камерата, Фольклорная весна в Воронеже, Воронеж фольклорный, Воронеж многонациональный*;

3) комонимы (поселения сельского типа): *Театральные встречи в Никольском, Песни Святого Лога*;

4) оронимы (названия объектов рельефа): *Ночь в Дивногорье*;

5) названия натурфактов: *Чернозем*.

подавляющее большинство номинаторов локальной и городской составляющих содержится в монопризнаковой номинации, кроме Международного Платоновского фестиваля искусств, где номинатор находится в составе апеллятивного индекса.

Выводы

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы.

Изучаемые номинации фестивалей служат комплексным маркером идентичности, который состоит из двух компонентов: 1) документального, в рамках которого с помощью диагностических маркеров идентичности определяются типы идентичности, присущие объекту или мероприятию; 2) собственно языкового, в рамках которого анализируется лексико-семантический состав номинации объекта или мероприятия, содержащий отсылки к его идентичностному потенциалу.

1. Будучи знаковыми культурными мероприятиями региона, фестивали Воронежа и Воронежской области представлены в виде двух групп: десяти фестивалей искусств и одиннадцати фольклорных фестивалей, отражающих разнообразие культурного потенциала региона и типов заложенных в них идентичностей: культурной и территориальной. Культурная идентичность — неотъемлемая черта всех изученных фестивалей, так как воплощает в них разнообразные аспекты культурной жизни региона. Территориальная идентичность представлена локальной, городской, национальной и глобальной идентичностями.

Номинации фестивалей выступают точкой пересечения идентичностей, которые обнаруживаются на основе анализа, с одной стороны, диагностических маркеров идентичности, вычленимых из документальной информации о фестивалях, с другой —

из анализа семантики номинаций фестивалей. Так, в результате исследования было обнаружено, что фестивали искусств обладают городской (100 %), локальной (50 %), национальной (100 %) и глобальной (40 %) идентичностями и характеризуются совокупностью разных видов идентичности в различной сочетаемости в зависимости от назначения фестиваля. Фольклорные фестивали отличаются локальной (100 %), городской (27 %) и национальной (55%) идентичностями и характеризуются совокупностью разных видов идентичности в различной сочетаемости в зависимости от назначения мероприятия.

Выделенные типы идентичности, присущие фестивалям, подчеркивают разнообразие и масштаб культурной среды региона и тем самым вносят весомый вклад в развитие бренда региона. Фестивалям искусств отводится немаловажная роль в формировании региональной идентичности Воронежа и Воронежской области: они призваны показать миру культурный потенциал Воронежа; содействовать развитию воронежской культуры, межрегиональных, межнациональных и международных культурных связей; демонстрировать многообразие видов искусств, существующих в регионе. Фольклорные фестивали направлены на популяризацию и сохранение культурного наследия, народных традиций, самобытности, нравственных и духовных ценностей народов, проживающих на территории области.

2. Номинации фестиваля — это сложное единство, состоящее из апеллятивного индекса, обозначающего тип фестивального мероприятия, и монопризнаковой номинации, т. е. непосредственно названия фестиваля.

Назначение апеллятивного индекса заключается в передаче официально-формальной информации о фестивале: статус фестиваля, вид искусства, целевая аудитория, специфика участников. Назначение монопризнаковой номинации (названия фестиваля) состоит в дополнении и уточнении информации о специфике фестиваля, которое осуществляется указанием на символические региональные явления (имена поэтов, писателей, названия географических объектов, традиционных видов творческой деятельности, населенных пунктов Воронежской области). Антропонимы и топонимы в составе названия фестиваля служат источником дополнительных сведений о системе региональной культурной идентичности, открывают мир культурных и духовных ценностей.

Номинация фестиваля — материальный символ, репрезентирующий фестиваль, сложное, динамичное, комплексное наименование, являющееся интерфейсом между изначальной идеей мероприятия и его восприятием со стороны участников и зрителей, отражающее процессы, происходящие в региональном социуме.

Полученные результаты могут быть использованы при проведении исследований в области лингвистического аспекта выражения идентичности и регионологии, лингвокультурологии, социолингвистики, межкультурной коммуникации.

Заключение

Несмотря на то что исследование номинаций фестивалей Воронежской области в качестве комплексных маркеров региональной идентичности представляет собой небольшой фрагмент лингвокультурологического изучения широкого регионального пространства — вербального ландшафта городского нарратива, — оно способствовало выработке определения и алгоритма изучения комплексных маркеров региональной

идентичности. Данный алгоритм включает в себя такие этапы, как вычленение и систематизация знаковых региональных объектов/мероприятий, определение их роли и функций в контексте формирования идентичности региона, анализ лексико-семантических компонентов номинаций изучаемых объектов как выразителей специфики объекта/мероприятия. Учитывая открытый характер системы вербального ландшафта городского нарратива, данный алгоритм может быть использован в перспективе для анализа других объектов/мероприятий региональной идентичности в целях выявления индикаторов внутренней и внешней привлекательности региона.

Список источников

1. Карпенко, А. М. (2008). *Региональная идентичность как категория политической практики*. Власть.
2. Keating, M. (1998). *The New Regionalism in Western Europe. Teiritorial Restructuring and Political Change*. Edward Elgar.
3. Бусыгина, И. М. (2006). *Политическая регионология*. Учебное пособие. Российская политическая энциклопедия.
4. Китинг, М. (2003). Новый регионализм в Западной Европе. *Логос*, 6, 67–116.
5. Бусыгина, И. М. (2001). Концептуальные основы европейского регионализма. В Р. Ф. Иванов (Отв. ред.). *Регионы и регионализм в странах Запада и России* (с. 7–15).
6. Туровский, Р. Ф. (2003). Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. *Идентичность и география в современной России* (с. 139–173). Геликон Плюс.
7. Туровский, Р. Ф. (2005). Бремя пространства как политическая проблема России. *Логос*, 1, 124–171.
8. Нойманн, И. (2004). *Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Новое издательство.
9. Смирнягин, Л. В. (2007). О региональной идентичности. *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях* (Т. 2, с. 81–107). МГИМО-Университет.
10. Докучаев, Д. С. (2012). Региональная идентичность: понятие, структура, функции. *Философия и культура*, 12, 15–22.
11. Викулова, Л. Г., & Агеева, Н. С. (2021). Формирование сетевой идентичности японского университета Цукуба в мультязычном медийном пространстве. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 7(1), 13–21.
12. Назукина, М. В. (2017). Региональная идентичность. В И. С. Семененко (Отв. ред.). *Идентичность: Личность, общество, политика* (с. 507–511). Энциклопедическое издание. Весь Мир.
13. Лапо, М. А. (2013). *Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы*. Монография. НППУ.
14. *Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире*. Коллективная монография. (2012). Энциклопедия.
15. Теркулов, И. Т., & Тамерьян, Ю. Т. (2023). Языковая идентификация и идентичность. *Политическая лингвистика*, 1, 27–34.
16. Чупрына, О. Г. (2021). Идентичность как лингвистическая и культурная проблема. *Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу* (с. 73–104). Издательский дом ВКН.
17. Ворожбитова, А. А. (2008). Региональная языковая личность и лингворегиология как область научного поиска. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, 11, 22–29.
18. Чепкасова, А. В. (2013). Выступление губернатора как единое семиотическое пространство с суггестивными повторами знаковых для региона фактов. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, 18, 206–209.

19. Нестик, Т. А. (2017). Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование. Институт психологии Российской академии наук. *Социальная и экономическая психология*, Т. 2, 4(8), 145–185.
20. Sampson, D. (1957). A scale to measure world-minded attitudes. *Journal of Social Psychology*, 99–106.
21. Dower, N., & Williams, J. (2002). *Global citizenship. A critical introduction*. Routledge.
22. Stromquist, N. P. (2009). Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges, and Implications for Education. *Interamerican Journal of Education for Democracy*, Vol. 2, 1, 6–29.
23. Beck, U. (2006). *The Cosmopolitan Vision*. Polity.
24. Pichler, F. (2009). «Down-to-Earth» Cosmopolitanism: Subjective and Objective Measurements of Cosmopolitanism in Survey Research. *Current Sociology*, Vol. 57, 5, 704–732.
25. Семененко, И. С. (2017). Национальная идентичность. В И. С. Семененко (Отв. ред.). *Идентичность: Личность, общество, политика* (с. 405–413). Энциклопедическое издание. Весь Мир.
26. Велилаева, Л. Р., & Абдуллаева, Н. Р. (2020). Понятие «национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования. *UNIVERSUM: Филология и искусствоведение*, 6, 26–28.
27. Перегудов, С. П. (2017). Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации. В И. С. Семененко (Отв. ред.). *Идентичность: Личность, общество, политика* (с. 156–162). Энциклопедическое издание. Весь Мир.
28. Крылов, М. П. (2010). *Региональная идентичность в Европейской России*. Новый хронограф.
29. Казакова, Г. М. (2008). Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6, 16–20.
30. Довбыш, Е. Г. (2017). Городская идентичность. Идентичность. В И. С. Семененко (Отв. ред.). *Личность, общество, политика* (с. 516–522). Энциклопедическое издание. Весь Мир.
31. Дягилева, Н. С. (2013). Теоретические аспекты городской идентичности. *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы* (с. 54–59). УрФУ.
32. Семененко, И. С. (2017а). Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность. В И. С. Семененко (Отв. ред.). *Идентичность: Личность, общество, политика* (с. 312–317). Энциклопедическое издание. Весь Мир.
33. Тишков, В. А. (2001). *Этнос или этничность? Этнология и политика* (с. 229–233). Научная публицистика. Наука.
34. Алексеева, Е. А. (2022). Иноязычный урбаноним как индикатор поликультурного диалога. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 1, 27–37.
35. Стернин, И. А., & Саломатина, М. С. (2011). *Семантический анализ слова в контексте*. Учебное пособие. Истоки.
36. Алексеева, Е. А. (2020). Аспекты идентичности личности (на материале французских СМИ). *Филологические науки в МГИМО*, 6, 125–134.
37. Носенко, Н. В. (2007). *Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты*. АКД.
38. Алимуратов, О. А., & Лату, М. Н. (2010). Особенности моделирования семантики терминологических оппозиций (на материале англоязычной военной терминологии). *Вестник ИГЛУ*, 3, 6–15.
39. Будникова, Е. И. (2019). О монопризнаковости и полипризнаковости лексического значения. *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология*, 5, 58–67.
40. Зиннатуллина, Г. Х. (2013). Типы и функции апеллятивных идентификаторов (на примере художественных текстов татарской литературы). *Сибирский филологический журнал*, 3, 227–231.
41. Кюршунова, И. А. (2015). Ценностные ориентиры русского человека сквозь призму имени собственного (по материалам региональной антропонимии XV–XVII вв.). *Jezikoslovní zapiski. Ljubljana, Slovenij, sprostitev* 21, 1, 153–176.

References

1. Karpenko, A. M. (2008). *Regional identity as a category of political practice*. Vlast'. (In Russ.).
2. Keating, M. (1998). *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Edward Elgar. (In English).
3. Busygina, I. M. (2006). *Political regional studies*. Study guide. Russian political encyclopedia. (In Russ.).
4. Kiting, M. (2003). New regionalism in Western Europe. *Logos*, 6, 67–116. (In Russ.).
5. Busygina, I. M. (2001). Conceptual foundations of European regional studies. In R. F. Ivanov (Ed.), *Regions and regional studies in Europe and Russia* (pp. 7–15). (In Russ.).
6. Turovskij, R. F. (2003). Correlation of cultural landscapes and regional identity in modern Russia. *Identity and geography in modern Russia* (pp. 139–173). Gelikon Plyus. (In Russ.).
7. Turovskij, R. F. (2005). The burden of space as a political problem in Russia. *Logos*, 1, 124–171. (In Russ.).
8. Nojmann, I. (2004). *The use of the «Other»: images of the East in the formation of European identities*. Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
9. Smirnyagin, L. V. (2007). On Regional Identity. *Space and time in world politics and international affairs* (Vol. 2, pp. 81–107). MGIMO-Universitet. (In Russ.).
10. Dokuchaev, D. S. (2012). Regional identity: concept, structure, functions. *Philosophy and Culture*, 2, 15–22. (In Russ.).
11. Vikulova, L. G., & Ageeva, N. S. (2021). Constructing the digital identity of University of Tsukuba, Japan, in the Multilanguage media space. *Theoretical and Applied Linguistics*, 7(1), 13–21. (In Russ.).
12. Nazukina, M. V. (2017). Regional identity. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: Personality, society, politics* (pp. 507–511). Encyclopedic edition. Ves' Mir. (In Russ.).
13. Lappo, M. A. (2013). *Self-identification: semantics, pragmatics, language resources*. Monograph. NPSU. (In Russ.).
14. *Linguistic aspects of the study of personal identity in a changing world*. Collective monograph. (2012). Encyclopedia. (In Russ.).
15. Terkulov, I. T., & Tameryan, Yu. T. (2023). Language identification and identity. *Political linguistics*, 1, 27–34. (In Russ.).
16. Chupryna, O. G. (2021). The issue of identity as a linguistic and cultural problem. *The interaction of languages and cultures: from dialogue to polylogue* (pp. 73–104). Collective monograph. Izdatel'skij dom VKN. (In Russ.).
17. Vorozhbitova, A. A. (2008). Regional linguistic personality and linguo-regional studies as an area of scientific research. *Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, 11, 22–29. (In Russ.).
18. Chepkasova, A. V. (2013). The speech of the governor as a single semiotic space with suggestive repetitions of facts significant for the region. *Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, 18, 206–209. (In Russ.).
19. Nestik, T. A. (2017). Global identity as a socio-psychological phenomenon: theoretical and empirical research. *Social and economic psychology*, Vol. 2, 4(8), 145–185. (In Russ.).
20. Sampson, D. (1957). A scale to measure world-minded attitudes. *Journal of Social Psychology*, 99–106. (In English).
21. Dower, N., & Williams, J. (2002). *Global citizenship. A critical introduction*. Routledge. (In English).
22. Stromquist, N. P. (2009). Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges, and Implications for Education. *Interamerican Journal of Education for Democracy*, Vol. 2, 1, 6–29. (In English).
23. Beck, U. (2006). *The Cosmopolitan Vision*. Polity. (In English).
24. Pichler, F. (2009). «Down-to-Earth» Cosmopolitanism: Subjective and Objective Measurements of Cosmopolitanism in Survey Research. *Current Sociology*, Vol. 57, 5, 704–732. (In English).

25. Semenenko, I. S. (2017). National identity. In I. S. Semenenko (Ed.). *Identity, personality, society, politics* (pp. 405–413). Encyclopedic edition. Ves' Mir. (In Russ.).
26. Velilaeva, L. R., & Abdullaeva, N. R. (2020). The concept of «national identity»: the theoretical and literary aspect of the study. *UNIVERSUM: Philology and Art Studies*, 6, 26–28. (In Russ.).
27. Peregudov, S. P. (2017). Russian civil identity and political nation: problems of formation and consolidation. In I. S. Semenenko (Ed.). *Identity, personality, society, politics* (pp. 156–162). Encyclopedic edition. Ves' Mir. (In Russ.).
28. Krylov, M. P. (2010). *Regional identity in European Russia*. Novyj hronograf. (In Russ.).
29. Kazakova, G. M. (2008). Russian regional identity: contemporary cultural discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 6, 16–20. (In Russ.).
30. Dovbysh, E. G. (2017). Urban identity. In I. S. Semenenko (Ed.). *Identity, personality, society, politics* (pp. 516–522). Encyclopedic edition. Ves' Mir. (In Russ.).
31. Dyagileva, N. S. (2013). Theoretical aspects of urban identity. *Breeding of towns in Russia: expertise, concerns, prospects* (pp. 54–59). UrFU. (In Russ.).
32. Semenenko, I. S. (2017a). Cultural, sociocultural, civilizational identity. In I. S. Semenenko (Ed.). *Identity, personality, society, politics* (pp. 312–317). Encyclopedic edition. Ves' Mir. (In Russ.).
33. Tishkov, V. A. (2001). Ethnos or ethnicity? *Ethnology and politics* (pp. 229–233). Nauchnaya publicistika. Nauka. (In Russ.).
34. Alekseeva, E. A. (2022). Foreign-language urbanonym as an indicator of multicultural dialogue. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 1, 27–37. (In Russ.).
35. Sternin, I. A., & Salomatina, M. S. (2011). *Semantic analysis of the word in the context*. Study guide. Istoki. (In Russ.).
36. Alekseeva, E. A. (2020). Aspects of Personal Identity (based on the French media. *Linguistics & Polyglot Studies*, 6, 125–134. (In Russ.).
37. Nosenko, N. V. (2007). *Names of urban objects in Novosibirsk: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects*. AKD. (In Russ.).
38. Alimuradov, O. A., & Latu, M. N. (2010). Features of modeling the semantics of term units. Terminological oppositions (based on English military terminology). *Vestnik IGLU*, 3, 6–15. (In Russ.).
39. Budnikova, E. I. (2019). About mono-attribute and polyattribute of lexical meaning. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya*, 5, 58–67. (In Russ.).
40. Zinnatullina, G. Kh. (2013). Types and functions of appellative identifiers (on the example of artistic texts of Tatar literature). *Siberian Journal of Philology*, 3, 227–231. (In Russ.).
41. Kyurshunova, I. A. (2015). Value navigators of the Russian man through the prism of his own name (on the materials of the regional anthroponymy of the XV–XVII centuries). *Jezikoslovni zapiski. Ljubljana, Slovenij, sprostitev 21, 1*, 153–176. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Альбертовна Алексеева — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французской филологии факультета романо-германских языков Воронежского государственного университета.

Information about the author

Elena A. Alekseeva — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology of Romance and Germanic Languages Faculty of Voronezh State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 81-115

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.11

РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАЩИТ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ В ДИССЕРТАЦИОННОМ СОВЕТЕ Д 850.007.08)¹

Тивьяева Ирина Владимировна¹,
Нерсесова Элина Витальевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ tivyaevaiv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

² nersesovaev@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5064-5745>

Аннотация. В настоящей статье представлен обзор современных лингвистических исследований, посвященных анализу дискурсивных практик на материале различных языков и изучению принципов отражения в естественном языке когнитивной сферы человека. В основу обзора положены публикации и диссертационные исследования представителей научной школы «Когнитивно-дискурсивная парадигма», действующей на базе Института иностранных языков МГПУ. Результаты проведенного авторами анализа общего вектора когнитивно-дискурсивных исследований позволили определить ключевые направления развития современной когнитивно-дискурсивной парадигмы в отечественной науке о языке и наметить перспективные направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма, научная школа, диссертационный совет.

Для цитирования: Тивьяева, И. В., Нерсесова, Э. В. (2023). Развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследованиях отечественных лингвистов (на материале защит кандидатских и докторских диссертаций в диссертационном совете Д 850.007.08). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 149–157. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.11>

¹ Статья выполнена в рамках научной школы Института иностранных языков МГПУ «Когнитивно-дискурсивная парадигма».

Original article

UDC 81-115

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.11

**ADVANCEMENT OF THE COGNITIVE-DISCURSIVE PARADIGM
IN STUDIES BY RUSSIAN LINGUISTS:
INSIGHTS FROM CANDIDATE AND DOCTORAL DISSERTATIONS
DEFENDED IN THE DISSERTATION COUNCIL D 850.007.08**

**Irina V. Tivyaeva¹,
Elina V. Nersesova²**

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ tivyaevaiv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

² nersesovaev@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5064-5745>

Abstract. The paper presents a review of contemporary linguistic research focusing on the analysis of discursive practices in different languages and exploring the principles of representing the cognitive sphere via natural language means. The review is based on theses and research papers published by members of the «Cognitive-Discursive Paradigm» scientific school, which operates at the Institute of Foreign Languages, Moscow City University. The study of current research trends in cognitive linguistics and discourse analysis yielded results indicating key areas for the development of the cognitive-discursive paradigm in Russian linguistics and outlined new avenues for further research.

Keywords: cognitive-discursive paradigm, scientific school, thesis committee.

For citation: Tivyaeva, I. V., Nersesova, E. V. (2023). Advancement of the cognitive-discursive paradigm in studies by Russian linguists: insights from candidate and doctoral dissertations defended in the dissertation council D 850.007.08. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 149–157. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.11>

Развитие научных парадигм неизменно связано с ростом исследовательской активности в той или иной области, что находит свое отражение в материальных результатах данной деятельности — в первую очередь в научных публикациях. На анализе публикационной активности, сконцентрированной вокруг определенной проблематики, базируется метод библиометрического анализа, позволяющий получить объективную картину распределения исследовательского интереса и выявить наиболее перспективные направления научных изысканий. Так, в работе С. А. Потякайло, в основу которой положен библиометрический анализ диссертационных исследований по специальностям 10.02.04 — *Германские языки* и 10.02.19 — *Теория языка* за период с 2000 по 2020 год, констатируется лидирующее положение двух парадигм в отечественной лингвистике: дискурсивной и когнитивной (Потякайло, 2022). При этом во втором десятилетии отмечается общий спад диссертационных исследований по указанным специальностям, выполненных в когнитивно-дискурсивном русле (Там же). Такое положение дел, с одной стороны, действительно может интерпретироваться как спад интереса среди ученых к определенной исследовательской области. Вместе с тем данная ситуация, как представляется, может свидетельствовать и о некоторой перефокусировке внимания исследователей, за которой последует новый виток развития парадигмы.

В поисках возможных точек роста когнитивно-дискурсивной парадигмы в современном отечественном языкознании обратимся к диссертационным исследованиям аспирантов и докторантов, защищенным в диссертационном совете Д 850.007.08 (председатель — доктор филологических наук, профессор О. А. Сулейманова) при Московском городском педагогическом университете (МГПУ) в период с 2018 по 2022 год. Отметим, что в Институте иностранных языков МГПУ на протяжении многих лет успешно работает научная школа «Когнитивно-дискурсивная парадигма», представители которой хорошо известны не только в России, но и за рубежом. Диссертационные исследования, выполненные в рамках данной школы, пополнили ряды блестящих защит в диссертационном совете Д 850.007.08. Рассмотрим ключевые направления исследований в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, представленные в диссертационных исследованиях сотрудников, аспирантов и докторантов Института иностранных языков МГПУ, а также других российских исследователей, представивших результаты своих научных изысканий в диссертационный совет.

В нижеследующий обзор включены диссертационные исследования на соискание ученых степеней кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.19 — *Теория языка*, защищенные в последние пять лет работы диссертационного совета. За указанный период в общей сложности было защищено 22 диссертации по рассматриваемой специальности, среди которых шесть докторских. Показательно, что 14 диссертационных исследований, в том числе четыре докторских, были подготовлены на кафедрах романской филологии и языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ, а 12 из них защищены под руководством доктора филологических наук, профессора Л. Г. Викуловой и доктора филологических наук, профессора О. А. Сулеймановой, со-руководителей научной школы «Когнитивно-дискурсивная парадигма».

В рассматриваемых диссертационных работах четко прорисовываются два исследовательских вектора: анализ дискурсивных практик на материале различных европейских и восточных языков и анализ принципов концептуализации и категоризации окружающей действительности.

В дискурсивном русле выполнены диссертационные исследования учеников профессора Л. Г. Викуловой. В диссертации Н. Б. Касьяновой «Прагматика авторского метатекста в музыкальном произведении» (2018) рассматривается дискурсивная личность композитора и авторский паратекст музыкального произведения как текст, предназначенный конкретному адресату (исполнителю) и через него непосредственно слушателю. В работе впервые получили описание коммуникативные стратегии и языковые механизмы, способствующие коммуникативному взаимодействию между участниками цепочки «автор – исполнитель – слушатель» (Касьянова, 2016; Шевченко, 2016).

Диссертационное исследование Н. Л. Шевченко «Аксиологические характеристики медийного диалога в предметной области музыкальная критика» (2019) также обращено к изучению музыкального дискурса как коммуникативного явления междисциплинарного характера, однако в исследовательском фокусе его автора оказывается не языковая объективация личности композитора как ключевой фигуры в музыкальном дискурсивном пространстве, а его лингвоаксиологический аспект и жанровые характеристики (Шевченко, 2016). В рамках избранного диссертантом подхода критическая музыкальная рецензия впервые рассматривается

как продвигающий текст, наделенный соответствующими свойствами посредством специфических вербальных и невербальных средств.

Отметим, что интерес к исследованиям дискурса обнаруживает себя не только в работах аспирантов и докторантов Института иностранных языков МГПУ, но и в диссертационных исследованиях представителей московских и региональных научных школ, среди которых исследования О. И. Калинина, Я. А. Блохиной, И. М. Дорониной, успешно защищенные в диссертационном совете Д 850.007.08.

Отличительной чертой исследований, выполненных в рамках научной школы «Когнитивно-дискурсивная парадигма», является обращение к лингвоаксиологическому аспекту анализа дискурса. Лингвоаксиологический анализ как метод лингвистического исследования находит применение в диссертационном исследовании М. А. Сычевой «Лингвоаксиологическая параметризация предметной сферы “культурное наследие” в туристическом дискурсе», в котором диссертант предпринимает попытку провести комплексный анализ принципов оценивания объектов культурного наследия в рамках туристического дискурса. Проведенное исследование приводит автора к выводу о трансляции ценностно-ориентированного опыта субъекта туристического дискурса через систему специальных языковых средств аксиологического характера (Сычева, 2016).

Вклад в разработку лингвоаксиологического направления в современной отечественной лингвистике вносит и диссертационная работа В. А. Райскиной «Лингвоаксиологическая концептуализация средневекового рыцарства (на материале художественного и научно-исторического дискурсов)», выполненная также под научным руководством профессора Л. Г. Викуловой. Применение аксиологического подхода к описанию средств вербальной репрезентации лингвокультурного типажа *средневековый рыцарь* позволило диссертанту представить модель системы ценностей, объективированных в старофранцузских текстах (Райскина, 2019). Так же как и в других диссертационных работах, защищенных учениками профессора Л. Г. Викуловой, в исследованиях В. А. Райскиной ведущими становятся понятия лингвокультуры и лингвокультурных ценностей; закономерным также является обращение к франкоязычному материалу и истории французской литературы и культуры в целом (Викулова, Райскина, 2021).

Принципы изучения многообразия лингвокультурных и дискурсивных практик, к которым обращается в своих исследованиях профессор Л. Г. Викулова, находят развитие и в диссертационных работах О. И. Короленко и Н. С. Агеевой, которые, на первый взгляд, концептуально и тематически не имеют точек пересечения, однако при ближайшем рассмотрении обнаруживают единство исследовательского макрообъекта, которым выступает академический дискурс и дискурсивные практики, присутствующие научной коммуникации. Если в исследованиях О. И. Короленко находит описание специфика доинституционального этапа бытования академического дискурса и проводится инвентаризация речевых жанров (Борботько, Короленко, 2016), типичных для французского академического дискурса XVII–XVIII веков, то работа Н. С. Агеевой посвящена современным форматам осуществления коммуникации в академическом сообществе. В частности, речь идет о сайте и социальных сетях университета как особых жанрах академического интернет-дискурса и коммуникативных стратегиях, обеспечивающих эффективное взаимодействие университетов как активных участников коммуникации в академической сфере с целевой аудиторией (Агеева, 2019).

Академический дискурс как объект исследовательского внимания представителей научной школы «Когнитивно-дискурсивная парадигма» Института иностранных языков МГПУ получает многоплановое описание и в исследованиях со-руководителя научной школы профессора О. А. Сулеймановой и ее учеников (Сулейманова, Чернова, 2020; Tivyaeva, Suleimanova, Fomina, 2021; Сулейманова, Тивьяева, 2022; Чекмаева, 2022). Масштабное исследование академического дискурса и его ценностной составляющей было проведено в рамках докторской диссертации А. А. Водяницкой, посвященной определению экспланаторного потенциала лингвистической аксиологии при анализе академических дискурсивных практик. Лингвоаксиологический подход, различные положения которого активно разрабатываются в исследованиях представителей научной школы «Когнитивно-дискурсивная парадигма», позволил А. А. Водяницкой предложить инновационную методологию и алгоритм анализа аксиологии академического дискурса, при котором за операциональную единицу анализа принимается событие. Таким образом, в исследованиях А. А. Водяницкой и ее научного консультанта можем наблюдать гармоничное сочетание трех ключевых для рассматриваемой научной школы исследовательских векторов: обращение к академическому дискурсу, жанрам и дискурсивным практикам в целом; развитие лингвоаксиологического подхода; разработка методологии современных лингвистических исследований (Сулейманова, Водяницкая, 2022).

В значимости лингвоаксиологического подхода для развития современной когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет убедиться и диссертационное исследование О. В. Казаченко, научным консультантом по которому выступила профессор И. А. Бубнова. Обращение автора работы, посвященной изучению структуры и содержания аксиологической сферы как подсистемы русского образа мира, к столь сложному объекту потребовало от диссертанта разработки комплексной методики исследования на основе лингвоаксиологического подхода, одним из важных составляющих которой стал экспериментальный метод (Бубнова, Казаченко, 2018).

Отметим, что развитие экспериментального направления входит в число приоритетов современной науки о языке. Невозможно переоценить значимость экспериментального метода и для исследований, выполненных в когнитивно-дискурсивном русле. Эксперимент положен в основу диссертационных исследований О. В. Казаченко, Д. В. Гороховой, А. А. Каревой, И. В. Зоца, К. С. Кардановой-Бирюковой, И. М. Петровой, В. В. Никитиной, Е. В. Чаплина, выполненных на кафедре зарубежной филологии Института гуманитарных наук МГПУ и на кафедре языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ. Особая роль работе с экспериментальными данными отводится в исследованиях профессора О. А. Сулеймановой, ее учеников и последователей (Карданова-Бирюкова, 2018; Петрова, Сулейманова, 2018; Сулейманова, Фомина, 2018; Тивьяева, 2018; Сулейманова, 2019). Перспективной видится разрабатываемая в рамках научной школы методика семантического эксперимента с применением современных систем BigData (Сулейманова, Демченко, 2018; Petrova, 2020; Suleimanova, 2020). Обращение к различным типам лингвистических экспериментов для решения исследовательских задач позволило представителям научной школы Института иностранных языков МГПУ получить значимые результаты в области описания различных аспектов вербальной коммуникации, а также речевой деятельности и когнитивной сферы человека.

Идеи когнитивно-дискурсивной парадигмы нашли свое развитие и в диссертационных исследованиях, выполненных на кафедрах китайского языка и германистики

и лингводидактики МГПУ под руководством профессора В. А. Курдюмова и профессора Е. Г. Борисовой. Изучению диалогической коммуникации посвящена работа С. А. Симатовой, в которой впервые предлагается модифицированный алгоритм структурно-динамического анализа диалогического текста на китайском языке (Симатова, 2018). В исследовании Л. Р. Зурабовой изучается специфика межкультурной коммуникации на субдиалекте шиак, распространенном на территории канадской провинции Нью-Брансуик (Зурабова, 2020). Вопрос выбора той или иной языковой единицы в условиях двуязычия обсуждается также в диссертации А. А. Соловьевой, выполненной под руководством доцента Л. А. Чижовой (Соловьева, 2022).

Таким образом, настоящий обзор наглядно демонстрирует палитру исследовательских интересов аспирантов и докторантов, представивших свои диссертационные работы в совет при МГПУ. Несмотря на упомянутый ранее инструментально определяемый парадигмальный кризис, среди представителей когнитивно-дискурсивной парадигмы в МГПУ есть четкое понимание перспектив разрабатываемого научного направления, которые в рамках научной школы Института иностранных языков МГПУ лежат в развитии лингвоаксиологического подхода к изучению различных дискурсивных практик, а также в дальнейшей разработке методологии современных исследований языка и культуры, в первую очередь экспериментальных методик.

Список источников

1. Потякайло, С. А. (2022). Библиометрический анализ исследовательских парадигм в лингвистике. *Litera*, 6, 129–140.
2. Касьянова, Н. Б. (2016). Композитор О. Мессиян как дискурсивная личность (на материале фортепианного цикла «Двадцать взглядов на младенца Иисуса Христа»). *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»*, 3(31), 115–124.
3. Шевченко, Н. Л. (2016). Способы выражения пейоративной и нейтральной оценки в рецензиях музыкальных критиков. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(24), 117–122.
4. Сычева, М. А. (2016). Руководство Организации Объединенных Наций по выполнению «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» как инструктивный жанр. *Казанская наука*, 3, 101–104.
5. Райскина, В. А. (2019). Персонификация Средневековья через призму лингвокультурного типажа *chevalier médiéval*: моделирование паспорта. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 5(2), 160–168.
6. Викулова, Л. Г., & Райскина, В. А. (2021). Речевой поступок автора на все времена: Мишель Монтень и Шарль Перро. *Антропологический поворот: теории и практики* (с. 191–200). Сборник трудов Международной научной конференции. Орловский государственный институт культуры.
7. Борботько, Л. А., & Короленко, О. И. (2016). Коммуникативная норма официального научного общения: торжественная речь в академическом дискурсе XVII–XVIII вв. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»*, 3(31), 95–103.
8. Агеева, Н. С. (2019). Сайт вуза как социально востребованный жанр в виртуальном образовательном пространстве: Ноттингемский университет (Великобритания). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(33), 87–92.
9. Сулейманова, О. А., & Чернова, В. Е. (2020). Информационно-медийная языковая личность в академическом пространстве. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 17, 1, 165–171.

10. Tivyaeva, I. V., Suleimanova, O. A., & Fomina, M. A. (2021). New type of university textbook: teaching linguistic research fundamentals in post-Covid research space. *TSNI 2021 – Textbook: Focus on Students' National Identity*, 984–994.
11. Сулейманова, О. А., & Тивьяева, И. В. (2022). Личность Другого в академическом дискурсе. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 8–2, 207–223.
12. Чекмаева, Н. А. (2022). Диалог с академическим сообществом: дискурсивный анализ стенограмм лекций. *Иностранные языки в высшей школе*, 3(62), 46–53.
13. Сулейманова, О. А., & Водяницкая, А. А. (2022). Academic recycling как новая реальность: проблема определения цифровой идентичности современного исследователя. *Общество. Коммуникация. Образование*, Т. 13, 1, 48–56.
14. Бубнова, И. А., & Казаченко, О. В. (2018). Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества. *Вопросы психолингвистики*, 2(36), 28–41.
15. Карданова-Бирюкова, К. С. (2018). Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, Т. 17, 1, 85–97.
16. Сулейманова, О. А., & Петрова, И. М. (2018). Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений. *Филология: научные исследования*, 3, 52–64.
17. Сулейманова, О. А., & Фомина, М. А. (2018). Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике. *Русистика и компаративистика: научные труды по филологии*, 220–235.
18. Тивьяева, И. В. (2018). Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва].
19. Сулейманова, О. А. (2019). Семантический эксперимент: новые возможности в системе координат big data. *Когнитивные исследования языка*, 36, 427–432.
20. Сулейманова, О. А., & Демченко, В. В. (2018). Использование big data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder*. *Когнитивные исследования языка*, 33, 466–472.
21. Petrova, I. M. (2020). Using big-data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(3), 392–400.
22. Симатова, С. А. (2018). Алгоритм глубинного анализа китайского текста в рамках предикационной концепции языка. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, 16(4), 80–87.
23. Зурабова, Л. Р. (2020). Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследований. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 6, 1, 48–61.
24. Соловьева, А. А. (2022). *Социолингвистические закономерности функционирования речевого этикета при двуязычии (на материале регионов Каталонии и Северной Индии)* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва].

References

1. Potyakajlo, S. A. (2022). Bibliometric analysis of research paradigms in linguistics, *Litera*, 6, 129–140. (In Russ.).
2. Kas'yanova, N. B. (2016). The composer O. Messiaen as a discourse personality (as exemplified in piano cycle «Vingt regards sur l'Enfant-Jésus»). *Scientific Bulletin founder: Voronezh State Technical University. Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches»*, 3(31), 115–124. (In Russ.).
3. Shevchenko, N. L. (2016). Ways of Positive and Negative Evaluation Expression in Musical Critics' Reviews. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(24), 117–122. (In Russ.).

4. Sycheva, M. A. (2016). The United Nations Guidelines for the Implementation of the «Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage» as an instructive genre. *Kazan Science*, 3, 101–104. (In Russ.).
5. Rajska, V. A. (2019). Medieval person sphere through the prism of the linguocultural character type chevalier médiéval: the modelling of passport. *Theoretical and Applied Linguistics*, 5(2), 160–168. (In Russ.).
6. Vikulova, L. G., & Rajska, V. A. (2021). The author's speech act for all times: Michel Montaigne and Charles Perrault. *Anthropological approach: theory and translation practice* (pp. 191–200). Proceedings of the International Scientific Conference. Orel State Institute of Culture. (In Russ.).
7. Borbotko, L. A., & Korolenko, O. I. (2016). Communicative norms of formal scientific communication: oration in the academic discourse of the XVII–XVIII centuries. *Scientific Bulletin founder: Voronezh State Technical University. Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches»*, 3(31), 95–103. (In Russ.).
8. Ageeva, N. S. (2019). University website as a socially demanded in digital educational space: Nottingham University (Great Britain). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(33), 87–92. (In Russ.).
9. Suleimanova, O. A., & Chernova, V. E. (2020). Information and media linguistic personality in the academic space. *Humanities and Social Studies in the Far East*, 1(17), 165–171. (In Russ.).
10. Tivyaeva, I. V., Suleimanova, O. A., & Fomina, M. A. (2021). New type of university textbook: teaching linguistic research fundamentals in post-Covid research space. *TSNI 2021 – Textbook: Focus on Students' National Identity*, 984–994. (In English).
11. Suleimanova, O. A., & Tivyaeva, I. V. (2022). «Figure of Other in academic discourse». *RSUH/RGGU Bulletin: «Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies» Series*, 8-2, 207–223. (In Russ.).
12. Chekmaeva, N. A. (2022). Dialogue in Academic Discourse: Discursive Analysis of Public Talks Scripts. *Inostrannye yazyki v vyshej shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]*, 3(62), 46–53. (In Russ.).
13. Sulejmanova, O. A., & Vodyanickaya, A. A. (2022). Academic recycling as a new reality: defining digital identity of a modern researcher. *Society. Communication. Education*, 13(1), 48–56. (In Russ.).
14. Bubnova, I. A., & Kazachenko, O. V. (2018). Cultural constants of the Russian image of the world at the present stage of society development. *Journal of Psycholinguistics*, 2(36), 28–41. (In Russ.).
15. Kardanova-Biryukova, K. S. (2018). Specifics of Russian speakers' communicative behavior in interpersonal communication (based on the findings of experimental research). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, T. 17, 1, 85–97. (In Russ.).
16. Suleimanova, O. A., & Petrova, I. M. (2018). Explanatory Potential of the Theory of Classes for Linguistic Research: Word Order in Attributive Group. *Filologiya: nauchnye issledovaniya [Philology: Scientific Research]*, 3, 52–64. (In Russ.).
17. Sulejmanova, O. A., & Fomina, M. A. (2018). Triangulation as a research method in experimental linguistics. *Rusistika i komparativistika: nauchnye trudy po filologii*, 220–235. (In Russ.).
18. Tivyaeva, I. V. (2018). Cognitive-Communicative Conception of Mnemonic Activity [Abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Moscow]. (In Russ.).
19. Sulejmanova, O. A. (2019). Semantic experiment: new approaches via big-data systems. *Cognitive Studies of Language*, 33, 466–472. (In Russ.).
20. Suleimanova, O. A., & Demchenko, V. V. (2018). Using big data in experimental linguo-cognitive studies: analysis of the semantic structure of the verb *shudder*. *Cognitive Studies of Language*, 33, 466–472. (In Russ.).
21. Petrova, I. M. (2020). Using big-data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(3), 392–400. (In English).

22. Simatova, S. A. (2018). The algorithm of deep analysis for Chinese text in the framework of predicational conception of language. *NSU Vestnik. Series «Linguistics and Intercultural Communication»*, 16(4), 80–87. (In Russ.).

23. Zurabova, L. R. (2020). Code switching and bilingualism: origin of the field of linguistic research. *Theoretical and Applied Linguistics*, 6, 1, 48–61. (In Russ.).

24. Solov'eva, A. A. (2022). *Sociolinguistic patterns of speech etiquette the functioning of in bilingualism (on the material of the regions of Catalonia and North India)* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.19. Moscow]. (In Russ.).

Информация об авторах

Ирина Владимировна Тивьяева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения, заместитель директора Института иностранных языков МГПУ.

Элина Витальевна Нерсесова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Irina V. Tivyayeva — Doctor of Philology, Professor at Linguistics and Translation Studies Department, Deputy Director, Institute of Foreign Languages, MCU.

Elina V. Nersesova — PhD in Philology, Associate Professor at Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 8.81-119

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.12

**КОНЦЕПТОЛОГИЯ В МГПУ:
НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБЗОР****Матюшина Наталия Владимировна**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,matushinanv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Аннотация. Статья представляет собой обзор научной литературы по проблеме изучения концептов, изданной в Московском городском педагогическом университете (МГПУ). В работе представлены результаты анализа диссертационных исследований за период 01.01.2012–30.04.2022, защищенных в диссертационных советах МГПУ, подготовленных докторантами, аспирантами и соискателями МГПУ, а также тех, в защите которых в качестве оппонентов и авторов отзывов ведущей организации принимали участие сотрудники МГПУ. Кроме того, в рамках исследования изучены монографии преподавателей МГПУ и статьи о концептуализации, опубликованные в «Вестнике МГПУ» с 2008 года по настоящее время.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, Московский городской педагогический университет (МГПУ), ВАК при Минобрнауки России, диссертация на соискание ученой степени кандидата/доктора филологических наук.

Для цитирования: Матюшина, Н. В. (2023). Концептология в МГПУ: наукометрический обзор. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 158–169. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.12>

Благодарность: Автор испытывает искреннее уважение к коллегам, а также выражает глубокую благодарность авторам работ, послуживших основой для наукометрического анализа.

Original article

UDC 8.81-119

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.12

**CONCEPTOLOGY IN MCU:
SCIENTOMETRIC REVIEW****Nataliya V. Matyushina**Moscow City University,
Moscow, Russia,matushinanv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Abstract. The paper reviews contemporary research on concepts in MCU. First and foremost, there is a detailed analysis of the Moscow City University (MCU) related theses on the issue dated from 2012.01.01 to 2022.04.30. Besides the above mentioned theses analysis the paper provides a profound review of up-to-date contributions published in *MCU Journal of Philology. Theory*

of *Linguistics. Linguistic Education* since 2008 as well as monographs on concepts issued in MCU within recent years.

Keywords: concept, conceptualisation, Moscow City University (MCU), Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia, thesis research for the degree of Candidate/Doctor of Philological Sciences.

For citation: Matyushina, N. V. (2023). Conceptology in MCU: scientometric review. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 158–169. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.12>

Gratitude: The author has sincere respect for his colleagues, and also expresses deep gratitude to the authors of the works that served as the basis for scientometric analysis.

Введение

Целью данного обзора является раскрытие актуальных тенденций в концептологических исследованиях, выполненных или обсужденных в стенах Московского городского педагогического университета, а также в других университетах и институтах нашей страны с участием преподавателей и аспирантов МГПУ. Исходя из цели были определены следующие задачи: во-первых, рассмотреть работы по изучению концептов различного уровня: диссертации на соискание ученых степеней, научные статьи в «Вестнике МГПУ», рецензируемом Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, коллективные и авторские монографии; во-вторых, описать тематику проведенных в МГПУ исследований различных концептов; в-третьих, наглядно представить географию работ по изучению концептов; в-четвертых, выявить количественные показатели концептологических исследований в МГПУ, такие как: число внутренних и внешних защит диссертаций, участие преподавателей МГПУ в работе диссертационных советов других учебных и научных заведений в качестве официальных оппонентов или авторов отзывов ведущей организации; в-пятых, сравнить тенденции развития науки о концептах в МГПУ с развитием концептологии в других столичных вузах и регионах.

Материал и методы

Для решения поставленных задач на первом этапе исследования методом сплошной выборки с официального сайта ВАК РФ были отобраны авторефераты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора филологических наук, защищенных за период 01.01.2012–30.04.2022, общее число которых составило 414 работ. Далее путем применения элементов количественного анализа были выявлены определенные показатели. Кроме того, в ходе проведения исследования был проведен содержательный анализ отобранных авторефератов.

На втором этапе были проанализированы научные статьи, опубликованные в периодическом журнале *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория Языка. Языковое образование (2008–2022)*; *Серия: Филологическое образование (2008–2014)*. Статьи, посвященные концептам и концептуализации, также отобранные методом сплошной выборки, составили в своем количестве 26 работ.

В заключение были рассмотрены монографии, освещающие вопросы концептуализации, изданные сотрудниками МГПУ. С даты образования вуза было опубликовано пять монографий по интересующей нас тематике.

Результаты анализа диссертационных исследований

Количество работ, написанных, защищенных и обсужденных (при написании отзывов официальных оппонентов и отзывов ведущих организаций) в МГПУ насчитывает 58 работ (рис. 1).

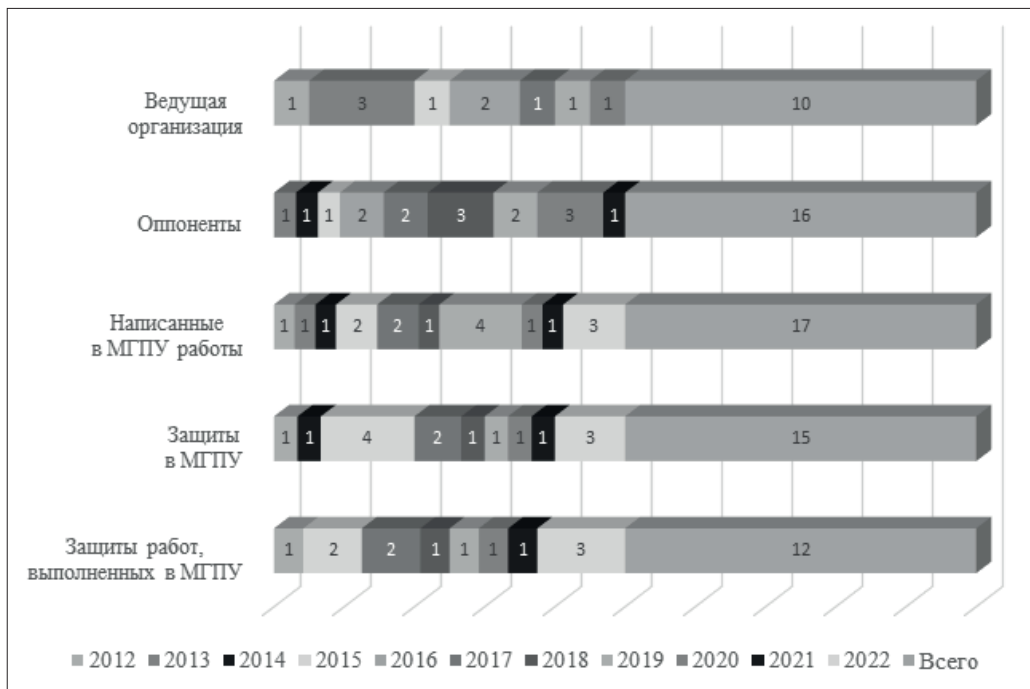

Рис 1. Диаграмма «Количество написанных, защищенных и обсужденных в МГПУ диссертационных исследований»

Fig. 1. Diagram «Theses produced, defended and discussed in MCU»

В стенах нашего университета за последние десять лет было написано 17 диссертаций по концептологии на соискание ученой степени кандидата филологических наук, основной целью которых было описание ряда концептов одного или нескольких языков. Данные труды выполнены под руководством профессоров МГПУ, внесших значительный вклад в языкознание как благодаря своим печатным трудам, так и подготовке научных кадров. Отметим, что восемь диссертаций было подготовлено под руководством д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Поповой (ср.: Бирюкова, Попова, 2015), четыре — под руководством д-ра филол. наук, проф. О. А. Сулеймановой (Suleimanova, Guseinova, Vodyanitskaya, 2020), по одной под руководством д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Викуловой (Vikulova, Tareva, Gerasimova, 2020), д-ра филол. наук, проф. К. М. Барановой (ср. работы автора: Чупрына, Баранова, 2022), д-ра филол. наук, проф. Е. Ф. Кирова (Киров, 2019), д-ра филол. наук, проф. О. Г. Чупрыны (Баранова, Чупрына, 2015)

и совместно д-ром филол. наук, проф. Э.-И. С. Рахманкуловой (Рахманкулова, 2004) и д-ром филол. наук, проф. Е. Г. Борисовой (Маркетинговая лингвистика, 2019).

В диссертационных советах МГПУ было защищено пять сторонних диссертационных исследований, из которых два были написаны в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД Российской Федерации (МГИМО), по одному в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина, Воронежском государственном аграрном университете им. Петра I.

Обратимся к сравнению распределения количества диссертационных работ в России и в МГПУ по годам написания (рис. 2). Из приведенного графика видно, что количество диссертационных трудов, создаваемых в МГПУ, весьма стабильно на протяжении всего последнего десятилетия. Общее же число исследований концептов в стране довольно изменчиво. Так, в 2014 году защищено почти в два раза меньше работ, чем в 2013 году. Возможно, данная статистика объясняется рядом факторов, в том числе экстралингвистических, например особенностью функционирования диссертационных советов. Кроме того, в целом по стране наблюдается общий спад интереса к описанию концептов.

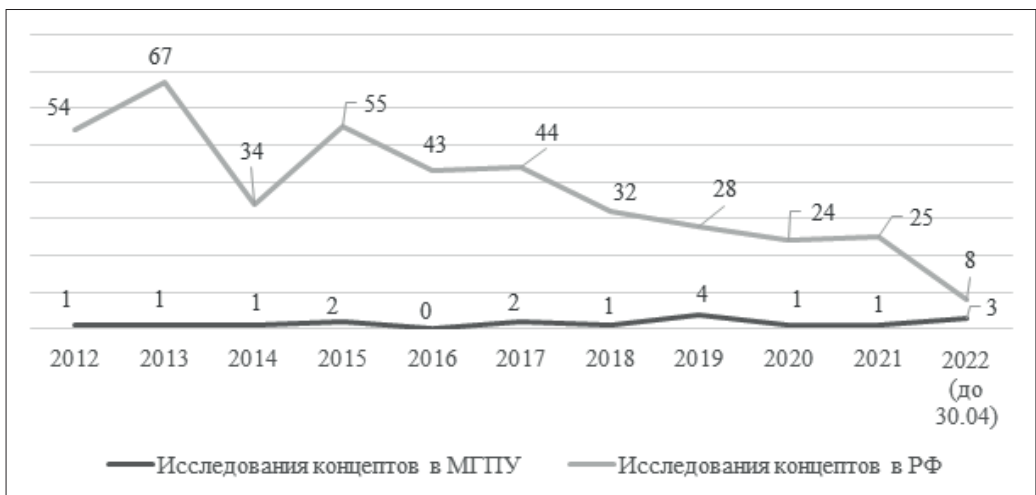

Рис. 2. Диаграмма «Распределение количества защит по годам»

Fig. 1. Diagram «Theses distributed per years»

Анализируя тематику защищенных работ в разрезе научных специальностей Высшей аттестационной комиссии (согласно номенклатуре до 2022 года), по которым заявлены рассматриваемые диссертации, можно увидеть (см. табл. 1), что большее количество работ в МГПУ выполнено по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» (семь диссертаций), также преподаватели МГПУ выступали оппонентами по данной специальности. Отметим, что ученые активно участвуют как в научных мероприятиях различного уровня, так и в публикационной деятельности: Л. Г. Попова (Бирюкова, Радченко, Попова, 2021), Е. С. Абаева (Абаева, 2021), Н. В. Лягушкина (Лягушкина, 2000), Е. Е. Матвеева (Матвеева, 2021), И. В. Стеколыщикова (Стеколыщикова, 2019). Также значимое число работ, выполненных и защищенных в МГПУ, в количестве пяти диссертаций,

Таблица 1

Распределение диссертаций по специальностям ВАК

Table 1

Theses' distribution by the HАС scientific specialties

Специальности ВАК	Защиты работ, выполненных в МГПУ	Защиты в других вузах работ, выполненных в МГПУ	Защиты в МГПУ работ, выполненных в других вузах	Оппоненты из МГПУ	МГПУ — ведущая организация
10.02.19 — Теория языка	5	0	0	1	2
10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	3	4	0	7	2
10.02.01 — Русский язык	1	0	0	2	0
10.01.02 — Литература народов РФ (русская литература)	0	0	0	3	0
10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	0	0	0	0	1
10.02.04 — Германские языки	3	1	3	3	5
Всего	12	5	3	16	10

заявлены по специальности 10.02.19 — «Теория языка». Такое же число отзывов ведущей организации от МГПУ было составлено по специальности 10.02.04 — «Германские языки». Из полученных данных можно сделать вывод о том, что, во-первых, ученые МГПУ сфокусированы на решении теоретических вопросов концептологии: определении терминов, разработке и совершенствовании методологии описаний и т. п. Кроме того, авторы проводят сравнительные штудии. Актуальность подобных работ, вероятно, обусловлена активной межкультурной коммуникацией в современном мире и необходимостью рассмотрения теоретических и практических аспектов данной коммуникации.

Рассмотрим еще некоторые наукометрические показатели. Оппонентами являлись 43 человека — представители 37 вузов и шести институтов РАН в Москве. Наиболее часто задействованы в защитах преподаватели Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, МГЛУ, Московского государственного областного университета (МГОУ), МГПУ и МГИМО (табл. 2).

География регионов, в которых были составлены отзывы ведущей организации о представленных на защиту отечественных диссертационных исследованиях за десятилетний период, довольно обширна и насчитывает 75 городов России и ближайшего зарубежья. Наибольшее количество отзывов было подготовлено в Москве (69 отзывов), причем среди московских учреждений науки и образования лидирует

Таблица 2

Место работы столичных оппонентов на защитах по концептологии с 2012 по 2022 год
(первые 18 организаций списка)

Table 2

Moscow official opponents' affiliation on concept theses dated from 2012 to 2022
(first 18 places on the list)

Вуз	Количество оппонентов	Вуз	Количество оппонентов
МГУ им. М. В. Ломоносова	34	ИЯ РАН ³	5
МГЛУ	19	ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова ⁴	4
МГОУ	18	Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ ⁵	4
МГПУ	16	РГГУ ⁶	3
МГИМО	12	МИЭТ	3
ВШЭ ¹	10	РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева ⁷	2
РУДН	9	РАНХиГС ⁸	2
ГИРЯ им. А. С. Пушкина	7	МГТУ им. Н. Э. Баумана ⁹	2
МПГУ ²	7	ЛИ им. М. А. Горького ¹⁰	2

МГПУ (10 отзывов). Активное участие в защитах в качестве ведущих организаций продемонстрировали университеты Волгограда (23 отзыва), Уфы (18 отзывов), Санкт-Петербурга (13 отзывов) и др.

Говоря о географии учреждений, с которыми сотрудничает МГПУ в рамках мероприятий по защите диссертационных исследований, посвященных изучению концептов, нужно отметить, что она довольно обширна. Среди наиболее частых партнеров за десятилетний период можно отметить МГОУ, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов (РУДН), МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Мичуринский государственный аграрный университет, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ГИРЯ им. А. С. Пушкина) и др.

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

² Московский педагогический государственный университет

³ Институт языкознания РАН

⁴ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

⁵ Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

⁶ Российский государственный гуманитарный университет

⁷ Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева

⁸ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

⁹ Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

¹⁰ Литературный институт им. М. А. Горького

Результаты анализа научных статей в «Вестнике МГПУ»

Перейдем к анализу научных статей, представивших результаты исследований различных аспектов концептологии в периодическом издании МГПУ. В 2008 году «Вестник МГПУ» имел две серии, посвященные лингвистической тематике, с 2014 года журнал имеет серию: «Филология. Теория Языка. Языковое образование». При подготовке настоящего обзора были изучены все выпуски обеих серий до № 2 (46) 2022 года, что в общей сложности составило 1 087 статей, из них одна рецензия (см. работы автора: (Suleimanova, 2020)) и 26 научных статей посвящены описанию концептологических исследований. Авторами данных трудов выступили 26 ученых МГПУ и коллег из других образовательных учреждений РФ, в том числе МПГУ, МГИМО, МГЛУ, Восточно-Сибирской государственной академии образования, Волгоградского государственного социально-педагогического университета и др.

Отметим, что четыре статьи подготовлены в соавторстве; пять преподавателей и аспирантов МГПУ опубликовали по две работы, например В. С. Машошина (Машошина, 2019). Среди авторов восемь докторов филологических наук: К. М. Баранова (Afanasjeva, Baranova, Churyna, 2020), М. Р. Желтухина (Zheltukhina et al., 2017), Е. Ф. Киров (Беляева, Киров, 2020) и др., 10 кандидатов филологических наук (на момент написания статей). Кроме того, среди авторов «Вестника МГПУ» есть и начинающие концептологи, например А. Ю. Мозесон (Мозесон, 2019).

Говоря о тематике отобранных в ходе настоящего анализа статей «Вестника МГПУ», отметим, что на теоретических аспектах исследования концептов сфокусировано четыре автора, в том числе А. В. Алексеев (Алексеев, 2000), восемь — в качестве материала исследования выбрали художественный дискурс, в том числе Н. Б. Касьянова (Касьянова, 2016). Вопросам лексикографического описания концептуализации посвящены три работы, в частности статья В. В. Никитиной (Никитина, 2020), такое количество — сопоставительному анализу концептов в нескольких лингвокультурах (рис. 3), например работа Н. В. Матюшиной (Лягушкина, 2012).

На страницах журнала были рассмотрены группы концептов, описывающие: *природные объекты и явления* (птица, зоонимические концепты); *базовые понятия* (смерть, несбывшееся, пространство, деструктивность); *физические ощущения* (тактильные, вкусовые ощущения; дрожь); *общечеловеческие ценности* (одиночество, любовь, герой, дом, ценностные основы национальной картины мира); *религиозные понятия* (жертвенность, тело и душа).

Проблематика научных монографий по концептологии, опубликованных научными коллективами МГПУ

Рассмотрим монографии по избранной для настоящего обзора тематике. В МГПУ издано пять монографий, в которых представлены результаты концептологических исследований. В 2023 году при втором переиздании монографии 2018 года коллектив авторов описал концептуализацию «настойчивого», «вкусообозначения», «удаления из тела телесного объекта», «философа» (Методология..., 2023). Т. В. Слестникова и Е. И. Черкашина детально проанализировали описания концепта «цвет» во франкофонной лингвистике в диахронии (Слестникова, Черкашина, 2021).

Рис 3. Диаграмма «Тематика статей “Вестника МГПУ. Серия “Филология. Теория языка. Языковое образование”»»

Fig. 3. Diagram «MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»

О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина и О. Г. Чупрына исследовали концепты «время», «свобода», «судьба», «одиночество» и «достоинство» в англо-американской лингвокультуре XIX века (Афанасьева и др., 2019). В коллективных монографиях, посвященных исследованию фауны в пространстве литературы и языка, описаны концепты «птица» (Абашева и др., 2019), «жук», «пчела», «бабочка» и другие насекомые (Алексеев и др., 2020).

Заключение

Проведенный количественный и качественный анализ исследований концептов в МГПУ позволяет сделать следующие выводы.

Преподаватели, аспиранты и соискатели вуза активно занимаются лингвистическими исследованиями, в том числе изучением различных аспектов концептологии. В университете проводятся защиты диссертационных исследований, публикуются монографии и научные статьи по проблемам изучения концептов и концептуализации. МГПУ занимает прочные позиции среди научных и учебных заведений России в данной области. Более того, в стенах МГПУ составляет значительное количество отзывов ведущей организации о диссертациях по изученной в рамках данного обзора тематике, за последнее десятилетие среди московских учреждений науки и образования МГПУ занял лидирующую позицию. Число лингвистов и филологов, выступивших в качестве официальных оппонентов на защитах диссертационных работ, посвященных изучению концептуализации, за период с 2012 по 2022 год также

довольно велико, благодаря чему МГПУ занимает четвертое место среди столичных университетов и институтов.

Полученные в результате наукометрического анализа данные свидетельствуют о том, что МГПУ является стабильно развивающимся учебным заведением, открытым для новых проектов и исследований в различных научных областях, готовым к сотрудничеству с вузами-партнерами и коллегами из других регионов.

Список источников

1. Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Официальный сайт. (2023, 13 октября). <https://vak.minobrнауки.gov.ru/main>
2. Бирюкова, Е. В. (2015). О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11–3(53), 40–43.
3. Suleimanova, O. A., Guseinova, I. A., & Vodyanitskaya, A. A. (2020). The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science. *Society. Integration. Education* (pp. 657–669). Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23.05.2020. Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija.
4. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Gerasimova, S. A., Rayskina, V. A., & Serebrennikova, E. F. (2020). Retrospective semiometrics of the sign valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. DOI: 10.18355/XL.2020.13.01.13
5. Chupryna, O. G., & Baranova, K. M. (2022). Social and cultural values in American web-based discourse. *Bulletin of Moscow Region State University. Series «Linguistics»*, 4, 122–130.
6. Киров, Е. Ф. (2019). Активные процессы в грамматике русского языка. *Русский язык за рубежом*, 2(273), 42–51.
7. Баранова, К. М., & Чупрына, О. Г. (2015). Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 6, 8–15.
8. Рахманкулова, И.-Э. С. (2004). К вопросу о теории аспектуальности. *Вопросы языкознания*, 1, 3–28.
9. *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста*. (2019). Флинта.
10. Бирюкова, Е. В., Радченко, О. А., & Попова, Л. Г. (2018). *Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков*. Учебник для бакалавриата и магистратуры. Юрайт.
11. Абаева, Е. С. (2021). Юмор как речевая характеристика персонажа в художественном тексте: проблемы перевода. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 4, 49–57.
12. Лягушкина, Н. В. (2000). *Семантика пространственных предлогов и наречий позади и сзади. Исследования по семантике предлогов* (с. 297–312). Русские словари.
13. Матвеева, Е. Е. (2021). Семантика терминов фонетики, обозначающих единицу интонации в английском и русском языках. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 5, 162–166.
14. Стеколыщикова, И. В. (2019). Натуралистические идеи в лингвистической теории Ф. Ф. Фортунатова. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 4, 144–152.
15. Suleimanova, O. A. (2020). Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices. *Training, Language and Culture*, 4–4, 39–50.
16. Машошина, В. С. (2019). Эволюция концепта «одиночество» в американской языковой картине мира. *Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию доктора филологических наук, почетного работника высшей школы РФ, лауреата премии Правительства РФ в области образования Ольги Васильевны Афанасьевой* (с. 103–108). Диона.

17. Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 1098–1106). Conference proceedings, Moscow, 2020, April 23–25. European Publisher.
18. Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Mikhaylova, S. V., Borbotko L. A., & Masalimova, A. R. (2017). Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm. *XLinguae*, 10(2), 85–100.
19. Беляева, М. В., & Киров, Е. Ф. (2020). Проблема понимания устных высказываний с нулевыми единицами (русско-немецкие параллели). *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*, 14(1), 5–19.
20. Мозесон, А. Ю. (2019). Особенности языкового конструирования метамодели художественного персонажа в литературной критике XX – начала XXI века. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 6, 35–40.
21. Алексеев, А. В. (2000). Английский сплин и русская хандра. *Русская речь*, 2, 106–111.
22. Касьянова, Н. Б., & Шевченко, Н. Л. (2016). Композитор О. Мессиа́н как дискурсивная личность (на материале фортепианного цикла «Двадцать взглядов на Младенца Иисуса Христа»). *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 3(31), 115–124.
23. Никитина, В. В. (2020). Проблема разграничения: значение vs смысл vs понятие vs концепт как метаязык описания семантической структуры языкового знака. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(6), 238–242.
24. Лягушкина, Н. В. (2012). К вопросу о формировании базовых концептов: время и движение. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1(12), 104–108.
25. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе*. (2023). 2-е издание, стереотипное. Флинта.
26. Сланикова, Т. В., & Черкашина, Е. И. (2021). *Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях*. Языки Народов Мира.
27. Афанасьева, О. В., Баранова, К. М., Машошина, В. С., & Чупрына, О. Г. (2019). *Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство*. Дюна.
28. Абашева, Д. В., Алексеев, А. В., Алешина, Л. Н., Бабенко, В. Г., Богачева, Г. Ф., Бурко, Н. В., Васильев, С. А., Верина, У. Ю., Викулова, Л. Г., Гаврилина, О. В., Герасимова, С. В., Гришанова, В. Н., Гульченко, В. В., Девятова, Н. М., Джанумов, С. А., Добровольская, В. Е., Дундукова, А. М., Ефимова, С. Н., Захарова, М. В., ... & Якушевич, И. В. (2019). *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*. Коллективная монография. Книгодел.
29. Алексеев, А. В., Андреев, А. Н., Балашова, И. Г., Балашов-Ескин, К. М., Борюшкина, Е. Н., Васильев, С. А., Волкова, А. Ю., Галимуллина, А. Ф., Гаврилина, О. В., Герасимова, С. В., Громова, А. В., Джанумов, С. А., Добровольская, В. Е., Ефетов, К. А., Захарова, М. В., Июльская, Е. Г., Казмирчук, О. Ю., Калашников, С. Б., Карпачева, Т. С., ... & Шафранская, Э. Ф. (2020). *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка*. Коллективная монография. Книгодел.

References

1. *Higher Attestation Commission of the Russian Federation's cite*. (2023, October 13). <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main> (In Russ.).
2. Biryukova, E. V., & Popova, L. G. (2015). On development trends of modern comparative-historical, typological and contrastive linguistics. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 11–3(53), 40–43. (In Russ.).
3. Suleimanova, O. A., Guseinova, I. A., & Vodyanitskaya, A. A. (2020). The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science. *Society. Integration. Education* (pp. 657–669). Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23.05.2020. Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija. (In English).

4. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Gerasimova, S. A., Rayskina, V. A., & Serebrennikova, E. F. (2020). Retrospective semiometrics of the sign valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. (In English).
5. Chupryna, O. G., & Baranova, K. M. (2022). Social and cultural values in American web-based discourse. *Bulletin of Moscow Region State University. Series «Linguistics»*, 4, 122–130. (In English).
6. Kirov, E. F. (2019). Active processes in the grammar of the Russian language. *Russian Language Abroad*, 2(273), 42–51. (In Russ.).
7. Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2015). The diachronic approach to the constants in the American world model. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 8–15. (In Russ.).
8. Rakhmankulova, I.-E. S. (2004). On the category of aspectuality. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 3–28. (In Russ.).
9. *Market linguistics. Promoting text's patterns.* (2019). Flinta. (In Russ.).
10. Biryukova, E. V., Radchenko, O. A., & Popova, L. G. (2018). *Linguistics: comparative typology of the German and Russian languages*. Textbook for bachelor and master students. Yurait. (In Russ.).
11. Abaeva, E. S. Humour as a speech characteristic of a character: problems of translation. (2021). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 49–57. (In Russ.).
12. Lyagushkina, N. V. (2000). The semantics of spatial prepositions and adverbs *pozady* and *szady*. *Investigations on prepositional semantics* (pp. 297–312). Russian Dictionaries. (In Russ.).
13. Matveeva, E. E. (2021). The semantics of phonetic terms denoting units of intonation in English and Russian. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 5, 162–166. (In Russ.).
14. Stekolshchikova, I. V. (2019). Naturalistic ideas in linguistic theory of F. F. Fortunatov. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistic*, 4, 144–152. (In Russ.).
15. Suleimanova, O. A. (2020). Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices. *Training, Language and Culture*, 4–4, 39–50. (In English).
16. Mashoshina, V. S. (2019). The evolution of the concept of loneliness in American world modeling. *Materials of the International conference dedicated to the 70th anniversary of the Doctor of Philology, honorary worker of the Higher School of the Russian Federation, laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of education Olga Vasilyevna Afanasyeva* (pp. 103–108). Diona. (In Russ.).
17. Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 1098–1106). Conference proceedings, Moscow, 2020, April 23–25. European Publisher. (In English).
18. Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Mikhaylova, S. V., Borbotko L. A., & Masalimova, A. R. (2017). Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm. *XLinguae*, 10(2), 85–100. (In English).
19. Belyaeva, M. V., & Kirov, E. F. (2020). The problem of understanding colloquial statements with zero units (Russian-German parallels). *Aspects of the Cognitive and Functional Description of the Russian and Bulgarian languages*, 14(1), 5–19. (In Russ.).
20. Mosesohn, A. Yu. (2019). Features of the linguistic construction of the meta-model of an artistic character in literary criticism of the XX – early XXI century. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 35–40. (In Russ.).
21. Alekseev, A. V. (2000). English splin and Russian khandra. *Русская речь*, 2, 106–111. (In Russ.).
22. Kasyanova, N. B., & Shevchenko, N. L. (2016). The Composer O. Messiaen as a Discourse Personality (as Exemplified in Piano Cycle «Vingt Regards Sur L'enfant-Jésus»). *Scientific Bulletin founder: Voronezh State Technical University. Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches»*, 3(31), 115–124. (In Russ.).

23. Nikitina, V. V. (2020). Problem of differentiation: meaning vs idea vs notion vs concept as meta-language to describe semantic structure of linguistic sign. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 13(6), 238–242. (In Russ.).
24. Lyagushkina, N. V. (2012). To the question about basic concepts formation: time and movement. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 1(12), 104–108. (In Russ.).
25. *The methodology of contemporary semantic investigations in development and prospective*. (2023). Flinta. (In Russ.).
26. Slastnikova, T. V., & Tcherkashina, E. I. (2021). *Colour and colour designation in linguistics*. Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
27. Afanasyeva, O. V., Baranova, K. M., Mashoshina, V. S., & Chuprina, O. G. (2019). *The American cultural and linguistic picture of the world of the XIX century: time, freedom, fate, loneliness, dignity*. Diona. (In Russ.).
28. Abasheva, D. V., Alekseev, A. V., Alyoshina, L. N., Babenko, V. G., Bogacheva, G. F., Burko, N. V., Vasil'ev, S. A., Verina, U. Ju., Vikulova, L. G., Gavrilina, O. V., Gerasimova, S. V., Grishanova, V. N., Gul'chenko, V. V., Devyatova, N. M., Dzhanumov, S. A., Dobrovolskaya, V. E., Dundukova, A. M., Efimova, S. N., Zaharova, M. V., ... & Jakushevich, I. V. (2019). *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language*. Collective monograph. Knigodel. (In Russ.).
29. Alekseev, A. V., Andreev, A. N., Balashova, I. G., Balashov-Eskin, K. M., Boryushkina, E. N., Vasiliev, S. A., Volkova, A. Yu., Galimullina, A. F., Gavrilina, O. V., Gerasimova, S. V., Gromova, A. V., Dzhanumov, S. A., Dobrovolskaya, V. E., Efetov, K. A., Zakharova, M. V., July, E. G., Kazmirchuk, O. Yu., Kalashnikov, S. B., Karpacheva, T. S., ... & Shafranskaya, E. F. (2020). *Insects' world in the space of literature, culture and language*. Collective monograph. Knigodel. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Матюшина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Nataliya V. Matyushina — PhD (Philology), Associate Professor of English Studies and Cross-Cultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.13

АГРЕССИВИЗАЦИЯ И ЛЮДИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТЕЙНМЕНТА

Алексеев Александр Борисович

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

Москва, Россия,

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению коммуникативных свойств политейнмента. В фокус исследования, осуществляемого общенаучными и лингвистическими методами, попадают прежде всего явления агрессивизации и людизации, которые, как показывает их изучение, часто неотъемлемы друг от друга, что соотносится с людической функцией невежливости, превращающейся в тейнмент-технологию. В работе выделены несколько приемов, которые способствуют привнесению в политический дискурс интерактивных элементов. В их числе: риторическая фигура прохождения, гиперболизация (гротеск), инструмент языковой игры, эвфемизация, дисфемизация, иронизация (самоирония), эффекты обманутого ожидания и саспенса, лингвистическая апроприация. Не все из них следует квалифицировать способами осуществления речевой агрессии. К примеру, самоирония, обладая людическими и даже манипулятивными потенциями, в отличие от иронии, едва ли когда-либо соотносится с невежливостью. Тем не менее большинство из выделенных техник коммуникативного воздействия способны трансформировать политический дискурс в политейнмент именно ввиду возможности посредством них оказать речевое и психологическое давление на политического соперника. В своих крайних проявлениях людизация, сочетаясь с агрессивизацией, фактически предполагает осмеяние и коммуникативное уничтожение человека, выступающего идеологическим или политическим противником говорящего, для чего особенно эффективными могут быть гиперболизация и гротескное портретирование. В других случаях людический эффект достигается и более «мягкими» приемами: прохождением, иронизацией и т. д. Иногда в результате людизации и агрессивизации меняется коннотативное содержание некоторых слов. Так, с помощью лингвистической апроприации любая инвектива открыта переосмыслению. В дальнейшем предполагается обратиться к подробному рассмотрению и иных коммуникативных явлений, способствующих становлению политейнмента, вписанного в более общие структуры тейнмент-дискурса как гипердискурса, — мезидизации, симплизации, ювенилизации.

Ключевые слова: гибридный дискурс, людизация, политейнмент, развлекательный дискурс, речевая агрессия, тейнмент-технология, языковая игра.

Для цитирования: Алексеев, А. Б. (2023). Агрессивизация и людизация политического дискурса в свете изучения политейнмента. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>

Original article

UDC 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.13

**AGGRESSIVIZATION AND LUDIZATION
OF POLITICAL DISCOURSE
IN THE LIGHT OF POLITAINMENT STUDIES****Alexander B. Alexeyev**

The Russian Academy of Economics and State Service

by the President of the Russian Federation,

Moscow, Russia,

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article considers communicative features of politainment. Aggressivization and ludization are the primary focus of the research carried out through the intermediary of general scientific and linguistic methods. The phenomena under study are often inseparable from one another and this corresponds to the ludic function of impoliteness, being transformed into a tainment technology. The research witnesses a number of techniques singled out. They are as follows: the rhetorical figure of mentioning, hyperbolization (grotesque), the tool of language play, euphemization, dysphemization, ironization (self-irony), the effects of defeated expectancy and suspense, linguistic appropriation. Not all of them ought to be qualified as the methods of speech aggression realization. For example, self-irony, having ludic and even manipulative potencies, unlike irony, is hardly ever associated with impoliteness. Nevertheless, most of the techniques in question are able to transform political discourse into politainment precisely because they prompt to exert speech and psychological pressure on the political rival. In its extreme cases, ludization combined with aggressivization presupposes mockery and communicative annihilation of the ideological or political foe. For this, hyperbolization and grotesque portraying can be most effective. In other cases, the ludic effect is achieved by ‘softer’ techniques: mentioning, ironization, etc. Sometimes, as the result of ludization and aggressivization, connotative aspects of some words are changed. Thus, every invective is open to reconsideration with the help of linguistic appropriation. Further studies suppose a more detailed account of other communicative trends like mediatization, simplification, juvenilization, that contribute to politainment emerging to be inscribed into more general structures of tainment discourse as hyperdiscourse.

Keywords: hybrid discourse, ludization, politainment, interactive discourse, speech aggression, tainment technology, language game, language play.

For citation: Alexeyev, A. B. (2023). Aggressivization and ludization of political discourse in the light of politainment studies. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>

Введение

Дискурсивная деятельность — в аспекте наделенности дискурсов миро-моделирующими, креативными потенциями — предполагает генерацию и трансляцию социальных знаний (Семенова, Скулимовская, 2022, с. 84), как правило, лимитированных сферой применения, но склонных к постоянному, большему или меньшему взаимодействию друг с другом. В XXI веке — с его технологическими возможностями, глобальным консьюмеризмом, неоднозначным отношением к морали, а в плане политической идеологии относительным, но активно

продвигаемым демократизмом — область пересечения, казалось бы, несовместимых дискурсов значительно расширилась.

В результате любых трансформаций дискурсов неизбежны общественные разногласия (*нем.* Reibungen und Unstimmigkeiten) (Kinzel, 2000, S. 6), и современная дискурсивная практика служит тому подтверждением: даже лингвисты не всегда могут сойтись во мнениях насчет желательности/вредности тех или иных изменений в языке и речи. Спорными выступают такие, на первый взгляд, несложные — особенно с научной точки зрения — понятия, как «вежливость», «речевая агрессия», «политкорректность», «свобода слова».

Происходит не только гибридизация хорошо известных лингвистам дискурсов, но на ее фоне уже сформированы и формируются новые дискурсивные пространства, к примеру киберспортивный журналистский дискурс (Мальцева, Лебединская, 2022; Мальцева, 2022), находящийся под влиянием спортивной, виртуальной, массмедийной и *развлекательной* культур, вызванный к жизни популяризацией киберспорта. Признание нетривиальности понятия «развлекательность» побуждает ученых искать пути его исследования, в том числе с позиций междисциплинарной дискурс-теории, в иностранной филологической литературе справедливо наделяемой определениями ‘meta-(inter)disciplinary’ и ‘meta-methodological’ (Leonard, 2010, p. 11), позволяющей активно привлекать в языковедческих работах положения, заимствованные из смежных гуманитарных наук.

Развлекательный дискурс обычно направлен на доставление адресату удовольствия, в чем проявляет себя гедонистический мотив современной культуры, иногда носящий редуцированный характер: интерактивные элементы, проникая в коммуникативные среды, не способны полностью вытеснить их изначальную тематическую линию. Так, развлекательное образование — эдьютейнмент — не перестает выполнять свои первостепенные функции просвещения. То же самое характерно и для развлекательной политики, которую, хоть Б. де Жувенель и осуждал как «цирк для безумцев» (Жувенель, 2011, с. 93), нельзя представить себе вне политического контекста.

Материал и методология исследования

Для систематизации всех вариаций гибридных развлекательных дискурсов филологи начинают использовать термины «тейнмент-технологии» и «тейнмент-коммуникация», по имеющимся у нас данным, пока не приобретшие конвенциональность, как, впрочем, и некоторые по отношению к ним термины-гипонимы, такие как «бизнестейнмент», «спортейнмент», «сайенсейнмент». Наибольший интерес проявлен к рассмотрению политейнмента и инфотейнмента (Грошева, 2022; Стырина, Мартиросян, 2021; Dörner, 2001).

Принимая во внимание богатое разнообразие тейнмент-коммуникации, репрезентированной *тейнмент-дискурсами*, многие из которых еще достаточно поверхностно изучены, в статье обратимся лишь к одному из них — политейнменту, — трактуемому здесь широко. Наличие любых интерактивных элементов в политике, в том числе иронии и насмешки, относимых к агрессии и развлечению одновременно (Jenks, 2019), рассматривается с позиций возможности применения термина «политейнмент».

Материалом исследования выступил американский политический дискурс 2015–2016 годов, представленный различными речевыми жанрами (РЖ). В общей сложности анализируется восемь текстов дебатов (1–3, 6–7 — дебаты с участием представителей республиканской партии; 3, 6 — дебаты с представителями демократической партии; 1 — президентские дебаты), семь выступлений на митингах (два из них — немецких оппозиционных политиков из партии АдГ, нем. AFD, Alternative für Deutschland) и одно интервью Д. Трампа. Небольшое количество примеров приводится из немецкоязычной и даже русскоязычной дискурсивной практики. При этом мы не ставим перед собой цели сравнения политических дискурсов тех или иных стран. Не входит в задачи исследования и рассмотрение выделяемых коммуникативных явлений в их динамике развития. Цель предпринимаемой работы менее масштабна и состоит в описании агрессивизации и людизации на основе имеющегося языкового материала, обнаружении развлекательных элементов и выделении конкретных способов их реализации в глобальном политическом дискурсе, без учета национальных и культурных особенностей. При этом акцент делается не на различиях, а на сходствах между дискурсивными практиками политиков, которые — при более подробном изучении, — конечно же, могут быть рассмотрены в терминах лингвокультурологии или, к примеру, жанроведения, лингвоперсонологии, гендерной лингвистики.

Методами исследования выступают общенаучные и языковедческие инструменты изучения дискурса. К первым относятся хорошо известные методы наблюдения, сравнения, индукции, классификации. Ко вторым принадлежит лингвопрагматический анализ, «позволяющий сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов» (Копнина, 2020, с. 248), сочетающийся с лингвостилистической оптикой исследования, выделением тропов и риторических фигур. Также находит свое применение критический дискурс-анализ (КДА), в его классической версии предполагающий пристальное внимание к актуальным социальным явлениям и идеологическую ангажированность научного подхода, демонстрируемую, например, в поддержке агентов перемен, а в нашем случае — соотносимую с открытым выражением авторской точки зрения, неизбежно субъективной, на изучаемые коммуникативные процессы. В плане методологии КДА представлен нормативной и эксплицитной критикой.

Понятия «интердискурсивность» и «гибридный дискурс»

В ряде работ термины «дискурс» и «текст» близки или взаимозаменяемы. Интердискурсивность принята через хорошо изученное в лингвистике текста понятие интертекстуальности. По нашему мнению, нельзя провести знак равенства между дискурсом, явлением социального порядка, и текстом — единицей языка. Интердискурсивность манифестируется прежде всего в гибридных дискурсах и может быть интерпретирована как совмещение не столько дискурсов или тем более входящих в них текстов, сколько дискурсивных и социокультурных практик. Гибридный дискурс — интердискурсивное образование, обусловленное взаимопроникновением двух и более институциональных коммуникативных практик или опосредованное пересечением институциональной и неинституциональной коммуникативных сред, ведущим

к становлению обыденных дискурсов, чье существование высвечивает градуальную или условную природу категории «институциональность».

В современном мире гибридные дискурсы конституируются в силу распространения дигитальных технологий и стриминговых платформ (Мальцева, 2022, с. 19). Выделим и такие факторы, способствующие возникновению гибридных дискурсивных пространств, как развитие субкультур и изменение морального климата, с одной стороны, ведущие к становлению дискурсов меньшинств (дискурс ЛГБТ; протестные дискурсы), а с другой — продуцирующие дискурсы реагирования, принимающие характер моральных паник, вовлекающие в орбиту своего воздействия представителей важнейших социальных институтов: политиков, священников, работников СМИ, ученых, педагогов, врачей. Имея доступ к публичному дискурсу, будучи авторитетными личностями, они способны формировать отношение общества к происходящим изменениям, в том числе изменениям коммуникативного характера.

Как и другие типы дискурса, гибридный дискурс — транслятор общественно воспринятого коммуникативного опыта. Однако в отличие от большинства институционально закреплённых видов общения, он обычно наделен маргинальными чертами — в другом смысле слова «маргинальный», на самом деле многозначного, актуального в постмодернистской культуре, что могло бы составить отдельную тему для изучения.

Вариации гибридной коммуникации изучены в меньшей степени, чем традиционно выделяемые дискурсы. Например, под политическим общением понимают выступления значительных государственных деятелей. В данной связи имеет смысл ставить вопрос о губернаторском, сенаторском (думском), министерском, президентском (суб)дискурсах.

Субъектами гибридных политических дискурсов нередко выступают люди, которые не являются агентами собственно политических институтов. Помимо речей политических журналистов, докладов представителей министерств, которые ошибочно с большой политикой не ассоциируются, заслуживает внимания дискурс внесистемной оппозиции, представленной ведущими YouTube-каналов и авторами блогов, выпускающими политический контент.

Отдельно отметим повседневно-бытовое общение на темы политики — в отечественной традиции типичными РЖ в этой связи выступают «политический анекдот» и «кухонный разговор». Современная же политика обсуждается в Интернете, в результате чего возникают такие РЖ, как YouTube-комментарий и политический твит. Активизируют свою работу политические Telegram-каналы. Все это неизбежно ведет к гибридизации политического дискурса с рядом коммуникативных пространств и способствует становлению интердискурсивной политической практики, междисциплинарное изучение которой, на наш взгляд, обладает несомненной актуальностью.

Условия становления и функционирования политейнмента. Коммуникативные явления «агрессивизация» и «людизация»

Любая историческая эпоха подвержена влиянию многих, как правило, взаимосвязанных факторов. Говоря о современности, отметим технологизацию, виртуализацию, а в условиях пандемии также и медиализацию человеческих отношений (Булгакова, 2021, с. 85), их коммерциализацию (Мальковская, 2005, с. 4–8), аполитизацию и определенную деморализацию — при всей спорности последнего вопроса вследствие

неоднозначной трактовки самого понятия «мораль». Тем не менее ученые уже давно фиксируют становление обществ изобилия, потребления и спектакля (*фр.* la société du spectacle) (Debord, 2003).

В области коммуникации выделенные социальные тренды обуславливают применение тейнмент-технологий, получающих распространение в различных дискурсах, ведущих к формированию мощной развлекательной индустрии, выходящей за рамки ее изначальных сфер бытования, принимающей очертания гипердискурса — идеологически фундированного дискурса, имеющего широкую социальную представленность, не лимитированного какой-либо тематикой общения, проникающего во все или почти все остальные дискурсы¹. Политейнмент является лишь частью, хотя и несомненно важной, глобальной трансформации коммуникации в *тейнминг*², представляющий собой языковую игру в ее широкой, витгенштейновской концептуализации (*англ.* language game³).

Развлекательный потенциал политики проявляется в трех взаимосвязанных коммуникативных аспектах: концептуальном, тематическом, дискурсивном. Отдельно выделим поведенческие и имиджевые характеристики языковой личности (ЯЛ), предполагающие обращение к теории ЯЛ и имиджелогии. Подробное рассмотрение данных вопросов не входит в задачи исследования, но, как представляется, полностью игнорировать их невозможно. Так, если вести речь о тематической составляющей американской электоральной кампании 2015–2016 годов, следует отметить, что в ходе нее значительная часть времени, отводимого на дебаты, уходила на осуждение поступков и риторики политиков. Учитывая поведенческие моменты функционирования ЯЛ в политейнменте, подчеркнем: не обходилось без эпатажа и употребления инвектив кандидатами в адрес друг друга:

O'MALLEY: ...we must never surrender ... to *terrorists*, must never surrender our Americans values to *racist*, must never surrender to *the fascist pleas of billionaires with big mouths* (здесь и далее курсив наш. — А. А.) (URL). ‘...мы никогда не должны сдаваться на милость ... *террористам*, никогда не должны сдавать наши американские ценности *расисту*, никогда не должны сдаваться, ведясь на *громкие фашистские призывы миллиардеров*’⁴.

В приведенной цитате наблюдается оскорбление губернатором М. О’Мэлли Д. Трампа. И хотя имя идеологического противника говорящим не упоминается — даже более того, в цитируемом предложении инвективы использованы атрибутивно *fascist pleas* и во множественном числе *billionaires with big mouths*, — широкий контекст дискурса позволяет установить, личность кого характеризуют слова *racist* и *fascist*. По мнению демократа, ультраправая политическая деятельность лидера Республиканской партии настолько беспрецедентна, что она — по степени угроз, которые таит в себе, — сопоставима с опасностью, исходящей от террористов.

Понятие «речевая агрессия» достаточно объемное. Оно тесно связано с понятием «политический дискурс» и сочетается в нем со стратегией дискредитации, но в своих

¹ Ср. с ситуацией, описываемой Г. Мотнером, констатирующим небывалое распространение экономической лексики (Mautner, 2010), а также уже упомянутой медикализацией информации, вызванной пандемией и связанной с ней моральной паникой (Булгакова, 2021, с. 85; Передреева, Туватина, 2020; Храброва, 2020).

² По аналогии с «гейминг».

³ Мы различаем языковую игру в широкой ее концептуализации (*англ.* language game) и языковую игру, понимаемую в сугубо лингвистическом смысле этого слова (*англ.* language play).

⁴ Здесь и далее перевод наш. — А. А.

крайних проявлениях — использования обценной лексики, инвектив, актуализации диффамирующих ярлыков, издевок, включения в дискурс элементов богохульства, гомо- и других видов социальной фобии — речевая агрессия в институциональной коммуникации, в отличие от повседневно-бытового общения, традиционно осуждалась. Тот факт, что РЖ, построенные на речевой агрессии и сопутствующей ей невежливости, проникают в политику, свидетельствует об *агрессивизации* публичной сферы в целом, соотносящейся с огрублением речи, уже неоднократно фиксируемом лингвистами.

С позиции лингвистики, как писал еще английский классик Дж. К. Джером, «ничто не оправдывает языковое насилие и грубость» (*nothing excuses violence of language and coarseness of expression*) (Джером, 2014, с. 53), но проблема становится сложнее, если использовать лингвопрагматический подход к ней. Подчеркнем в данной связи полифункциональность речевой агрессии, выполнение ею важных прагматических задач, в числе которых: 1) привлечение внимания адресата (*нем. Aufmerksamkeitserregung*) (Janich, 2012, S. 6); 2) повышение его интереса к происходящему, что особенно важно в условиях аполитизации общества. Задействование речевой агрессии позволяет политику создать себе имидж смелого, решительного человека, «аутсайдера», «не-политика», «человека из простого народа» (прием пропаганды ‘*plain folks*’), не боящегося бросить вызов политической системе. Стоит отметить и катартическую и защитительную функции речевой агрессии, позволяющие, соответственно, выразить оратору эмоции, и, если не одержать коммуникативную победу над политическим противником, то, как минимум, отстоять в политическом споре свою точку зрения.

Агрессивизация общения неизбежно сближает политический дискурс с повседневными, непрофессиональными дискурсивными практиками, привнося в него людические (*лат. ludo* — играю) элементы. Термин «людизация» указывает на центральность для политического дискурса категории «театральность», в современных условиях фактически коррелирующей с понятием медийности и близкими ей лексемами «медиазация» и «медизация». Усиление игрового, развлекательного характера коммуникации, неразрывно связанного с агрессивизацией, продвигается риторическими приемами. В их числе:

1. Прохождение (упоминание чего- или кого-либо вскользь, как бы невзначай, с демонстративным, притворным — и адресат знает об этом — нежеланием говорить о неприятном, неприличном, неуместном и т. п.)⁵:

TRUMP: We have a president who doesn't have a clue. *I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice.* ‘У нас неосведомленный президент. Я бы сказал, что он некомпетентен, но я не хочу это говорить, потому что это невежливо (URL).

Наблюдаем «конфликт двух смысловых оболочек» (Эрлих, 2016, с. 65) — столкновение эвфемистического и более прямого выражений *not to have a clue* и *to be incompetent*. Д. Трамп как бы отказывается от формулировки, согласно которой его идеологический оппонент некомпетентен, но, на самом деле, ясно, что именно это он имеет в виду.

⁵ Термин «прохождение» встретился в учебнике по риторике (Петров, 2004, с. 116). По имеющимся сведениям, данный термин редко употребляется в лингвистических работах.

Парадокс риторической фигуры прохождения заключается в том, что спорное утверждение, даже если оно осуждается, всегда вербализуется и тем самым невольно оказывается в центре внимания адресата. С помощью прохождения в дискурс искусно привносятся элементы речевой агрессии и одновременно реализуется людический эффект. Происходит своеобразное издевательство над нормами политкорректности — крайне противоречивого понятия, все чаще наделяемого отрицательными коннотациями (Кондакова, Принципалова, 2021; Curzan, 2014, p. 114), а потому отвергаемого, как минимум, политиками правого толка. Это очевидно в следующих примерах:

She says she is a native American. *I won't use word 'Indian' because they say it's not a nice word to use. So I will not say 'Indian'*. 'Она называет себя коренной американкой. Я не буду использовать слово «индианка», потому что они считают, это нехорошее слово. Итак, я отказываюсь говорить «индианка»' (URL).

Или:

I don't want to say politicians, all talk, no action. But a lot of what we talked about is words and it will be forgotten very quickly. 'Я не хочу сказать, что политики много говорят — ничего не делают. Но многое, о чем здесь говорилось, — это на ветер брошенные слова и будет очень скоро забыто' (URL).

Прохождение может инкорпорировать в себя гиперболизацию:

TRUMP: ...Bush, just to put an end to that, because *I don't want to mention him: he is a very nice person, very low-energy, but very nice.* '...Буш, просто чтобы положить конец этому, потому что я не хочу упоминать его: он очень приятный человек, очень медлительный, но очень приятный' (URL).

Или:

TRUMP: Jeb Bush ... who was *a very low-key person, very low-key person. I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy.* 'Джеб Буш ..., который зарекомендовал себя очень флегматичным человеком, очень флегматичным человеком. Я говорю «флегматичный человек», потому что это лучше, чем сказать «неэнергичный»' (URL).

В обоих случаях диффамирующий ярлык *low-energy* произнесен и усилен наречием *very*: в первом случае он поставлен как бы в антонимические отношения с лексемой *nice* и тем самым выделен в речи, во втором — он повторен в его более мягкой форме *low-key* 3 раза. Политик четко дает понять, что *low-key* — это всего лишь «вежливый» способ сказать *low-energy*, а быть «приятным человеком» в контексте сказанного фактически приравнивается к слабости, флегматичности, что отражается в имплицитном переосмыслении слова *nice*: в сочетании с *low-energy*, даже если между этими двумя эпитетами поставлен противительный союз *but*, лексема *nice* едва ли несет какие-либо позитивные коннотации⁶. Такая практика произнесения квази-эвфемистических/комплементарных фраз с умыслом задеть противника, а затем оправдаться тем, что можно было сказать намного грубее, в чем, собственно, и актуализируется прохождение, явно не соответствующая этическим принципам коммуникации, тем не менее отлично реализует людическую функцию языка.

⁶ Ср. с коннотациями слова *nice* в примере выше, где Д. Трамп, говоря '*...they say it's not a nice word to use*', несколько иронизирует ситуацию — он сам считает, что говорить надо прямо, а не ходить вокруг да около.

Говорить без обиняков, не обращая внимания на нормы вежливости, для ряда дискурсивных сфер, в том числе дипломатической и политической, обычно нехарактерно. Выражаясь открыто, политик, однако, может сформировать для себя имидж честного, искреннего человека, что с прагматической точки зрения — в мире, в котором распространяются негативные стереотипные представления о политиках, — имеет принципиальное значение. Важно понимать, что в таких случаях мы, как правило, имеем дело с игрой в искренность, манипуляцией.

2. Гиперболизация (преувеличение, вплоть до гротеска):

TRUMP: See, you're telling the enemy everything you want to do. No wonder you've been fighting, no wonder *you've been fighting ISIS your entire adult life*. 'Видите, вы рассказываете врагу все, что вы хотите сделать. Неудивительно, что *вы боролись с ИГИЛ всю свою взрослую жизнь*' (URL).

Х. Клинтон, к которой обращены эти слова, родилась в 1946 году. ИГИЛ — террористическая организация, запрещенная в большинстве стран, в том числе в России, — образовалась не ранее 1999 года. Обвинение лидера демократов в том, что она боролась с ИГИЛ *всю свою взрослую жизнь* — явное преувеличение, — даже если оставить в стороне рассмотрение этапов политической карьеры Х. Клинтон, занявшей пост госсекретаря США лишь в 2009 году.

В следующем примере используется даже не гипербола, а гротеск, посредством которого создается эффект комического и дискредитируется политический противник:

TRUMP: Jeb Bush, *a very low-energy individual, signed a pledge — while he was signing it, he fell asleep*. 'Джеб Буш, очень медлительный человек, дал официально подписанное обещание — пока он его подписывал, он заснул' (URL).

Необходимо отметить, что не всегда людизация, передаваемая гиперболой, предполагает речевую агрессию:

Ср.: CARSON: She was very thrifty. I mean *she would drive a car until it would not make a sound*. 'Она была очень экономной. Я имею в виду, что *она водила машину до тех пор, пока та больше не могла издать ни одного звука*' (URL).

В данном высказывании Б. Карсона о своей матери при наличии в нем элемента преувеличения и шутки отсутствует какая-либо речевая агрессия, хорошо прослеживаемая в примерах выше.

3. Языковая игра. И прохождение, и гиперболизация часто сочетаются с инструментом языковой игры. Последняя может выражаться каламбуром:

CARSON: I'm the only one to separate Siamese twins. The only one to operate on babies while they were still in mother's womb. *The only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beaten me to it*. 'Среди участников дебатов только я один разделял сиамских близнецов. Я один оперировал еще нерожденных детей. *Я один вынимал половину мозга, хотя, если вы посетите Вашингтон, вы можете прийти к выводу, что некоторые политики преуспели в области мозговых операций больше, чем я*' (URL).

CARSON: She even learned how to play pool because she knew I was a good player. And you know, she actually wins sometimes but most of the times *I beat her. But I should be careful because there is some media in here. And their headline will be: 'Carson admits he beats his wife'* (LAUGHTER). 'Она даже научилась играть в бильярд, потому что она знала, что я хорошо играю. И знаете, она иногда побеждает меня, хотя в большинстве случаев

я не оставляю ей шансов. Однако мне надо быть осторожным в выборе слов, потому что здесь есть журналисты. И заголовок их изданий будет: «Карсон признает, что он тиранизирует свою жену» (СМEX) (URL).

В первом цитируемом высказывании словосочетание *take out half a brain* актуализировано в нескольких значениях: при буквальном осмыслении оно переводится ‘вынимать половину мозга’, при переносном — приобретает дополнительное содержание ‘не быть очень умным’. Последнее — обращено к соперникам республиканца. Обратим также внимание, что политик, основываясь на своем профессиональном опыте врача-хирурга, склонен проводить между публичной и медицинской деятельностью весьма необычные аналогии.

Во втором примере словосочетание *beat her* тоже неоднозначно: с одной стороны, речь здесь идет о том, что Б. Карсон, как правило, лучше своей жены в настольной игре, а с другой — указывается на то, что нечестные журналисты зацепятся за слово и обвинят нейрохирурга в домашнем насилии (глагол ‘beat’ переводится как ‘побеждать’ и ‘бить’). Подчеркнем: сам тематический аспект в данном случае уводит адресата несколько в сторону от острых социально-политических проблем — разговор заходит о досуге семьи кандидата, его счастливой семейной жизни (персональный дискурс). В суппозицию выносятся идея, что СМИ коррумпированы и работают на интересы политического истеблишмента и демократов (идея конспирологического политического мифа 2015–2016 годов), а потому — и это кандидатом обозначается эксплицитно — нужно избегать двусмысленностей.

Употребление языковых игр — лингвокреативный процесс, — и как таковой не исключает использования творчески преобразованных инвектив:

CLINTON: I call it *trumped-up trickle-down*, because that’s exactly what it would be. That is not how we grow the economy. ‘Я называю это *сфабрикованным Трампом просачивающимся богатством*. Так оно и получится. Экономика от этого расти не будет’ (URL).

Эпитет *trumped-up* происходит от фразового глагола *trump up* и на подсознательном уровне отсылает адресата к имени противника Х. Клинтон, тем самым нелестно изображаемому: отрицательные коннотации лексем ‘trump up’ невольно ассоциируются с Д. Трампом.

Иногда посредством языковой игры имя собственное трансформируется в нарицательное:

SANDERS: And somebody like a *Trump* comes along and says... ‘И какой-нибудь *Трам* появляется и рассказывает...’ (URL).

SANDERS: And where we are right now is we have got to stand up to *the Trumps of the world* who are trying to divide us up. ‘И на данном этапе нам необходимо противостоять *Трам* этого мира, пытающимся нас разъединить’ (URL).

4. Эвфемизация.

TRUMP: You could see there was blood coming out of her eyes, *blood coming out of her whatever*. ‘Вы могли видеть, у нее были красные глаза, *кровь текла из одного места*’ (URL).

Слово *whatever* в данном контексте может относиться к любой части лица или тела, и совсем непонятно, что имел в виду Д. Трамп, хотя у многих не без оснований возникли подозрения, что говорящий намекал на физиологический цикл женщины,

дискредитируя ее на основании гендерной принадлежности. Лексема *whatever* выступает эвфемизмом слова, которое Д. Трамп, конечно, хорошо знает и которое — по несчастливому для республиканца совпадению обстоятельств — попало на видеозапись⁷, чуть было не поставившую точку в его политической карьере.

5. Дисфемизация. Пример из немецкой дискурсивной практики:

WEIDEL: Ich zitiere: «Falls Sie in einem Land leben, in dem Sie für das Fischen ohne Anglerschein bestraft werden, jedoch nicht für den illegalen Grenzübertritt ohne gültigen Reisepass, dann haben Sie das volle Recht zu sagen, dieses Land wird von *Idioten* regiert». 'Я привожу цитату: «Если вы живете в стране, в которой вас штрафуют за ловлю рыбы без документа, позволяющего вам рыбачить, в то время как нелегальное пересечение границы без загранпаспорта никак не преследуется, у вас есть полное право сказать: этой страной правят *идиоты*»' (URL).

Использование дисфемизмов в политической коммуникации может быть опасной стратегией. Чтобы смягчить эффект сказанного — а говорилось это даже не на политическом митинге, а в здании Бундестага, — политик прибегает к технике цитирования. Тем не менее следует считать, что, пусть и косвенное, обзывание людей, находящихся во власти, *идиотами* идет вразрез не только с нормами политкорректности, но и с любыми этическими принципами. Причем такая формулировка может продвигать тренд не только на агрессивизацию, но и на людизацию — и людический характер инвектив уже отмечался в лингвистической литературе (Leech, 2014, p. 219).

Еще пример дисфемизации:

RUBIO: I will never allow the conservative movement to be taken over by the *con artist*. 'Я никогда не позволю *мошеннику* встать во главе американского консервативного движения' (URL).

Обзывание своего политического оппонента *мошенником* повышает градус речевой агрессии в дискурсе, сближает политическое общение с бытовым.

К явлению дисфемизации могут быть отнесены и многие диффамирующие ярлыки, хотя они, как правило, используются в качестве полупуточных фраз, отражающих скорее другое коммуникативное явление, а именно ювенилизацию — намеренное подражание речи подростков [Галичкина, 2019, с. 98].

6. Иронизация. Иронизировать политики могут над чертами своего противника, а также над характером отношений с ним, как в следующей реплике:

Jeb BUSH: *I kind of miss Donald Trump. He was a little teddy bear to me. (LAUGHTER). We always had such a loving relationship in these debates and in between and the tweets. I kind of miss him. I wish he was here. 'Я немного даже скучаю по Д. Трампу. Он был маленьким плюшевым мишкой для меня. (СМЕХ). У нас были такие теплые отношения во время дебатов, и между ними, и в переписке в твиттере. Я немного даже скучаю по нему. Как жаль, что он сегодня не с нами'* (URL).

Ср.: BAUM: Und deshalb schicke ich von hier aus einen Gruß nach Berlin an *unsere geliebte Kanzlerin. Frau Doktor Merkel*, wir kommen und ihre gemütliche ruhigen Stunden im Bundestag sind ein für alle Mal vorbei. ... Sie, *Frau Merkel und Co.*, Sie werden die Verantwortung dafür übernehmen müssen, was Sie unserem Volk angetan haben. 'И поэтому, находясь здесь, я шлю приветствие в Берлин *нашему любимому канцлеру, Фрау Меркель. Госпожа канцлер*, мы скоро придем в Берлин. Ваши спокойные, счастливые часы в Бундестаге

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PwWux5BAczk> (дата обращения: 24.02.2020).

раз и навсегда ушли в прошлое. ... *Вы, Фрау Меркель, и ваши лобби, вы должны будете ответить за то плохое, что вы сделали нашему народу*' (URL).

В редких случаях, как правило, руководствуясь добрыми намерениями, политики могут иронизировать над внешностью своих коллег, но в рамках политейинмента такие табу не действуют — в политейинменте ирония принимает форму не просто насмешки, но и издевки, колкости:

TRUMP: *Look at that face! Would anyone vote for that? 'Посмотрите на это лицо! Кто-нибудь будет голосовать за нее⁸?*'(URL).

Иногда ирония приобретает черты самоиронии. В таком случае она едва ли может быть названа формой речевой агрессии, хотя ее людический потенциал от этого не уменьшается, о чем свидетельствуют экстралингвистические маркеры, прежде всего смех аудитории:

CRUZ: *I'm too agreeable, easy going. (LAUGHTER). 'Я слишком большой конформист, добродушный человек. (CMEX)'* (URL).

Ср.: CRUZ: ...*let me say I'm a maniac and everyone on this stage is stupid, fat, and ugly. And Ben, you're a terrible surgeon. (LAUGHTER). '...позвольте мне признаться: я маньяк, и все мои коллеги глупые, толстые и некрасивые. А вы, Бен, плохой хирург (CMEX)'*. (URL).

Самоирония позволяет сократить социальную дистанцию с потенциальным адресатом, актуализировать максимум скромности:

Jeb BUSH: *And I wrote a book about this called Immigration Wars. You can get it at \$2.99 on Amazon. It's not a bestseller. I can promise you. (LAUGHTER). 'И я написал книгу об этом, которая называется «Иммиграционные войны». Вы можете купить ее онлайн за 3 доллара. Эта книга не бестселлер, я должен вам в этом признаться (CMEX)'* (URL).

7. Эффекты обманутого ожидания и саспенса, иногда передаваемые чисто синтаксически с помощью фигуры речи, известной как пролеписис.

TRUMP: *And you know what else they say about my people? The polls. They say I have the most loyal people. 'А знаете, что еще известно о моих сторонниках? Из опросов общественного мнения. Мои сторонники самые преданные'* (URL).

В оригинале пролеписис манифестируется в употреблении вначале личного местоимения — *they*, — а лишь затем уточнения, кого говорящий имел в виду под *ними*. Такой необычный синтаксис позволяет политику выстроить диалог с аудиторией, заинтересовать ее в том, что говорится. Для этого также используется ответно-вопросная форма подачи информации. В приведенном примере отсутствует элемент речевой агрессии, но он весьма показателен в плане анализа синтаксических средств риторического воздействия.

Эффект обманутого ожидания, переданный лексико-синтаксическими средствами, предполагает, что политик говорит нечто неожиданное:

ЗЕЛЕНСКИЙ: *У меня есть юридическое образование. И это плюс. Но нет опыта работы в политике. И это жирный плюс!* (CMEX) (URL).

Политик заводит речь о своем образовании, далее следует противительный союз *но*, и адресат невольно готовится услышать слабые стороны личности кандидата

⁸ Речь идет о женщине, К. Фиорине.

в президенты. Вместо этого следует утверждение, что отсутствие опыта работы в политике — это, на самом деле, его главное преимущество, что в какой-то степени парадоксально, но не должно никого удивлять в свете все более укореняющегося в обществе стереотипно-негативного видения фигуры государственного деятеля — даже неважно, о ком идет речь, — соотносящегося с аполитизацией и, как следствие, нежеланием людей принимать участие даже в выборах, ведь «политика — это грязное дело».

8. Лингвистическая апроприация (предполагает заимствование инвективы из дискурса соперника и ее переосмысление)⁹.

Elizabeth WARREN: I've got news for you, Donald Trump. Women have had it with guys like you. And nasty women have really had it with guys like you. Get this, Donald, *nasty women* are tough, *nasty women* are smart and *nasty women* vote. And on November the 8th we, *nasty women*, are gonna march our *nasty feet* to cast our *nasty votes* to get you out of our lives forever. 'У меня для вас новости, Дональд Трамп. Женщинам такие мужчины, как вы, надоели. И *противным женщинам* такие мужчины, как вы, надоели вдвойне. Поймите, наконец, Дональд, *противные женщины* — сильные, *противные женщины* — умные, и *противные женщины* голосуют. И 8-го ноября мы, *противные женщины*, пойдем своими *противными ногами* на выборы и отдадим свои противные голоса за то, чтобы вы навсегда исчезли из нашей жизни' (URL).

Сенатор Э. Уоррен, сторонница Х. Клинтон, воспользовалась инвективой Д. Трампа *nasty woman*. Это словосочетание полностью переосмысливается в ее речи — *противные женщины* наделяются серией положительных качеств: стойкостью, умом, готовностью бороться за свои права. Эпитет *nasty* применен не только к женщинам, но и к их протестным голосам — против Д. Трампа.

Заключение

В работе рассмотрены два коммуникативных явления политики, опосредующие ее превращение в политейнмент, нередко, как показывает предпринятое исследование, действующие вместе, — агрессивизация и людизация. Первый — манифестируется в отвержении говорящими не просто норм политкорректности, но и этических коммуникативных принципов, способствуя привнесению в дискурс инвектив, диффамирующих ярлыков и невежливости в целом. Второй — заключается в увеличении в общении элементов развлекательности, языковой игры, что соотносится со становлением тейнмент-дискурса, объединяющего различные тейнмент-субдискурсы, как гипердискурса.

Агрессивизация и людизация распространяются в результате искусного владения политиками соответствующими, часто манипулятивными техниками говорения, в ряде случаев в силу своей интерактивности и внешней безобидности способствующими смягчению социально неодобряемых аспектов невежливости. Предложенная в статье классификация языковых приемов, конечно же, не является исчерпывающей, но, на наш взгляд, может быть применена для лингвистического анализа политики, равно как и других сред тейнмент-общения.

⁹ Этот прием описан в следующих работах: (Копнина, 2020; Серебряк, 2019; Curzan, 2014, p. 141).

Коммуникативные явления «людизация» и «агрессивизация», помимо их имманентности политическому дискурсу, соотносятся, по всей видимости, с дискурсивными практиками: 1) специфических программ массмедийной сферы, глобальной кино- и музыкальной индустрии, спортивных передач, прежде всего связанных с боевыми искусствами; 2) повседневно-бытового общения; 3) молодежной среды. Все они, по нашему мнению, пересекаясь с политической темой, ложатся в основу становления и функционирования политейнмента как сложного интердискурсивного образования, кроме агрессивизации и людизации, подверженного еще как минимум трем процессам — *медизации, симплизации, ювенилизации*. Их изучение — вектор последующих исследований.

Список источников

1. Семенова, Т. И., & Скулимовская, Д. А. (2022). Фреймовая модель интерпретации речевого акта предупреждения в англоязычном политическом медиадискурсе. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 4(35), 83–98.
2. Kinzel, U. (2000). *Ethische Projekte. Literatur und Selbsttug im Konetext des Regierungsdenkens. Humboldt, Goethe, Stifter, Raabe*. Vittorio Klostermann.
3. Мальцева, И. А., & Лебединская, В. Г. (2022). Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру». *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 1(114), 84–90.
4. Мальцева, И. А. (2022). Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики. *Международный научно-исследовательский журнал*, 4(118), 19–22.
5. Leonard, A. (2010). *Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology*. Rowman & Littlefield publishers, Inc.
6. Жувенель, Б. де. (2011). *Власть: естественная история ее возрастания*. Мысль.
7. Грошева, А. В. (2022). Политейнмент-дискурс: к определению понятия. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4, 31–37.
8. Стырина, Е. В., & Мартиросян, А. А. (2021). Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 92–105.
9. Dörner, A. (2001). *Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft*. Suhrkamp Verlag.
10. Jenks, C. (2022). Mock News: On the discourse of mocking in U. S. televised political discussions. *Discourse & Communication*, 16(1), 58–75.
11. Копнина, Г. А. (2020). Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11, 248–253.
12. Булгакова, А. А. (2021). Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3(42), 82–90.
13. Мальковская, И. А. (2005). *Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы*. КомКнига.
14. Debord, G. (2003). *La société du spectacle*. Champ Libre.
15. Mautner, G. (2010). *Language and the market society. Critical reflections on discourse and dominance*. Routledge.
16. Передреева, М. А., & Туватина, А. Р. (2020). Формирование массовых настроений: моральная паника и СМИ. *Форум молодых ученых*, 538–542.
17. Храброва, Е. С. (2020). Конструирование дискурса алармизма в медиaprостранстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2(37), 152–161.

18. Джером, Дж. К. (2014). *Лучшие произведения Джерома К. Джерома*. Эксмо.
19. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
20. Петров, О. В. (2004). *Риторика*. Учебник. Прием.
21. Эрлих, С. Е. (2016). *Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий*. Нестор-История.
22. Кондакова, Е. А., & Принципалова, О. В. (2021). Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 143–156.
23. Curzan, A. (2014). *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge University Press.
24. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
25. Галичкина, Е. Н. (2019). Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(135), 97–100.
26. Серебряк, А. Н. (2019). Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, 134–148.

References

1. Semenova, T. I., & Skulimovskaya, D. A. (2022). Frame modeling of the speech act of *warning* in English political mediadiscourse. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 4(35), 83–98. (In Russ.).
2. Kinzel, U. (2000). *Ethische Projekte. Literatur und Selbstung im Konetext des Regierungsdenkens. Humboldt, Goethe, Stifler, Raabe*. Vittorio Klostermann. (In German).
3. Mal'tseva, I. A., & Lebedinskaya, V. G. (2022). Development of Esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication «Yuga.ru». *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 1(114), 84–90. (In Russ.).
4. Mal'tseva, I. A. (2022). Problems and prospects of development of esports journalism. *International Research Journal*, 4(118), 19–22. (In Russ.).
5. Leonard, A. (2010). *Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology*. Rowman & Littlefield publishers, Inc. (In English).
6. Zhuvenel', B. de. (2011). *Power: natural history of its growth*. Mysl'. (In Russ.).
7. Grosheva, A. V. (2022). Politainment discourse: to the definition of the concept. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4, 31–37. (In Russ.).
8. Styrina, E. V., & Martirosyan, A. A. (2021). Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 92–105. (In Russ.).
9. Dörner, A. (2001). *Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft*. Suhrkamp Verlag. (In German).
10. Jenks, C. (2022). Mock News: On the discourse of mocking in U. S. televised political discussions. *Discourse & Communication*, 16(1), 58–75. (In English).
11. Kopnina, G. A. (2020). Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-psychological war. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 11, 248–253. (In Russ.).
12. Bulgakova, A. A. (2021). Creating a new world: transmedia storytelling principles in the COVID-19 pandemic discourse. *Actual Issues of Contemporary Philology and Journalism. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3(42), 82–90. (In Russ.).
13. Mal'kovskaya, I. A. (2005). *Communication sign. Discourse matrices*. KomKniga. (In Russ.).
14. Debord, G. (2003). *La société du spectacle*. Champ Libre. (In French).
15. Mautner, G. (2010). *Language and the market society. Critical reflections on discourse and dominance*. Routledge. (In English).

16. Peredreeva, M. A., & Tuvatina, A. R. (2020). The formation of mass vibes: moral panic. *Forum molodyh uchenykh*, 538–542. (In Russ.).
17. Khrabrova, E. S. (2020). Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basis of COVID-19 pandemic media coverage). *Actual Issues of Contemporary Philology and Journalism. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2(37), 152–161. (In Russ.).
18. Jerome, J. K. (2014). *The Best of Jerome K. Jerome*. Eksmo. (In Russ.).
19. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag. (In German).
20. Petrov, O. V. (2004). *Rhetoric: student's book*. Priem. (In Russ.).
21. Erlikh, S. E. (2016). *War of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).
22. Kondakova, E. A., & Printsipalova, O. V. (2021). Discourse on the Linguistic Implementation of the principles of Political Correctness in German Political Linguistics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 143–156. (In Russ.).
23. Curzan, A. (2014). *Fixing English. Prescriptivism and language history*. Cambridge University Press. (In English).
24. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press. (In English).
25. Galichkina, E. N. (2019). Typology of speech genres of network computer communication. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(135), 97–100. (In Russ.).
26. Serebryuk, A. N. (2019). Linguistic discrimination and linguistic appropriation as the examples of double consciousness in the U. S. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 134–148. (In Russ.).

Информация об авторе

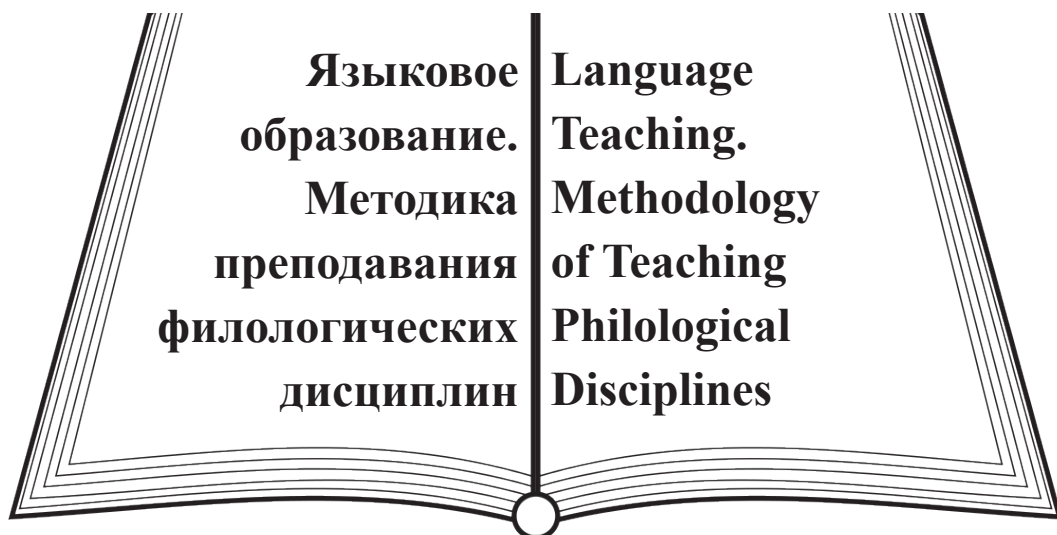
Александр Борисович Алексеев — кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

Alexander B. Alexeyev — PhD (Philology), Associate Professor, Professional Language Preparation Department, The Russian Academy of Economics and State Service by the President of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.14

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБУЧЕНИЕ ПЛЮРИЦЕНТРИЧНОМУ ЯЗЫКУ

Прошина Зоя Григорьевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,

proshinazoya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0570-2349>

Аннотация. Актуальность работы обусловлена изменением статуса английского языка, разделившегося на варианты, часть которых уже стандартизирована, другая — подвергается стандартизации, и необходимостью осознать лингводидактические основы обучения этому языку. Цель описанного в статье исследования — рассмотреть задачи обучения английскому как международному языку (EIL), предполагающему вариантность и различие стандартов, и сопоставить эту новую модель с обучением моноцентричному английскому языку как иностранному (EFL). В результате сопоставления получены ответы на ряд вопросов относительно двух моделей обучения: традиционной и в рамках контактной вариантологии английского языка, что имеет огромное значение для осмысления новых лингводидактических решений при обучении вариантному плюрицентричному английскому языку. В выводах отмечается, что подобного рода вопросы могут в будущем возникнуть и в отношении других плюрицентричных языков.

Ключевые слова: плюрицентричный язык, варианты, английский язык, стандартизация, английский как международный язык, английский как иностранный язык, цели языкового обучения.

Для цитирования: Прошина, З. Г. (2023). Новый взгляд на обучение плюрицентричному языку. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 186–196. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.14>

© Прошина З. Г., 2023

Original article

UDC 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.14

A NEW PERSPECTIVE ON TEACHING
A PLURICENTRIC LANGUAGE

Zoya G. Proshina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,proshinazoya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0570-2349>

Abstract. The paper discusses the shift in the status of contemporary English that has differentiated into a number of varieties, or world Englishes, part of which have been standardized or are being standardized, which requires revisiting linguodidactic foundations of teaching the language. The objective of the research is to examine the goals of teaching English as an International Language (EIL) that combines world Englishes functioning as a lingua franca and tending to get standardized, and to compare these goals with those of English as a Foreign Language (EFL). The research results in responding to the questions asked in the framework of the World Englishes paradigm, which are very important for conceptualizing new linguodidactic solutions for teaching varieties of the pluricentric English language. The paper sums up by the possibility of considering this problem for other pluricentric languages in the near future.

Keywords: pluricentric language, varieties, world Englishes, standardization, English as an International Language, English as a Foreign Language, goals of language teaching.

For citation: Proshina, Z. G. (2023). A new perspective on teaching a pluricentric language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 186–196. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.14>

Сегодняшняя лингводидактическая ситуация требует от педагога смелости, новаторства и решительности, поскольку меняются лингвистические парадигмы, которые заставляют обдумывать иные подходы к обучению языкам, обнаруживать возможности нового в традиционном. Современные лингвистические теории нередко ведут к отказу от того, к чему все привыкли, заставляют увидеть проблему шире и заявить о возникновении специфических задач и проблем, которые требуют особого прикладного решения. Именно такую научную смелость, готовность к инновациям и соответствующую поддержку автор статьи нашла в Н. В. Языковой, создателе крупной методической школы преподавания языка в межкультурном и транскультурном аспектах. Она первая в нашей стране начала разрабатывать лингводидактический подход, зародившийся сравнительно недавно и используемый преимущественно за рубежом, главным образом в отношении английского языка как языка глобального общения, выступающего в функции лингва франка, или языка-посредника, в самых разных областях деятельности.

Данный подход обусловлен тем, что английский язык стал крупнейшим плюрицентричным языком (Clune, 1992), имеющим несколько центров стандартизации в связи с его распадом на множество вариантов, образованных благодаря контактам с родными языками пользователей и выражению ими своей культуры. В лингвистике в последней четверти XX века появилась новая теория — контактная вариантология, известная за рубежом как World Englishes paradigm. Преподавание же вариантов

английского языка стали называть обучением английскому как международному языку (McKay, 2002; Sharifian, 2009; Alsagoff a.o., 2012; Matsuda, 2012, 2017; Marlina & Giri, 2014; Phan, 2020). Этот факт поставил перед исследователями и преподавателями целый ряд вопросов:

– Следует ли продолжать преподавать английский как иностранный язык, ориентированный только на британскую и/или американскую культуру, или надо дать возможность учащимся, особенно взрослым, общаться и понимать не только британцев и американцев, но и других пользователей английского языка, который может быть родным (например, для австралийцев, новозеландцев) и неродным (для индийцев, китайцев, африканцев) и отличается акцентом, лексикой, а иногда и грамматикой?

– Если ориентироваться на второй подход, как его назвать? Как сформулировать новые цели и задачи обучения? Чем этот подход должен отличаться от традиционного?

– Можно ли обучить всем существующим вариантам английского языка и как определить отбор вариантов для обучения?

– Как соотносить прескрипцию обучения с социолингвистическим дескриптивным подходом к исследованию вариантов?

– Какие материалы следует использовать для обучения английскому как международному языку?

Это лишь малая толика первоочередных вопросов, решение которых требует определенной смелости и от исследователя-теоретика, и от преподавателя-практика.

Очевидно, что на первый поставленный вопрос ответ будет в пользу второго подхода — поскольку английский язык по целому ряду причин стал языком не просто международным, но и языком глобального общения, этим языком пользуются представители самых разных стран на всех континентах земного шара. Социолингвисты давно подсчитали, что общение на английском как неродном значительно превышает объем коммуникации на этом же языке как родном (Graddol, 2010). Только в двух странах — Китае и Индии — пользователей английского языка гораздо больше, чем носителей этого языка в Великобритании и США, вместе взятых. Соответственно, наша коммуникация на английском языке наиболее вероятна не с носителями этого языка, а с представителями самых разных стран и культур. Это, в частности, было прекрасно продемонстрировано в кандидатской диссертации по методике ознакомления российских студентов с индийским вариантом английского языка М. Н. Евдокимовой (Евдокимова, 2015).

Как было показано ранее, объект обучения с учетом вариативности английского языка получил название English as an International Language (EIL) — английский как международный язык. Этот термин кардинально отличается от созвучного термина International English (IE) — международный английский, который предполагает не существующую дифференциацию, а, наоборот, объединение и нахождение общих черт между вариантами, стремление к единому стандарту. Таким образом, если концепт EIL базируется на центробежной силе и является гиперонимом термина world Englishes (WE), то термин IE предполагает центростремительную силу, поскольку пытается найти объединяющее начало для всех вариантов.

Еще один термин, синонимичный EIL, — английский как язык-посредник, или лингва франка — ELF (English as a Lingua Franca). Он также предполагает опору на вариативность, но ориентируется не столько на описание языковых черт и признаков, которые отличают варианты, сколько на их функционирование в среде коммуникантов с разными первыми языками и нахождение стратегий для достижения

коммуникативных целей (см.: Seidlhofer, 2011). Термин ELF чаще используется европейскими педагогами (Jenkins, 2006, 2014; Prodromou, 2008; Mackenzie, 2014; Bowles & Cogo, 2015).

Зарождение коммуникативного подхода произошло параллельно развитию парадигмы world Englishes, по всей видимости, неслучайно. Переход от грамматико-переводного и других методов к обучению именно речевой коммуникации был отмечен в лингвистическом плане фокусом на реальную речевую деятельность, что и послужило толчком к дескрипции реальных вариантов как социолингвистических образований, при описании которых во внимание принималась речь образованных коммуникантов, которые тем не менее отклонялись от норм изученной ими британской или американской модели под воздействием разных причин (влияние первого языка, отражение менталитета и родной культуры; стрессовая ситуация, волнение и т. п.). Эти отклонения, будучи системными, типичными и продуктивными, стали дистинктивными признаками варианта. Благодаря им варианты отличаются друг от друга. Однако назвать подход к обучению EIL просто коммуникативным слишком широко (см.: Сафонова, 2004).

Другой вариант — назвать его лингвокультурным или межкультурным (об этом подходе пишет в одной из своих статей Н. В. Языкова (Языкова, 2018)), поскольку речь идет об овладении не только новым языком, но и целым пластом культуры. Но какой или чьей культуры? Имеется в виду общение представителей разных культур, пользующихся разными вариантами одного языка. Таким образом, этот подход нельзя назвать лингвокультурным именно из-за его культурной составляющей, не представляющей единого целого, — см. концепцию языкового поликультурного образования П. В. Сысоева (Сысоев, 2004), а межкультурным, как и поликультурным, этот подход тоже называть недостаточно, поскольку одна из проблем такого общения имеет именно языковой характер: язык один, но он отличается в речевом исполнении у говорящих и пишущих на разных вариантах.

Самым удачным представляется наименование подхода, предложенное Н. В. Языковой совместно с ее аспиранткой А. А. Будниковой (Языкова, Будникова, 2021) — транскультурный — или даже транслингвальный. Этот термин пришел к нам из-за рубежа (Pennycook, 2008; Celic, Seltzer, 2011; Canagarajah, 2013; Lee, 2018) и начал приживаться на отечественной почве (см. спецвыпуск журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (Прошина, 2016)). Префикс *транс-* “над-” означает зыбкость и размытость границ между языками и культурами вследствие «плавного синергетического перехода от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние», при отсутствии полной ассимиляции и сохранении лингвокультурной идентичности пользователей языков, которые иногда создают смешанный дискурс (Прошина, 2017, с. 160). В самом деле, участники коммуникативного процесса на одном вроде бы языке выражают свою идентичность, т. е. свою культуру, которая имеет, казалось бы, общую, но в то же время отличную, форму выражения по сравнению с формой выражения другого коммуниканта, что и создает плавность перехода. При этом в некоторых случаях возникает необходимость прибегнуть к ресурсам родного языка, но так, чтобы это не стало камнем преткновения в коммуникации, а для этого надо суметь объяснить собеседнику, что имеется в виду. Именно поэтому мы считаем очень удачным выбор названия подхода к обучению EIL как вариативного языка транслингвальным.

Конечно, с изменением подхода к обучению и предмета обучения должны измениться и цель, и задачи обучения, что замечательно сформулировала профессор Пекинского университета иностранных языков (Beijing Foreign Studies University) Вэнь Цюфан (Wen, 2012; 2016): при обучении EFL мы ставим нереальную цель — создать носителя языка (как справедливо отметил Вивьен Кук, это нереальная задача, потому что «взрослые никогда не могут стать носителями нового языка без рождения заново» (Cook, 1999, с. 187)); при обучении EIL цель — выпустить эффективного, успешного коммуниканта, умеющего справляться с проблемами межкультурной и межвариантной коммуникации. Эта же цель провозглашена в новой редакции Европейской шкалы языковых компетенций (CEFR, 2020). Соответственно, названные цели реализуются через выполнение разных задач: в случае EFL — путем имитации и принятия (imitation and adoption) чужой модели; в случае EIL — путем адаптации и приспособления (adaptation and accommodation).

При обучении EIL кардинально отличаются отрабатываемые навыки: для понимания иных вариантов необходима усиленная работа над рецептивными навыками (много слушать и читать), а продуктивные навыки будут сопряжены только с развитием собственной речи на своем собственном варианте, для чего необходимо его признание и знание требований, предъявляемых к нему для межкультурного общения, в том числе знание коммуникативных стратегий.

Следующий вопрос, который мы задали, связан с количеством вариантов, с которыми следует знакомить обучаемых. Конечно, невозможно познакомить наших студентов с абсолютно всеми вариантами. Решение о выборе вариантов зависит от нужд обучаемых, если они их уже представляют себе, от геополитической и экономической ситуации и от ряда других факторов. В настоящее время при нынешней политико-экономической ситуации, скорее всего, есть необходимость знакомить студентов с китайским, английским, индийским, возможно, африканскими. Это совсем не исключает из программы изучение национальных вариантов: австралийского, новозеландского, канадского, американского, британского. Именно стандартизированные национальные варианты составляют основу языкового обучения; к ним добавляются в качестве дисциплин по выбору другие варианты.

Еще один закономерный вопрос: как успеть познакомить студентов с таким объемом вариантов? Надо ли это делать в общем курсе английского языка (например, в бакалавриате) или предусмотреть специальный курс или даже программу обучения? Ответ будет неоднозначным. Представляется, что на начальном этапе обучения языку учащимся надо просто дать знать о неоднородности современного английского языка, вводя материал, связанный с вариативностью, постепенно, не ранее уровня *intermediate*, и далее на более продвинутой стадии можно предложить студентам больше практики EIL. На лингвистических специальностях на этапе магистратуры может быть открыта специальная программа, готовящая студентов к выходу на широкие просторы межкультурного транслингвального общения. Вэнь Цюфан, считающаяся одним из крупнейших специалистов по преподаванию EIL в Китае, полагает, что практическое знакомство с вариантами английского языка возможно лишь на продвинутом уровне учащихся (Wen, 2016), но, несомненно, информацию о том, что существуют разные варианты английского языка и что люди говорят на них с акцентом, следует давать с самых первых ступеней обучения.

Еще один вопрос, который мы поставили в начале данной работы, — соотношение прескрипции и дескрипции. Прескрипция — обычное требование школы, идущее

от грамматико-переводного метода в первую очередь. И она, конечно же, необходима на начальном этапе обучения, когда учащиеся хотят знать, как надо сказать, как прочесть. При этом мы придерживаемся принятой в соответствующем учебном заведении модели, коей чаще всего является британский стандарт языка. Под моделью языка в контактной вариантологии принято называть, вслед за основоположником данной парадигмы Браджем Качру, тот идеал, к которому стремится учитель и ученик (Kachru, 1983). Но надо быть честным, далеко не всегда наши преподаватели и учащиеся употребляют в своей речи британский стандарт на все 100 % — их акцент вполне ощутим, что абсолютно естественно. Поэтому не стоит стесняться признания в том, что, несмотря на использование британского стандарта в качестве входного материала, на выходе у нас получается русский вариант английского языка, используя который, мы вполне успешно решаем свои коммуникативные задачи. Русский вариант английского языка — это не дефектный английский, а вариант, на котором говорят хорошо владеющие языком русские коммуниканты, выражающие на нем свою культуру и решающие необходимые задачи общения, несмотря на возможные следы трансференции родного языка (Proshina & Eddy, 2016; Rivlina, 2020).

На более продвинутых этапах стоит обращать внимание студентов на вариантность языковых форм и на тенденции их использования теми или иными вариантами, в первую очередь, теми, которые имеют свои собственные стандарты, или эндонормы. Например, при изучении сослагательного наклонения студенты должны быть ознакомлены с британской аналитической формой, параллельной синтетической американской форме: *I suggest that he **should** do it. — I suggest that he **do** it. — Предлагаю, чтобы он это сделал.* (здесь и далее перевод наш. — З. П.), а также они должны знать, что в других вариантах, где применяются экзонормы и даже эндонормы, возможно смешение этих форм. Своим студентам, даже в курсе «Теория английского языка», автор статьи объясняет, что норма и стандарт — очень динамичные явления, и сейчас динамика их изменений происходит у нас на глазах: узус устной речи, который иногда называют «устной нормой речи» (Spoken Standard) (Hickey, 2012, p. 17), постепенно закрепляется в письменной речи образованных пользователей вариантов, кодифицируется корпусными данными, словарями и т. д. и превращается в письменную норму того или иного варианта. Например, это происходит с тэгом разделительных вопросов, который даже в британском английском (в устной речи) и в целом ряде других вариантов имеет тенденцию приобретать унифицированную форму: *She is smart, **isn't it** [[·]init]?* Еще один пример грамматической кодификации разговорной формы — глагол *want* в форме Continuous, отмечаемой Кембриджской грамматикой: *What we're really **wanting** to do is to make sure people have one name they can contact* (Carter, McCarthy, 2006, p. 151). — *Что в самом деле нам хочется, так это то, чтобы в действительности у людей было имя хоть какого-то человека, с которым можно вступить в контакт.*

Очень важно помнить, что сегодня нет единого стандарта английского языка. Все национальные варианты уже кодифицировали свои собственные нормы; ряд вариантов (например, индийский, филиппинский, сингапурский и др.) находятся в процессе стандартизации своих собственных эндонорм; в других вариантах, не обладающих институциональным статусом (например, в китайском, японском, немецком, русском и др.), собственных норм еще нет, но вариативность стандартных форм (экзонорм) гораздо больше, чем в национальных вариантах, поскольку они могут использовать в качестве модели

любые кодифицированные варианты. Для лингвистов здесь широкое поле деятельности по сопоставлению вариантов и выявлению вариативности их форм, а в процессе преподавания нам надо знакомить студентов с теми типичными дистинктивными признаками еще нестандартизированных вариантов, с пользователями которых им, возможно, придется общаться. Принцип дескрипции в этом случае будет превалировать над прескрипцией.

В настоящее время учебников, предназначенных для обучения EIL, в полной мере отвечающих всем требованиям лингводидактики, еще нет. Есть отдельные элементы включения акцентной речи и текстов о культуре других стран в общие курсы английского языка (см. краткий обзор: Прошина, 2011; Прошина, 2014). Из зарубежных работ, сделавших попытку воплотить идеи концепции EIL в учебных пособиях, можно назвать книгу немецких авторов «The Amazing World of Englishes» (Siemund a.o., 2012), знакомящую скорее с культурами нескольких стран через английский язык, но в то же время показывающую его вариативность (ирландский, шотландский, британский и американский, австралийский; индийский, нигерийский, южноафриканский, европейские варианты, в том числе русский); а также ряд пособий японских авторов: «Understanding English across Cultures» (Honma a.o., 2012), «Understanding Asia» (Honma, Takeshita, 2009), имеющих практическую направленность, и «English as an International Language» (Honma, 2005) — курс лекций, прочитанный разными авторами на разных вариантах английского языка.

Во многих из существующих пособий (особенно азиатских авторов) тексты написаны носителями тех вариантов, которые они представляют. В наше время объем материала, в том числе аутентичного, огромен: англоязычные медиа, интернет-ресурсы, художественная литература, написанная писателями-билингвами, и т. д. Это бескрайнее поле для креативной деятельности и практиков, и теоретиков.

Заключая наш краткий обзор, подчеркнем, что перед лингводидактами, как и перед лингвистами, встает масса новых задач со своими проблемами, которые, несмотря на дискусионность, требуют новых и скорых решений. Плюрицентричность, вариативность основного в нашей образовательной системе иностранного языка — английского — стала настолько явной, что требует пересмотра принципов и подходов к его обучению и изучению. Вероятно, в некотором будущем это коснется и других плюрицентричных языков — немецкого, французского, испанского и т. д., которые хоть и медленнее, но развиваются в том же направлении.

Список источников

1. Clyne, M. (1992). Pluricentric languages — Introduction. In M. Clyne (Ed.). *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*. De Gruyter Mouton.
2. McKay, S. (2002). *Teaching English as an International Language*. Oxford University Press.
3. Sharifian, F. (Ed.). (2009). *English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues*. Multilingual Matters.
4. Alsagoff, L., McKay, S. L., Hu, G., & Renandya, W. A. (Eds.). (2012). *Principles and Practices for Teaching English as an International Language*. Routledge.
5. Matsuda, A. (Ed.). (2012). *Principles and Practices of Teaching English as an International Language*. Multilingual Matters.
6. Matsuda, A. (Ed.). (2017). *Preparing Teachers to Teach English as an International Language*. Multilingual Matters.
7. Marlina, R., & Giri, R. A. (Eds.). (2014). *The Pedagogy of EIL: Perspectives from Scholars, Teachers, and Students*. English Language Education. Springer.

8. Phan, N. L. H. (2020). *The Place of English as an International Language in English Language Teaching: Teachers' Reflections*. Routledge.
9. Graddol, D. (2010). *English Next: Why global English may mean the end of 'English as a Foreign Language'*. British Council. (2023, 13 октября). <http://englishagenda.britishcouncil.org/sites/ec/files/books-english-next-india-2010.pdf>
10. Евдокимова, М. Н. (2015). *Методика ознакомления студентов-лингвистов с мировыми вариантами английского языка* [Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Пятигорск].
11. Seidlhofer, B. (2011). *Understanding English as a Lingua Franca*. Oxford University Press.
12. Jenkins, J. (2006). Current perspectives on teaching WE and ELF. *TESOL Quarterly*, 40(1), 157–181.
13. Jenkins, J. (2014). *English as a Lingua Franca in the International University. The Politics of Academic English Language Policy*. Routledge.
14. Prodromou, L. (2008). *English as a Lingua Franca: A corpus-based analysis*. Continuum.
15. Mackenzie, I. (2014). *English as a Lingua Franca: Theorizing and Teaching English*. Routledge.
16. Bowles, H., & Cogo, A. (Eds.). (2015). *International Perspectives on English as a Lingua Franca. Pedagogical Insights*. Palgrave Macmillan.
17. Сафонова, В. В. (2004). *Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях*. Издательство НИЦ «Еврошкола».
18. Языкова, Н. В. (2018). Актуальные проблемы реализации межкультурного подхода в иноязычном образовании и пути их решения. В Г. С. Доржиева (Науч. ред.), Л. М. Орбодоева (Отв. ред.). *Язык – культура, мышление – познание. Интегративные исследования* (с. 275–282). Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора П. П. Даширмаевой (Улан-Удэ, 28–30 июня 2018 г.).
19. Сысоев, П. В. (2004). Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США) [Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва].
20. Языкова, Н. В., & Будникова, А. А. (2021). Транскультурный подход к обучению английскому языку как международному. *Язык и культура*, 56, 273–293. DOI: 10.17223/19996195/56/16
21. Pennycook, A. (2008). Translingual English. In F. Sharifian & M. Clyne (Eds.). *Australian Review of Applied Linguistics*. International Forum on English as an International Language. Special forum issue, 32(3), 30.1–30.9.
22. Celic, C., & Seltzer, K. (2011). *Translanguaging*. A CUNY-NYSIEB. Guide for Educators New York. The City University of New York.
23. Canagarajah, S. (2013). *Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations*. Routledge.
24. Lee, J. W. (2018). *The Politics of Translingualism: After Englishes*. Routledge.
25. Прошина, З. Г. (Ред.). (2016). Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 2(50), 6–164.
26. Прошина, З. Г. (2017). Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, 14(2), 155–170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
27. Wen, Qiufang. (2012). Teaching English as an International Language in Mainland China. In A. Kirkpatrick & R. Sussex (Eds.). *English as an International Language in Asia: Implications for Language Education* (pp. 72–93). Springer.
28. Wen, Qiufang. (2016). *A pedagogical framework for teaching English as an international language (EIL)*. Beijing. (2023, 13 октября). <https://www.slideserve.com/germaine-jordon/a-pedagogical-framework-for-teaching-english-as-an-international-language-eil>
29. Cook, V. (1999). Going beyond the Native Speaker in Language Teaching. *TESOL Quarterly*, 33(2), 185–209. (2023, 13 октября). <http://www.viviancook.uk/Writings/Papers/NS1999.htm>

30. CEFR — *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. (2020). Companion volume. Language Policy Programme. Education Policy Division. Education Department. Council of Europe. Council of Europe Publ. (2023, 13 октября). www.coe.int/lang-cefr
31. Kachru, B. B. (1983). Models for non-native Englishes. In L. E. Smith (Ed.). *Readings in English as an International Language* (pp. 69–86). Pergamon Press.
32. Proshina, Z. G., & Eddy, A. A. (Eds.). (2016). *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge University Press.
33. Rivlina, A. A. (2020). Russian English and what it is not. *Russian Journal of Linguistics*, 24(3), 649–668.
34. Hickey, R. (2012). Standard English and standards of English. In R. Hickey (Ed.). *Standards of English: Codified Varieties Around the World* (pp. 1–33). Cambridge University Press.
35. Carter, R., & McCarthy, M. (2006). *Cambridge Grammar of English*. A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage. Cambridge University Press.
36. Прошина, З. Г. (2011). Варианты английского языка на уроке и в учебнике. В Л. А. Гордеевская (Отв. ред.). *Учитель, ученик, учебник* (с. 157–163). Материалы VI Международной научно-практической конференции. Сборник статей. Т. 2. КДУ.
37. Прошина, З. Г. (2014). Учебники английского языка с позиции контактной вариантологии (World Englishes Paradigm). В О. В. Николаева (Ред.). *Межкультурная коммуникация: Взаимодействие языков, культур и менталитетов* (с. 220–230). Монография: к юбилею профессора Марии Григорьевны Лебедево. Дальневосточный федеральный университет.
38. Siemund, P., Davydova, J., & Maier, G. (2012). *The amazing world of Englishes*. A practical introduction. De Gruyter Mouton.
39. Honna, N., Takeshita, Y., & D'Angelo, J. (2012). *Understanding English across Cultures*. Kinseido.
40. Honna, N., & Takeshita, Y. (2009). *Understanding Asia*. Cengage Learning.
41. Honna, N. (Ed.). (2005). *English as an International Language*. ALC.

References

1. Clyne, M. (1992). Pluricentric languages — Introduction. In M. Clyne (Ed.). *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*. De Gruyter Mouton. (In English).
2. McKay, S. (2002). *Teaching English as an International Language*. Oxford University Press. (In English).
3. Sharifian, F. (Ed.). (2009). *English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues*. Multilingual Matters. (In English).
4. Alsagoff, L., McKay, S. L., Hu, G., & Renandya, W. A. (Eds.). (2012). *Principles and Practices for Teaching English as an International Language*. Routledge. (In English).
5. Matsuda, A. (Ed.). (2012). *Principles and Practices of Teaching English as an International Language*. Multilingual Matters. (In English).
6. Matsuda, A. (Ed.). (2017). *Preparing Teachers to Teach English as an International Language*. Bristol: Multilingual Matters. (In English).
7. Marlina, R., & Giri, R. A. (Eds.). (2014). *The Pedagogy of EIL: Perspectives from Scholars, Teachers, and Students, English Language Education*. Springer.
8. Phan, N. L. H. (2020). *The Place of English as an International Language in English Language Teaching: Teachers' Reflections*. Routledge. (In English).
9. Graddol, D. (2010). *English Next: Why global English may mean the end of 'English as a Foreign Language'*. British Council. (2023, October 13). <http://englishagenda.britishcouncil.org/sites/ec/files/books-english-next-india-2010.pdf> (In English).
10. Evdokimova, M. N. (2015). *Methods of acquainting linguist-students with world Englishes* [Abstract of the dissertation for the PhD Pedagogical Sciences: 13.00.02. Pyatigorsk]. (In Russ.).
11. Seidlhofer, B. (2011). *Understanding English as a Lingua Franca*. Oxford University Press. (In English).

12. Jenkins, J. (2006). Current perspectives on teaching WE and ELF. *TESOL Quarterly*, 40(1), 157–181. (In English).
13. Jenkins, J. (2014). *English as a Lingua Franca in the International University. The Politics of Academic English Language Policy*. Routledge. (In English).
14. Prodromou, L. (2008). *English as a Lingua Franca: A corpus-based analysis*. Continuum. (In English).
15. Mackenzie, I. (2014). *English as a Lingua Franca: Theorizing and Teaching English*. Routledge. (In English).
16. Bowles, H., & Cogo, A. (Eds.). (2015). *International Perspectives on English as a Lingua Franca. Pedagogical Insights*. Palgrave Macmillan. (In English).
17. Safonova, V. V. (2004). *Communicative competence: current approaches to a multilevel description for educational purpose*. Izdatel'stvo NIC «Evroshkola». (In Russ.).
18. Zazykova, N. V. (2018). Urgent problems of implementing the intercultural approach to foreign language teaching and ways of their solution. In G. S. Dorzhiyeva (Scientific ed.), L. M. Orbodoyeva (Responsible ed.). *Language – Culture, Mindset – Cognition. Integrative research* (pp. 275–282). Proceedings of the International Research Conference dedicated to the 60th anniversary of Professor P. P. Dashinimayeva (Ulan-Ude, 2018, June 28–30). (In Russ.).
19. Sysoev, P. V. (2004). *The conception of language polycultural education (based on the USA culture studies)* [Abstract of the dissertation ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).
20. Zazykova, N. V., & Budnikova, A. A. (2021). Transcultural approach to teaching English as an International Language. *Yazyk i kul'tura*, 56, 273–293. DOI: 10.17223/19996195/56/16 (In Russ.).
21. Pennycook, A. (2008). Translingual English. In F. Sharifian & M. Clyne (Eds.). *Australian Review of Applied Linguistics*. International Forum on English as an International Language. Special forum issue, 32(3), 30.1–30.9. (In English).
22. Celic, C., & Seltzer, K. (2011). *Translanguaging*. A CUNY-NYSIEB. Guide for Educators New York. The City University of New York. (In English).
23. Canagarajah, S. (2013). *Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations*. Routledge. (In English).
24. Lee, J. W. (2018). *The Politics of Translingualism: After Englishes*. Routledge. (In English).
25. Proshina, Z. G. (Ed.). (2016). Problems and prospects of translingual and transcultural contacts. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2(50), 6–164. (In Russ.).
26. Proshina, Z. G. (2017). Translingualism and its applied significance. *Bulletin of the University of Peoples' Friendship. Series: Education Issues: Languages and Speciality*, 14(2), 155–170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170 (In Russ.).
27. Wen, Qiufang. (2012). Teaching English as an International Language in Mainland China. In A. Kirkpatrick & R. Sussex (Eds.). *English as an International Language in Asia: Implications for Language Education* (pp. 79–93). Springer. (In English).
28. Wen, Qiufang. (2016). *A pedagogical framework for teaching English as an international language (EIL)*. Beijing. (2023, October 13). <https://www.slideserve.com/germaine-jordon/a-pedagogical-framework-for-teaching-english-as-an-international-language-eil>
29. Cook, V. (1999). Going beyond the Native Speaker in Language Teaching. *TESOL Quarterly*, 33(2), 185–209. <http://www.viviancook.uk/Writings/Papers/NS1999.htm> (In English).
30. CEFR — *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. (2020). Companion volume. Language Policy Programme. Education Policy Division. Education Department. Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe Publ. (2023, October 13). www.coe.int/lang-cefr (In English).
31. Kachru, B. B. (1983). Models for non-native Englishes. In L. E. Smith (Ed.). *Readings in English as an International Language* (pp. 69–86). Pergamon Press. (In English).
32. Proshina, Z. G., & Eddy, A. A. (Eds.). (2016). *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge University Press. (In English).

33. Rivlina, A. A. (2020). Russian English and what it is not. *Russian Journal of Linguistics*, 24(3), 649–668. (In English).
34. Hickey, R. (2012). Standard English and standards of English. In R. Hickey (Ed.). *Standards of English: Codified Varieties Around the World* (pp. 1–33). Cambridge University Press. (In English).
35. Carter, R., & McCarthy, M. (2006). *Cambridge Grammar of English*. A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage. Cambridge University Press. (In English).
36. Proshina, Z. G. (2011). World Englishes in class and in the textbook. In L. A. Gorodetskaya (Responsible ed.). *Teacher, Students, Textbook* (pp. 157–163). Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Collection of articles. Vol. 2. KDU. (In Russ.).
37. Proshina, Z. G. (2014). English language textbooks in the framework of the World Englishes Paradigm. In O. V. Nikolayeva (Ed.). *Intercultural Communication: Interaction of Languages, Cultures and Mindsets* (pp. 220–230). Festschrift for the anniversary of Professor M. G. Lebedko. Far Eastern Federal University. (In Russ.).
38. Siemund, P., Davydova, J., & Maier, G. (2012). *The amazing world of Englishes*. A practical introduction. De Gruyter Mouton. (In English).
39. Honna, N., Takeshita, Y., & D'Angelo, J. (2012). *Understanding English across Cultures*. Kinseido. (In English).
40. Honna, N., & Takeshita, Y. (2009). *Understanding Asia*. Cengage Learning. (In English).
41. Honna, N. (Ed.). (2005). *English as an International Language*. ALC. (In English).

Информация об авторе

Зоя Григорьевна Прошина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Zoya G. Proshina — Doctor of Philology (Habil.), Professor, Professor, Department of Theory for Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Аналитическая статья

УДК 371.3:378.147

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.15

МЕТОДИЧЕСКАЯ ШКОЛА БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИТОГИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО (ПЕРЕ)ОСМЫСЛЕНИЯ Н. В. ЯЗЫКОВОЙ

Дашинимаева Полина Пурбуевна

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия,

pdash@bsu.ru, polinadash58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Аннотация. Предпосылкой данной работы служит грядущий юбилей доктора педагогических наук, профессора, заслуженного учителя Российской Федерации и почетного профессора Бурятского государственного университета (БГУ) Натальи Витальевны Языковой. Цель исследования — представить методическую школу БГУ как итоги методологического (пере)осмысления Н. В. Языковой. Экспликация концептуально-методологического когнитивного развития педагога и наставника в выполнении своего предназначения производится следующими методами: индуктивно-аналитическим, описательным, статистическим, прогностическим, анализом временных рядов, смешением и интеграцией данных. Результатом исследования является концепция автора статьи о составе и направлениях концептуально-методологической эволюции (КМЭ) Н. В. Языковой и ее методической школы, актуализировавшаяся на девяти уровнях. Как отмечается в работе, нумерация витка/ступени/уровня КМЭ имеет относительный характер: она детерминирована параметризацией аспекта и сферы деятельности, вовлекаемых в учебно-научно-методический процесс, сменой методологического горизонта и выхода за содержание заданной специальности. Для экспликации траектории КМЭ выдвигается оригинальная гипотеза о взаимообусловленности поступательной эволюции научно-методического познания субъекта в целом и теоретического обоснования профессиональной практической деятельности большого ученого и соответствующей библиографической базы его трудов при условии высокой частотности номинаций в названиях работ, указывающих на сферу научно-профессиональной деятельности автора. В выводах подчеркивается иерархия направлений деятельности аккумулятивного свойства, осуществляемой профессором: педагог-наставник для студентов своей специальности – для преподавателей своего факультета – для коллег других факультетов вуза – для аспирантов – для учителей общеобразовательных школ – для педагогического сообщества Республики Бурятия. Иерархия в результате иллюстрирует венец методологического (пере)осмысления методики обучения Н. В. Языковой и доказывает факт того, что методическая школа в БГУ состоялась.

Ключевые слова: Н. В. Языкова, методика, концептуально-методологическая эволюция, обучение, знание, системный подход, Бурятский государственный университет.

Для цитирования: Дашинимаева, П. П. (2023). Методическая школа Бурятского государственного университета: итоги методологического (пере)осмысления Н. В. Языковой. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 197–205. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.15>

Original article

UDC 371.3:378.147

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.15

**BURYAT STATE UNIVERSITY METHODOLOGY SCHOOL:
N. V. YAZYKOVA'S METHODOLOGICAL (RE)INTERPRETATION****Polina P. Dashinimaeva**Banzarov Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia,pdash@bsu.ru, polinadash58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Abstract. The premise of this work is the upcoming anniversary of Prof. Natalia V. Yazykova, an honored teacher of the Russian Federation, and honorary professor of Buryat State University. The research aims to present the methodological school of Buryat State University as the result of Prof. Yazykova's methodological (re)interpretation. There is a range of methods employed to exemplify the conceptual-methodological cognitive development of the teacher and mentor in fulfilling their mission such as the following: inductive-analytical, descriptive, statistical, prognostic methods, analysis of time series, mixing and data integration. The result of the research is the author's concept of the structure and directions of N. V. Yazykova's conceptual-methodological evolution (CME) and her methodological school, actualized at 9 levels. The paper emphasizes that the indexing of the CME development cycle/step/level is relative: it is determined by the parameterization of the aspect and sphere of activity involved in the educational-scientific-methodological process, the change of methodological horizon, and going beyond the content of the given specialty. To explicate the trajectory of CME, there is an original hypothesis put forward concerning the interdependence of progressive evolution of scientific-methodological knowledge of the subject as a whole and theoretical justification of the professional practical activity of a great scientist, and the corresponding reference list of their works with highly frequent nominations in the titles of works indicating the author's professional sphere of scientific activity. The conclusions reveal the hierarchy of accumulative activity directions carried out by the professor: mentor for students – for teachers of his faculty – for colleagues from other faculties of the university – for graduate students – for teachers of secondary schools – for the pedagogical community of the Republic of Buryatia. The hierarchy illustrates the culmination of N. V. Yazykova's methodological (re)interpretation in terms of methodology teaching and proves the fact that there has been a methodological school established at Buryat State University.

Keywords: N. V. Yazykova, methodology, conceptual-methodological evolution, education, knowledge, systemic, Buryat State University.

For citation: Dashinimaeva, P. P. (2023). Buryat State University methodology school: N. V. Yazykova's methodological (re)interpretation. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 197–205. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.15>

Введение

Методологический семинар Московского городского педагогического университета (МГПУ) в честь юбилея доктора педагогических наук, профессора Натальи Витальевны Языковой удачно назван «Методика как призвание». Для определения статуса профессиональной сферы человека в качестве призвания, по-видимому, прежде всего необходимо проанализировать постоянство и продолжительность занятия им любимым делом.

Профессиональный путь Натальи Витальевны Языковой в Бурятском государственном педагогическом институте им. Доржи Банзарова (БГПИ) – Бурятском государственном университете (БГУ) насчитывает 48 лет. Путь от ассистента кафедры английского языка (1965–1967), старшего преподавателя и доцента кафедр английского языка и английской филологии (1970–1996), заведующего кафедрой английского языка (1971–1981), декана факультета иностранных языков (1983–1996) до проректора-директора Института педагогического образования БГУ (1996–2006), профессора и заведующего кафедрой профессионально-педагогической подготовки Института педагогического образования БГУ (1996–2006), профессора кафедры английской филологии БГУ (2006–2013) (Иностранные языки..., 2013, с. 16) можно назвать поступательной *должностной* эволюцией юбиляра. Да, действительно, данный перечень внешних наименований подтверждает профессиональное постоянство Натальи Витальевны, однако не указывает на призвание как некое стабильное «внутреннее влечение к какому-н. делу, какой-н. профессии; роль, задачу, предназначение» (Ушаков, 2013, с. 528). Соответственно, попробуем показать эволюцию другого плана — когнитивного развития профессора-педагога и профессора-наставника во влечении к выполнению своего жизненного предназначения.

Методология исследования

Так, в данной статье ставится задача определения состава и направлений *концептуально-методологической эволюции* (КМЭ) Н. В. Языковой, а именно динамики развития ее научно-методического познания в плане общей и частной методики обучения во всей совокупности сопровождающих ее научно-исследовательских, теоретико-и практико-прикладных процедур актуализации результатов познания. Для экспликации траектории КМЭ выдвигается следующая *гипотеза*: если библиографическая база трудов ученого достаточно солидная (умозрительный минимум — 100 наименований) и имеет стабильный параметр «высокая частотность номинаций в названиях работ, указывающих на сферу научно-профессиональной деятельности автора», то она обладает доказательной силой иллюстрации спиралей поступательной эволюции научно-методического познания субъекта в целом и теоретического обоснования профессиональной практической деятельности ученого, педагога и наставника в частности.

Таким образом, *методом* экспликации КМЭ является индуктивно-аналитический, описательный, статистический и прогностический методы, анализ временных рядов, смешение и интеграция данных. Последний метод подразумевает синхронизацию с прогнозируемым выводным знанием сведений и характеристик деятельности, полученных от соратников, и данных из опыта сотрудничества автора статьи.

Материал использования для аналитического трансфера — 104 публикации Н. В. Языковой, изданные за время работы в БГПИ – БГУ в 1967–2006 годах.

Результаты исследования

Нумерация витка/ступени/уровня КМЭ имеет весьма относительный характер: она детерминирована не столько временной последовательностью, сколько параметризацией аспекта и сферы деятельности, вовлекаемых в учебно-научно-методический

процесс, сменой методологического горизонта и выхода за содержание заданной специальности.

Первым объектом научного интереса Натальи Витальевны сразу явились методологические азы самостоятельной работы студентов по курсу методики через усвоение соответствующих понятий и принципов разработки и использования методических задач для самостоятельной работы студентов (СРС), что закономерно вылилось в кандидатскую диссертацию «Использование методических задач в процессе подготовки учителя иностранного языка» (Языкова, 1970а), вскоре успешно защищенную в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. Научить себя и других самостоятельно управлять накоплением багажа научно-методического знания — достойный первый кирпич методологии!

Второй виток КМЭ можно обозначить как «психолого-педагогическая основа системы методической подготовки студентов языковых вузов»: развитие методического мышления обучающихся невозможно без синхронизации с психологическими и педагогическими закономерностями познания, что предполагает экспериментальное обучение; так, в качестве пунктов учебных задач в курсе методики преподавания в том числе выступают психологические установки и предпосылки, мотивы учебной деятельности, данные экспериментов (Языкова, 1970б).

Далее, судя по публикациям автора, *третий* уровень эволюции «Способы организации контроля» связан с осознанием важности оценки степени усвоения учебного материала, контроля знаний и умений будущих учителей, что логично предполагает также мониторинг содержания обучения на занятиях по практике устной и письменной речи на иностранных языках (Языкова, 1975).

На совершенствование системной методики преподавания иностранных языков указывает *четвертый* уровень КМЭ — продвижение научно-методической и научно-педагогической деятельности, нацеленной на развитие способности разрабатывать в соответствии с требованиями учебные пособия, сборники задач и заданий, узконаправленные спецкурсы, что, в свою очередь, обуславливает организацию процесса формирования и развития у студентов соответствующих учебно- и научно-исследовательских и прикладных умений и навыков (Языкова, 1977). Данный аспект видится автором как психолого-дидактические основы активизации профессионально-методической подготовки, углубления познания и расширения картины мира учителя иностранного языка, что далее способствует повышению эффективности самостоятельного изучения курса методики обучения иностранным языкам. Здесь отдельное научное направление составляет деятельность по разработке требований к выпускной квалификационной работе выпускника, выбравшего для написания дипломного проекта психолого-педагогические науки.

Следующий — *пятый* — виток эволюции закономерно приводит Наталью Витальевну к вовлечению в содержательную часть учебно-научно-методического процесса культурологического компонента — отечественного регионального и зарубежного (Языкова и др., 1988). Следует заметить, что на московском этапе профессиональной деятельности она вновь вернется к данному компоненту уже в рамках межкультурного подхода к обучению языку-речи-коммуникации.

Далее, учитывая внедряемый в образовательный процесс факультета иностранных языков БГПИ учебный и научно-методический пакет, логично появляется потребность реализации нового взгляда на организацию педагогической практики студентов

1–5-х курсов как обучающей программы-алгоритма. Когда сами преподаватели методики обучения иностранным языкам под чутким руководством Н. В. Языковой освоили упомянутую ранее технологию, настает время обеспечивать студента подобным руководством. Данный *шестой* уровень КМЭ сопровождается расширением сферы влияния методической школы Натальи Витальевны Языковой на общеобразовательные учреждения, в том числе сельские школы Республики Бурятия, и происходит процесс расширения посредством ее учеников как новаторская педагогическая практика студентов факультета иностранных языков (Буланова, Языкова, 1989), где достаточно большое внимание уделяется психологическим и педагогическим составляющим программы, курируемым Юлией Федоровной Малининой и Юлией Геннадьевной Резниковой.

В 1995 году данные шесть уровней аккумуляции системного знания формулируются под названием «Формирование профессиональной методической деятельности студентов педагогических факультетов иностранных языков» в виде диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук (Языкова, 1995). Дальнейшие ступени КМЭ можно по праву уже распространять на саму методическую школу, которая сформировалась, развивалась и совершенствовалась вглубь и вширь.

Седьмой уровень эволюции обусловлен расширением деятельности за пределами вузовской специальности учителя иностранных языков: в 1996 году начинается пост-вузовская подготовка по научной специальности 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки)», благодаря чему стало возможным открытие диссовета по защите кандидатских диссертаций по данной специальности (с 1999 по 2007 год совет функционировал под председательством Н. В. Языковой, где защитились из 30 соискателей 15 ее подопечных), с одной стороны, и унификация системы профессионально-педагогической подготовки преподавателей и студентов всего вуза в соответствии с передовым опытом методической школы Н. В. Языковой — с другой. Теперь БГПИ находится в статусе государственного университета.

Как известно, с 1995 года государственная образовательная политика резко поменяла приоритеты проектирования высшего профессионального образования (ВПО), что отразилось в издании первой модели государственного образовательного стандарта. С высоты сегодняшнего времени сложно согласиться, что сформулированная в стандарте задача обеспечения необходимого качества обучения, поддержания единого образовательного пространства на всей территории России (Письмо..., 1995) должна была осуществляться на практике посредством смены концептуально-методологических оснований образования. Более того, данная и последующие модели (федеральных) государственных образовательных стандартов высшего (профессионального) образования — ГОС ВПО, ФГОС ВПО, ФГОС ВО — в аспекте методической подготовки учителей стали, к большому сожалению, инструментами последовательного ухудшения качества подготовки учительских и педагогических кадров страны, обеднения содержания образовательных программ и компонентов, обеспечивающих личностное развитие студентов педагогической направленности.

В этих условиях инициатива руководства университета при личном участии Н. В. Языковой по открытию на базе БГПИ – БГУ Университетского образовательного комплекса (УОК), в который входили многие городские и сельские школы республики, и создания Института педагогического образования, в должности директора которого начала работать Наталья Витальевна, была крайне важной стратегией пролонгирования

реализации качественной и системной профессиональной подготовки учительских кадров. Обучение кураторов других специальностей началось с ознакомления их с системной поэтапной технологией подготовки учительских кадров, соответственно, разрабатывались спецкурсы, в том числе «Методология и методика педагогического исследования». Были открыты программы курсов дополнительной квалификации «Преподаватель» по следующим специальностям:

- математика (куратор — Владимир Васильевич Кибирев);
- физика (куратор — Валентина Ивановна Ваганова);
- химия (куратор — Любовь Петровна Очинова);
- биология (куратор — Лидия Иннокентьевна Зданович);
- география (куратор — Сосора Сергеевна Бахрунова);
- бурятский язык (куратор — Эржен Патанхановна Нанзатова);
- история (куратор — Марина Геннадьевна Цыренова);
- технология и предпринимательство (куратор — Геннадий Александрович

Корытов);

- физическая культура и спорт (куратор — Александр Григорьевич Покацкий).

В итоге было издано семь учебно-методических комплектов, включая учебные пособия, методические издания по промежуточному и итоговому контролю профессионально-методической подготовки студентов по специальностям, имеющим дополнительную квалификацию «Преподаватель», структуре и требованиям к аттестационному профессионально-педагогическому портфелю как средству аттестации выпускников классического университета.

Восьмой уровень КМЭ методической школы Н. В. Языковой — это социокультурный аспект в системе личностно ориентированного обучения, кульминацией чего явилась разработка концепции общеобразовательной школы УОК (Языкова, Горбунов, 2002) и вскоре организован, и начал эффективно работать сам комплекс под руководством Евгении Викторовны Жестковой. Соответственно, началась кипучая деятельность по снабжению комплекса всеми необходимыми учебно-методическими материалами, что находит отражение в публикациях соответствующих лет.

Заключение

Из вышеизложенного видно, как формировалась и развивалась поступательная эволюция энергичного, волевого, трудолюбивого и системно мыслящего администратора, ученого, педагога и наставника Натальи Витальевны Языковой и ее высококласной методической школы. Представим иерархию направлений ее деятельности аккумулятивного свойства. Так, педагог-наставник для студентов, обучающихся по учительской специальности «Иностранные языки», становится наставником для своих преподавателей факультета, затем для коллег из других факультетов, вошедших в «образовательный зонтик» Института педагогического образования, далее — для аспирантов, для учителей общеобразовательных школ УОК, и, наконец, на *девятой* ступени — для педагогического сообщества Республики Бурятия, проходящего в том числе через наставника свою профессиональную аттестацию. Здесь ее талант доходчиво и ясно излагать сложные хитросплетения принципов, методов, форм обучения и прочего понятийного аппарата индустрии общей и частной дидактики

высоко оценивался на семинарах, круглых столах и курсах повышения квалификации педагогами и учителями региона.

Примечательно, что Н. В. Языкова никогда не прекращала совершенствовать видение своей первой «научно-методической любви» — СРС по курсу методики преподавания иностранных языков. Так, в 2003 году ее учебное пособие выходит в 3-м переработанном издании (Языкова, 2003). В этом свете отрадно отметить, что в соавторстве с Эржен Патанхановной Нанзатовой изданы «Методика обучения бурятскому языку как государственному: самостоятельная работа студентов по спецкурсу» (Языкова, Нанзатова, 2005а) и «Самостоятельная работа студентов по курсу “Методика обучения бурятскому языку как государственному”» (Языкова, Нанзатова, 2005б).

Так, бурятский этап КМЭ Н. В. Языковой начинается и завершается систематизацией и обобщением научно-методического знания о способах СРС, что очень символично и методически обосновано: умение самоорганизации для системного познания тем более важно, когда и сам методист, и обучающийся становятся частью интегрированного образовательного пространства Байкальского региона в системе «школа – колледж – вуз». Иерархия направлений деятельности профессора в результате иллюстрирует венец методологического (пере)осмысления методики обучения Н. В. Языковой и доказывает факт того, что методическая школа в БГУ состоялась.

Благодарности. Выражаю огромную благодарность близким соратникам Натальи Витальевны Языковой по созданию и развитию методической школы родного факультета иностранных языков кандидатам педагогических наук, доцентам Елене Федоровне Ивановой и Нине Павловне Серебряковой за детальные рассказы, воспоминания и отзывы о совместной работе по обучению и воспитанию будущих учителей.

Список источников

1. *Иностранные языки в Байкальском регионе: опыт и перспективы межкультурного диалога.* (2013). Г. С. Доржиева (Отв. ред.). Н. В. Языкова (Науч. ред.). Материалы Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 18–20 сентября 2013 г.). Издательство Бурятского государственного университета.
2. Ушаков, Д. Н. (2013). *Толковый словарь современного русского языка.* Аделант.
3. Языкова, Н. В. (1970а). *Использование методических задач в процессе подготовки учителя иностранного языка (на материале методики преподавания английского языка)* [Диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва].
4. Языкова, Н. В. (1970б). О развитии методического мышления студентов языковых вузов (экспериментальное обучение). *Проблемы обучения иностранным языкам* (с. 36–46). Ч. 4. Издательство Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова.
5. Языкова, Н. В. (1977). *Сборник задач и заданий по методике преподавания иностранных языков.* Просвещение.
6. Языкова, Н. В., Богомолова, О. И., Шойсоронова, С. Р., & Жеребцова, С. И. (1988). *Поговорим о Бурятии.* Методические рекомендации на английском языке по краеведению Бурятской АССР. Издательство Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова.
7. Буланова, Н. Н., & Языкова, Н. В. (1989). *Педагогическая практика студентов 1–5 курсов факультетов иностранных языков педагогических институтов.* Методическое пособие. Издательство Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова.
8. Языкова, Н. В. (1995). *Формирование профессиональной методической деятельности студентов педагогических факультетов иностранных языков* [Диссертация ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва].

9. Письмо Госкомвуза РФ от 05.05.1995 № 31-32-37ин/03 «О применении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования в учебной деятельности высшего учебного заведения». (1995). *Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации*. (2023, 13 октября). <https://legalacts.ru/doc/pismo-goskomvuza-rf-ot-05051995-n-31-32-37in03/>

10. Языкова, Н. В., & Горбунов, А. В. (2002). Становление и перспективы развития университетского образовательного комплекса БГУ. *Высшее профессиональное образование Сибири как гарант устойчивого развития региона* (с. 34–38). Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Издательство Бурятского государственного университета.

11. Языкова, Н. В. (2003). *Самостоятельная работа студентов по курсу методики преподавания иностранных языков*. Учебное пособие. Издательство Бурятского государственного университета.

12. Языкова, Н. В., & Нанзатова, Э. П. (2005а). Методика обучения бурятскому языку как государственному: самостоятельная работа студентов по спецкурсу. Издательство Бурятского государственного университета.

13. Языкова, Н. В., & Нанзатова, Э. П. (2005б). Самостоятельная работа студентов по курсу «Методика обучения бурятскому языку как государственному». Издательство Бурятского государственного университета.

References

1. *Foreign Languages in the Baikal Region: experience and perspectives of intercultural dialogue*. (2013). G. S. Dorzhieva (Responsible ed.). N. V. Yazykova (Scientific ed.). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Ulan-Ude, 2013, September 18–20). Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).

2. Ushakov, D. N. (2013). *Explanatory dictionary of modern Russian Language*. Adelant Press. (In Russ.).

3. Yazykova, N. V. (1970a). *The use of methodical tasks in the process of foreign language teacher training (based on the teaching methodology of English)* [Dissertation for the PhD (Pedagogy): 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

4. Yazykova, N. V. (1970b). On the development of methodological thinking of students in language universities (experimental training). *Problems of foreign language teaching* (pp. 36–46). Part 4. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Dorzhi Banzarova. (In Russ.).

5. Yazykova, N. V. (1977). *Collection of Problems and Assignments on the Methodology of Teaching Foreign Languages*. Prosveshchenie. (In Russ.).

6. Yazykova, N. V., Bogomolova, O. I., Shoisoronova, S. R., & Zherebtsova, S. I. (1988). *Let's talk about Buryatia*. Methodological recommendations in English on the study of Buryat ASSR. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Dorzhi Banzarova. (In Russ.).

7. Bulanova, N. N., & Yazykova, N. V. (1989). *Pedagogical practice of students from 1st to 5th year of foreign language faculties of pedagogical institutes. Methodological guide*. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Dorzhi Banzarova. (In Russ.).

8. Yazykova, N. V. (1995). *Building of professional methodological activity of students in pedagogical faculties of foreign language universities* [Dissertation ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

9. Letter from the State Committee for Higher Education of the Russian Federation dated 05.05.1995 No. 31-32-37ин/03 «On the application of the State educational standard of higher professional education in the educational activities of higher educational institutions». (1995). *Laws, codes and regulatory legal acts of the Russian Federation*. (2023, October 13). <https://legalacts.ru/doc/pismo-goskomvuza-rf-ot-05051995-n-31-32-37in03/> (In Russ.).

10. Yazykova, N. V., & Gorboonov, A. V. (2002). Formation and prospects of development of the university educational complex of BSC. *Higher professional education of Siberia as a guarantee of sustainable regional development* (pp. 34–38). *Proceedings of the international scientific and practical conference*. Part 1. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
11. Yazykova, N. V. (2003). *Self-guided work of students in the course of teaching methods of foreign languages*. Textbook. 3rd edition, revised. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
12. Yazykova, N. V., & Nanzatova, E. P. (2005a). *Methodology of teaching Buryat Language as a state language: self-guided work of students in the special course*. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
13. Yazykova, N. V., & Nanzatova, E. P. (2005b). *Self-guided work of students in the course «Methodology of teaching Buryat Language as a state language»*. Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).

Информация об авторе

Полина Пурбуевна Дашинимаева — доктор филологических наук, профессор Института истории и филологии Бурятского государственного университета.

Information about the author

Polina P. Dashinimaeva — Doctor of Philology, Professor at the Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.16

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ситдикова Валерия Валерьевна¹,
Тарева Елена Генриховна²,
Федянина Владлена Анатольевна³

^{1,2,3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ sitdikovavv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8291-2163>

² tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

³ fedyaninava@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2914-043X>

Аннотация. Отсутствие линейки утвержденных Министерством просвещения Российской Федерации учебников, а также малое количество учебных пособий по японскому языку создают сложности организации дополнительного школьного образования, нацеленного на удовлетворение интереса обучающихся к японской культуре, японскому языку, к особой ментальности и специфическому образу жизни японцев. В статье анализируются используемые в школах России учебные пособия по японскому языку. Цель анализа — определение степени их соответствия требованиям новых федеральных государственных образовательных стандартов. Результаты анализа важны для формирования методической базы для разработки линейки учебных пособий по японскому языку в целях организации дополнительного образования в 5–9-х классах российских школ.

Ключевые слова: иноязычное образование, японский язык, второй иностранный язык, школьный учебник, учебное пособие.

Для цитирования: Ситдикова, В. В., Тарева, Е. Г., Федянина, В. А. (2023). Комплексный анализ учебных пособий по японскому языку для дополнительного школьного образования. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 206–214. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.16>

Original article

UDC 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.16

JAPANESE LANGUAGE TEACHING AIDS FOR SUPPLEMENTARY SCHOOL EDUCATION: COMPREHENSIVE ANALYSIS

Valeria V. Sitdikova¹,
Elena G. Tareva²,
Vladlena A. Fedianina³

^{1,2,3} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ sitdikovavv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8291-2163>

² tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

³ fedyaninava@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2914-043X>

Abstract. There is an absence of textbooks approved by the Ministry of Education of the Russian Federation and a significant shortage of Japanese manuals for secondary schools. This poses difficulties for supplementary school education which aims to meet the needs of learners who are interested in Japanese culture, the Japanese language and understanding the Japanese mentality and the way of life. The article analyzes the Japanese language study guides and manuals used in Russian schools to determine compliance with the modern criteria of the new educational standards of the Russian Federation. This will form methodological framework for the development of a series of manuals for supplementary school education, grades 5–9.

Keywords: foreign language education, Japanese, second foreign language, school textbook.

For citation: Sitdikova, V. V., Tareva, E. G., Fedianina, V. A., (2023). Japanese language textbooks for secondary schools: comprehensive analysis. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 206–214. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.16>

Введение

В течение последних тридцати лет в российском обществе наблюдается определенный рост интереса к изучению японского языка. Согласно статистическим данным Японского Фонда (ЯФ), Россия находится на 22-м месте в мире по числу людей, занимающихся изучением японского языка. В настоящее время в нашей стране около 12 000 человек осваивают японский язык, из них более 5 000 учеников начальных и средних общеобразовательных учреждений (Nihongo kyōiku kikan tūōsa, 2018). Значительное количество мероприятий, связанных с культурой Японии, способствовало повышению интереса к японскому языку, например объявленный в 2018 году президентом РФ «Перекрестный год России и Японии» широко освещался в СМИ (Мизгулина, 2020, с. 422). Современная массовая культура, прежде всего манга и аниме, а также современная японская музыка и мода привлекают школьников.

Появившиеся в 2022 году сложности в российско-японских отношениях привели к сокращению количества вышеуказанных мероприятий на территории РФ. Однако эти изменения не снижают интереса подрастающего поколения к изучению японского языка и японской культуры. Ознакомление с языком и культурой соседней страны остается важным фактором с прагматической и стратегической точек зрения.

Контакты с Японией приостановлены, но взаимоотношения между странами-соседями остаются, пусть на уровне неформальных связей и контактов. В России свободно можно знакомиться с японскими СМИ, погружаться в контекст жизни носителей языка, их проблем и достижений. Одновременно контакт с особой цивилизацией ярче и глубже показывает школьникам особенности нашей страны, своеобразие концептуальной картины мира россиян. Значит, изучение японского языка как инструмента погружения в особый социокультурный мир является продуктивным в отношении развития метапредметных умений школьников — умений анализировать, сравнивать, критически осмысливать реальность и пр.

Японский язык в учебных пособиях: реальное положение дел

Японский язык как основной иностранный изучается в Дальневосточном федеральном округе. Например, в средней общеобразовательной школе № 51 г. Владивостока он преподается как первый иностранный язык с 1987 года. В других регионах — преимущественно как второй иностранный язык или, что чаще, в системе дополнительного образования (Мизгулина, 2021).

Особенностью дополнительного образования в области обучения японскому языку в школе является полное отсутствие линейки школьных учебников, малое количество учебных пособий, программ по предмету «японский язык», а также слабое проявление преемственности в последних (Федянина, 2009, с. 183; Тарева, Федянина, Мизгулина, 2020, с. 86). Отсутствие полноценных и качественных учебных пособий создает определенные сложности при обучении японскому языку в школе. Возникает необходимость переосмыслить существующий набор средств обучения для формирования иноязычной коммуникативной компетенции школьников с учетом широкого спектра воспитательных возможностей иноязычного образования, в том числе направленного на обучение японскому языку. Такое переосмысление, прежде всего, необходимо идущему в ногу со временем преподавателю японского языка — педагогу дополнительного образования, который должен уметь выбирать средства обучения, отвечающие требованиям сегодняшнего дня, осознавая обновление концепции преподавания иностранного языка в условиях эволюции научных парадигм и лингводидактических подходов.

Цель настоящего исследования — провести комплексный анализ используемых в школах России учебных пособий по японскому языку с учетом требований федеральных государственных образовательных стандартов среднего общего образования (ФГОС СОО). Результаты такого анализа позволят сформировать базу для создания единой образовательной программы и разработки серии учебных пособий для системы дополнительного образования в 5–9-х классах российских школ.

Лингводидактические и методические особенности учебника иностранного языка описываются в фундаментальном исследовании И. Л. Бим «Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника» (Бим, 1977). Этот важнейший труд послужил отправной точкой для дальнейших исследований и формирования современных подходов к проектированию учебника иностранного языка (О. А. Масловец, Е. Г. Тарева, Н. В. Языкова) и к определению параметров качества учебных книг.

Опорой для проведенного в рамках данного исследования анализа послужили критерии, в соответствии с которыми осуществляется экспертиза, апробация и издание

учебников и разработанных в комплексе с ними учебных пособий, включаемых в федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования¹. Как значится в данном документе, главным показателем качества учебных изданий выступает соответствие содержания учебника и учебных пособий ФГОС соответствующей ступени общего образования. Это комплексный критерий, который при проведении анализа конкретизировался в большей степени в области достижения предметных результатов дополнительного образования, что обусловило необходимость рассмотрения учебных пособий сквозь призму требований следующих уровней: 1) общей методологии, 2) целеполагания, 3) содержания, 4) структуры, 5) коммуникативности, 6) социокультурного развития, 7) особенностей конкретного языка (Масловец, 2013).

Первоначально были учтены результаты опроса учителей средних школ, в которых изучается японский язык (Тарева, Федянина, Мизгулина, 2020, с. 87). Один из вопросов относился к существованию учебных пособий по японскому языку, используемых в средних общеобразовательных учреждениях. Большинство респондентов указали на применение в своей практике сразу нескольких учебных пособий, например одного российского и одного или нескольких японских изданий. При этом материалы зарубежных учебников проходят тщательный отбор, служат дополнительным ресурсом.

Были названы шесть учебников и образовательных ресурсов, преимущественно задействованных в процессе обучения:

- 1) «Японский язык для начинающих» (Нечаева, 2017);
- 2) «Читаем, пишем, говорим по-японски» (Стругова, Шефтелевич, 2007);
- 3) «Японский язык. 5 класс. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений» (Ядрышникова, 2008);
- 4) «Сёкю: Нихонго ‘Гэнки’» (Интегрированный курс японского языка для начинающих «Гэнки» (далее — «Гэнки»)) (Банно, Икэда, Оно, 2020);
- 5) «Минна-но Нихонго» (Японский язык для всех) (Minna no nihongo (Японский язык для всех), 2004);
- 6) «Маругото. Нихонго-но котоба то бунка. Нью:мон» (Маругото. Японский язык и культура (далее — «Маругото»)) (Маругото. Нихонго-но котоба то бунка (Маругото. Японский язык и культура), 2013).

Впоследствии появился новый учебный ресурс, к которому обращаются в школах и который также был принят к изучению, — «Иродори. Сэикацу-но Нихонго / Иродори. Японский для жизни» (2020) (далее — «Иродори»).

Анализ учебников и учебных пособий японского языка русских авторов

Учебник Л. Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» создан на основе когнитивно-коммуникативного подхода. Издание состоит из двух частей и включает

¹ Приказ Министерства просвещения РФ от 2 декабря 2022 г. № 1052 «Об утверждении Порядка подготовки, экспертизы, апробации и издания учебников и разработанных в комплексе с ними учебных пособий, включаемых в федеральный перечень учебников...». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406053157/#review> (дата обращения: 15.11.2023).

в себя аудиозаписи текстов. Материал четко структурирован: разделяется по урокам, имеются приложения с указателем иероглифов, вокабуляром к урокам, ответами к упражнениям.

Книга в полной мере формирует и совершенствует коммуникативную компетенцию, обеспечивая достижение допорогового уровня ее сформированности, способствует дружелюбному отношению к ценностям японской культуры и повышает осознание ценностей родной культуры. Учебник учитывает особенности межкультурного общения. При этом он в большей мере ориентирован на студента или ученика старшей школы. Следует обратить внимание и на тот факт, что его содержание рассчитано на 500 часов аудиторных занятий, в то время как в школьной программе на изучение второго иностранного языка, в том числе японского, обычно выделяется 70 часов в год.

Учебник Е. В. Струговой, Н. С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим по-японски» напечатан для общеобразовательной школы, однако он не позволяет воплотить в жизнь в полной мере современные подходы в обучении иностранному языку в предлагаемых условиях. Он в незначительной степени реализует социокультурную направленность и не в полной мере обеспечивает развитие коммуникативно-речевых умений. Несомненным достоинством можно считать то, что он дает возможность формировать на высоком уровне языковые навыки. Языковой материал изложен детально, в первых уроках приводятся сведения о фонетике японского языка, на CD-диске можно прослушать произношение новых слов и диалоги. Но при этом большой объем иероглифического и лексического материала не соответствует условиям преподавания языка в 5–7-х классах в формате дополнительного образования. Вводный текст каждого урока дан как разговор главных героев, однако при этом отсутствуют коммуникативные задания.

Учебное пособие М. В. Ядрышниковой «Японский язык (5 класс)» было создано в 2008 году после выхода распоряжения Правительства Москвы № 2338-РП от 15 ноября 2006 года «О расширении практики преподавания японского языка в государственных образовательных учреждениях, реализующих общеобразовательные программы системы Департамента образования города Москвы». Из запланированной линейки существуют только учебные пособия для 5-х и 6-х классов. Основами при их разработке стали когнитивный и страноведческий подходы. С самых первых уроков автор знакомит обучающихся с различными аспектами японской культуры, с помощью которой можно заинтересовать школьников.

Пособие включает в себя 27 уроков, содержание которых позволяет предоставить школьникам некоторые знания о стране и языке, но не обеспечивает формирования речевых умений. Тематически все задания и упражнения соответствуют возрасту и интересам школьников, однако в учебнике полностью отсутствуют коммуникативные упражнения. Лексику составляют главным образом имена существительные и прилагательные. В учебнике представлены задания на аудирование, однако сами аудиозаписи отсутствуют.

Как можно заключить, достижение предметных результатов, закрепленных ФГОС, является весьма проблематичным, поскольку существующие учебники и учебные пособия слабо отражают направленность дополнительного образования на формирование речевых навыков и развитие коммуникативных умений. Отсюда вывод — требуется разработка концепции новых учебных пособий, нацеленных на поддержание интереса к японскому языку и японской культуре, на обеспечение освоения школьниками

базовых языковых навыков и основных речевых умений, предусмотренных требованиями современных федеральных государственных образовательных стандартов для общеобразовательной школы.

Анализ учебных пособий японских авторов

Изданные в Японии учебные пособия «Гэнки», «Минна-но Нихонго», «Маругото», «Иродори», подобно многим зарубежным учебникам, не учитывают национальную специфику обучающихся. Эти учебники создавались для иностранцев без учета особенностей родного языка, психологии, культуры обучающихся (Нечаева, 2015, с. 64–65). Тематически они далеки от сферы интересов школьников и вряд ли могут быть применены в системе дополнительного образования, где учет интересов обучающихся служит главным целевым ориентиром. Тем не менее существует ряд позитивных лингводидактических решений авторов этих учебных пособий. Они перечислены далее.

Пособие «Гэнки» создано японскими авторами с опорой на коммуникативный подход. Это целый комплекс учебных материалов, включающий в себя CD с записями текстов и заданий, рабочую тетрадь, пособие по иероглифике. Каждый урок отличается четкой структурой. Пособие в полной степени формирует и совершенствует коммуникативную компетенцию, при этом предусматривается некоторое превышение допорогового уровня владения языком. Материал ориентирован на обеспечение учащимся понимания ценностей японской культуры, при этом отведено место для информации о представителях других стран.

Учебное пособие «Минна-но Нихонго» — это хорошо разработанный комплекс учебных материалов. Помимо двух томов собственно учебного пособия, в комплекс входят отдельные издания к каждому тому: грамматический комментарий на русском языке, сборник грамматических упражнений, комплект из четырех дисков с перечнем аудиозаписей, задания на аудирование, задания на чтение и говорение, пособие для обучения написанию сочинений, сборник для изучения иероглифов, сборник упражнений на отработку иероглифов, сборник иллюстраций для введения и отработки материала, видеозаписи диалогов, сборник тестов. Учебное пособие составлено на высоком методологическом уровне, позволяет формировать все языковые навыки и развивать речевые умения, поскольку базируется на коммуникативном подходе. Правда, судя по его персонажам и лексике, он в большей степени ориентирован на взрослую аудиторию. Отсутствие сюжетной линии и четкого целеполагания может отрицательно сказаться на мотивации учащихся.

«Маругото» представляет собой линейку пособий, также рассчитанных на взрослую аудиторию. В работе авторы руководствовались коммуникативным, компетентностным и межкультурным подходами. Комплект составляют два компонента: «Кацудо:» (практика) и «Рикай» (понимание), а также большое количество дополнительных материалов, которые размещены на сайте Marugoto Plus Global Home (marugotoweb.jp). Тематически все ситуации учебного пособия связаны с Японией и японской культурой, многие задания даются для осмысления культуры страны обучающегося. Перед каждым из девяти тематических разделов помещены несколько дескрипторов — описаний знаний, навыков и умений, необходимых для полноценной коммуникации (Тарева, Федянина,

Мизгулина, 2023, с. 314–316). Они дают обучающимся четкое понимание, чему можно научиться в рамках данного урока. В конце раздела приведена таблица дескрипторов и способ оценивания (самооценивания).

Учебное пособие позволяет развивать все виды речевой деятельности. Особо значимы качественные аудиотреки, в которых используются различные варианты произношения (голоса мужские, женские, пожилых людей, иностранцев). Дополнительно на сайте размещены видеоролики, в которых наглядно показаны ситуации общения. Важно то, что пособие интернациональное, предназначено для представителей любой страны. В нем много страноведческой информации, вынесенной в отдельный параграф каждого тематического раздела.

Образовательный ресурс «Иродори» перекликается с серией учебных пособий «Маругото». Его можно назвать электронным учебным ресурсом. «Иродори» рассчитан на иностранцев, работающих в Японии или собирающихся там работать; его цель — знакомство с повседневной жизнью в Японии. Тематические разделы полностью совпадают с пособиями «Маругото». Каждый урок содержит диалоги, скрипты для аудирования, список новых иероглифов, грамматические комментарии, страничку с информацией о жизни в Японии.

Проведенный анализ показал, что зарубежные учебные пособия японского языка не соответствуют современным требованиям, заложенным во ФГОС СОО. В частности, в них отсутствуют необходимые ценностные элементы воспитания (о них подробнее см.: (Тарева, 2021)). Однако стоит принимать во внимание сильные стороны этих пособий. Коммуникативная направленность, аутентичный языковой материал, характерные речевые ситуации, применение дескрипторов для оценивания и самооценивания могут быть учтены при проектировании нового учебного пособия для организации и реализации дополнительного языкового образования в общеобразовательной школе.

Заключение

Анализ имеющихся учебных пособий и учебников, используемых в школах для обучения японскому языку в рамках дополнительного образования, выявил несоответствие современным концепциям обучения и образовательным стандартам. Учебные пособия лишь частично отвечают актуальным подходам в обучении, за исключением «Японского языка (5 класс)» М. В. Ядрышниковой. Содержание материалов, формы и виды учебной работы, которые они предлагают, не соответствуют требованиям ФГОС СОО. Таким образом, возникает задача — создать серию учебных пособий по японскому языку для школьников, желающих освоить японский язык в рамках дополнительного образования.

Учебно-методический комплекс — это инструмент управления обучением, один из наиболее эффективных способов оптимизации процесса обучения иностранным языкам (Tareva, Schepilova, Tarev, 2017, с. 246). Очевидно, что при создании учебных пособий нового поколения по японскому языку для школ необходимо учитывать современные подходы, направления и методы обучения, содержательно-целевые и процессуально-технологические показатели, соответствующее ФГОС СОО.

Список источников

1. Мизгулина, М. Н. (2020). Преподавание японского языка в российских школах: основные тенденции. *XIX Всероссийская научно-практическая конференция молодых исследователей образования. Доказательный подход в сфере образования* (с. 421–424). Тезисы конференции. ФГБОУ ВО МГППУ.
2. Мизгулина, М. Н. (2021). *Методика обучения аудированию текстов на японском языке (начальный этап, дополнительное образование)*. [Диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва].
3. Федянина, В. А. (2009). Преподавание японского языка в России: этапы развития и современное состояние. *Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, языкового образования* (с. 181–194). Материалы II Научной сессии. МГПУ.
4. Тарева, Е. Г., Федянина, В. А., & Мизгулина, М. Н. (2020). Критерии отбора языкового и речевого материала при составлении олимпиадных заданий по японскому языку. *Иностранные языки в школе*, 10, 85–91.
5. Бим, И. Л. (1977). *Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника*. Русский язык.
6. Масловец, О. А. (2013). Критерии выбора и создания учебника китайского языка для средней школы. *Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*, 60, 105–110.
7. Нечаева, Л. Т. (2017). *Японский язык для начинающих*. Учебник. Ч. 1–2. Московский Лицей.
8. Стругова, Е. В., & Шефтелевич, Н. С. (2007). *Читаем, пишем, говорим по-японски*. Т. 1–2. Восток – Запад.
9. Ядрышникова, М. В. (2008). *Японский язык*. 5 класс. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. Вентана-Граф.
10. Бано, Е., Икэда, Е., & Оно, Я. (2020). *Сёкю: нихонго «Гэнки» (Интегрированный курс японского языка для начинающих «Гэнки»)*. Japan Times.
11. *Минна-но Нихонго (Японский язык для всех)*. (2004). Суриэ нэттоваку.
12. *Маругото. Нихонго-но котоба то бункаю Ню:мон (Маругото. Японский язык и культура)*. (2013). Кокусай ко:рю: кикин. Сансю:ся.
13. *Иродори. Эзикацу-но нихонго (Иродори. Японский для жизни)*. (2020). Кокусай ко:рю: кикин. Сансю:ся. (2023, 13 октября). <https://www.irodori.jp/f.go.jp/en/>
14. Нечаева, Л. Т. (2015). Об учебниках японского языка для школ. *Иностранные языки в школе*, 5, 64–68.
15. Тарева, Е. Г., Федянина, В. А., & Мизгулина, М. Н. (2023). Разработка системы оценивания уровня владения японским языком участников олимпиады. *Язык и культура*, 61, 306–323.
16. Тарева, Е. Г. (2021). Учебник иностранного языка: сила воздействующей функции. *Иностранные языки в школе*, 7, 5–11.
17. Tareva, E. G., Schepilova, A. V., & Tarev, B. V. (2017). Intercultural content of a foreign language textbooks: Concept, texts, practices. *XLinguae*, 10(3), 246–255.

References

1. Mizgulina, M. N. (2020). Teaching the Japanese language in Russian schools: the main trends. *XIX All-Russian scientific and practical conference of young educational researchers. Evidence-based approach in education* (pp. 421–424). Conference abstracts. MGPPU. (In Russ.).
2. Mizgulina, M. N. (2021). *Methodology of teaching listening texts in Japanese (initial stage, additional education)* [Disertation ... for the PhD (Pedagogy): 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).
3. Fedianina, V. A. (2009). Japanese language teaching in Russia: stages of development and the current state. *Actual problems of linguistics, literature, language education* (pp. 181–194). Materials of the II Scientific Session. MCU. (In Russ.).

4. Tareva, E. G., Fedianina, V. A., & Mizgulina, M. N. (2020). Criteria for choosing of language and speech material in the preparation of Olympiad tasks in the Japanese language. *Foreign Languages at School*, 10, 85–91. (In Russ.).
5. Bim, I. L. (1977). *Methods of teaching foreign languages as a science and school textbook problems*. Russkij yazyk. (In Russ.).
6. Maslovets, O. A. (2013). Criteria for choosing and creating a Chinese language textbook for secondary school. *Bulletin of the Amur State University. Series «Humanities»*, 60, 105–110. (In Russ.).
7. Nechaeva, L. T. (2017). *Japanese for Beginners*. Textbook. P. 1–2. Moskovskij Licej. (In Russ.).
8. Strugova, E. G., & Sheftelevich, N. S. (2007). *Reading, writing, speaking Japanese*. Vol. 1–2. Vostok – Zapad. (In Russ.).
9. Yadrashnikova, M. V. (2008). *Japanese language. 5th grade*. Educational manual for students of secondary school. Ventana-Graf. (In Russ.).
10. Banno, E., Ikeda Y., & Ono, Y. (2020). *Syokyū nihongo «Genki»*. Japan Times. (In Japanese).
11. *Minna no nihongo*. (2004). Surie nettowaku. (In Japanese).
12. *Marugoto. Nihongo no kotoba to bunka. Nyūmon*. (2013). Kokusai kōryū kikin. Sansyūshya. (In Japanese).
13. *Irodori. Seikatsu no nihongo*. (2020). Kokusai kōryū kikin. (2023, October 13). <https://www.irodori.jp/f.go.jp/en/> (In Japanese).
14. Nechaeva, L. T. (2015). On Japanese language textbooks for schools. *Foreign Languages in School*, 5, 64–68. (In Russ.).
15. Tareva, E. G., Fedianina, V. A., & Mizgulina, M. N. (2023). Developing a system for evaluating Japanese Language proficiency levels in olympiad participants. *Yazyk i kul'tura*, 61, 306–323. (In Russ.).
16. Tareva, E. G. (2021). Foreign language textbook: From teaching to educating. *Foreign Languages at School*, 7, 5–11. (In Russ.).
17. Tareva, E. G., Schepilova, A. V., & Tarev, B. V. (2017). Intercultural content of a foreign language textbooks: Concept, texts, practices. *XLinguae*, 10(3), 246–255. (In Russ.).

Информация об авторах

Валерия Валерьевна Ситдикова — кандидат филологических наук, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Елена Генриховна Тарева — доктор педагогических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ.

Владлена Анатольевна Федянина — кандидат исторических наук, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Valeria V. Sitdikova — PhD (Philology), Associate Professor of Japanese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Elena G. Tareva — Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Institute of Foreign Languages, MCU.

Vladlena A. Fedianina — PhD (History), Associate Professor, Head of Japanese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82-1: 82-193.3
DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда

Николаева Марина Николаевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена .... Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... **(200–250 слов).**

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма **(3–15 слов / словосочетаний).**

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Original article

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry

Marina N. Nikolaeva

Moscow City University,
Moscow, Russia,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme **(3–15 words).**

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст .....

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст .....

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст .....

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст .....

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.

2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.*

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2023, № 4 (52)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 17.01.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 13,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.